

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

10/2018

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
ВИНИТИ РАН, в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**
на платформе **Web of Science (ESCI)** компании Clarivate Analytics.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«**Ulrich's Periodicals Directory**»

Переводные статьи журнала индексируются в **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амплеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США);
Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция);
Брес И., проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция);
Даллмайр Ф.Р., д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Кастийо М.**, д.филос., проф. Ун-та Париж-Кретей (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Степин В.С.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., декан филос. фак-та РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, директор ИП РАН; **Комиссарова Л.Б.**, к.филос.н.; **Миронов В.В.**, чл.-кор. РАН, декан филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Павлов А.Т.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Пружинина А.А.**, к.филос.н.; **Розин В.М.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Степин В.С.**, ак. РАН, руководитель секции философии, социологии, права и психологии отделения общественных наук РАН, почетный директор ИФ РАН, президент РФО; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Турбовский Я.С.**, д.пед.н., зав. лабораторией философии образования Института стратегии развития образования РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Редактор отдела культурологии и религиоведения **Дуркин Р.А.**

Редактор международного отдела **Чикин А.А.**

Ответственный редактор **Комиссарова Л.Б.**

Ответственный секретарь **Пружинина А.А.**

Верстка: **Топилина В.М.**

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.ru>

Шеф-редактор **Мариносян Х.Э.**

THE MINISTRY OF
EDUCATION AND SCIENCE OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

RJPhS

RUSSIAN JOURNAL OF PHILOSOPHICAL SCIENCES

10/2018

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), in the **Russian Science Citation Index (RSCI)** database on the platform of Clarivate Analytics' **Web of Science (ESCI)**. The information about the journal is published annually in the international information system on serial publications *Ulrich's Periodicals Directory*

Translated articles of the journal are indexed by the **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Castillo M.**, Dr., Prof., Paris-Est Créteil University (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Stepin V.S.**

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Dean of the Faculty of Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Komissarova L.B.**, Ph.D.; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Mironov V.V.**, RAS Corr. Memb., Dean of the Faculty of Philosophy at the MSU; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pavlov A.T.**, D.Sc., Prof., MSU; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Pruzhinina A.A.**, Ph.D.; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, Ph.D., Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Stepin V.S.**, RAS Full Memb., Head of the Section of Philosophy, Sociology, Law and Psychology, Department of Social Sciences, RAS, Honorary Director of the Institute of Philosophy RAS, President of the Russian Philosophical Society; **Tolstykh V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Head of the Laboratory for the Philosophy of Education at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Cultural and Religious Studies Department's Editor **Durkin R.A.**

International Department's Editor **Chikin A.A.**

Responsible Editor **Komissarova L.B.**

Executive Secretary **Pruzhinina A.A.**

Page Layout: **Topilina V.M.**

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.ru>

Editor-in-Chief **Marinosyan Kh.E.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

**ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.
ФИЛОСОФИЯ ГУМАНИТАРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

**Новый технологический уклад:
социокультурные основания ■**

<i>В.Е. ЛЕПСКИЙ</i>	Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка	7
<i>V.E. LEPSKIY</i>	Philosophical-Methodological Basis for the Formation of Third-Order Cybernetics	23
<i>T.A. MEDVEDEVA (Novosibirsk)</i>	Cybernetics and the Russian Intellectual Tradition	37
<i>(Т.А. МЕДВЕДЕВА (Новосибирск))</i>	Кибернетика и русская интеллектуальная традиция)	

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

Феномен универсальности в морали ■

<i>А.В. СКОМОРОХОВ</i>	Анализ дискуссий о принципе универсализуемости в моральной философии 1950–1960-х гг.	47
<i>Е.В. ЛОГИНОВ</i>	Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг.	65
<i>Р.С. ПЛАТОНОВ</i>	Проблема универсальных суждений в этике Аристотеля	81

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУССИОН

Социальная философия сегодня.

Состояние и тенденции ■

А.В. ПАВЛОВ

Образы современности в XXI веке:

автомодернизм 97

О.С. ВОЛГИН

Еще раз о понятии «гражданское

общество»: философский аспект 114

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Историко-философский экскурс ■

Г.А. ЗОЛОТКОВ

О возвращении к метафизике

в аналитической философии сознания 130

Б.Л. ГУБМАН (Тверь)

А.К. Данто и П. Рикёр: Повествование

как способ познания истории 143

■

Contents 160

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<http://www.phisci.ru/publish-terms>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 - 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 15.09.2018 г. Формат 60х90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info

**ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.
ФИЛОСОФИЯ ГУМАНИТАРНО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ****Новый технологический уклад:
социокультурные основания****Философско-методологические основания становления
кибернетики третьего порядка***В.Е. Лепский**Институт философии РАН, Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-7-36

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье проведен философско-методологический анализ эволюции представлений о кибернетике в соотнесении с развитием научной рациональности. Эволюция кибернетики представлена как восхождение от методологии «наблюдаемых систем» (Н. Винер) к методологии «наблюдающих систем» (фон Фёрстер) и к методологии саморазвивающихся рефлексивно-активных сред. Обоснована целесообразность становления нового перспективного направления постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред, которая, с учетом соотнесения с предыдущими этапами развития кибернетики с классической и неклассической научной рациональностью, представлена нами как кибернетика третьего порядка. Анализ исходных оснований становления кибернетики третьего порядка проведен с учетом взаимосвязанных аспектов: философского, методологического, теоретического и методического. Представлен вариант модели саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред. Разработана система онтологий, задающих механизмы функционирования саморазвивающихся полисубъектных сред и организующих пространство коммуникаций активных элементов (естественного, искусственного интеллекта и их интегрированных образований), а также позволяющая интегрировать кибернетику первого, второго и третьего порядка. Рассмотрены отдельные социогуманитарные тренды в развитии кибернетики: от внешнего наблюдателя к распределенному наблюдателю; от монодисциплинарного к трансдисциплинарному подходу; от деятельностного подхода к субъектно-деятельностному и далее к субъектно-ориентированному подходу; от информации к активным знаниям; от этики целей к этике стратегических субъектов. Описаны потенциальные возможности использования кибернетики третьего порядка для повышения качества решения ряда актуальных научных и практических проблем управ-

ления социальными системами. Приведены сведения о направлениях апробации концепции кибернетики третьего порядка для совершенствования управления страной на основе системы распределенных ситуационных центров и результаты успешной апробации на международных научных конференциях.

Ключевые слова: постнеклассическая научная рациональность, кибернетика третьего порядка, саморазвивающиеся рефлексивно-активные среды, субъектно-ориентированный подход, рефлексия, управление, философия науки, этика.

Лепский Владимир Евгеньевич – доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.

lepsy@tm-net.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6893-0234>

Цитирование: Лепский В.Е. (2018) Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка // Философские науки. 2018. № 10. С. 7–36.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-7-36

Philosophical-Methodological Basis for the Formation of Third-Order Cybernetics

V.E. Lepskiy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-7-36

Original research paper

Summary

In the paper, a philosophical and methodological analysis of the evolution of cybernetics in the context of the development of scientific rationality is carried out. The evolution of cybernetics is represented as a movement from the methodology of “observable systems” (N. Wiener) and to the methodology of “observing systems” (von Foerster) and to the methodology of self-developing reflexive-active environments. Special attention is paid to the formation of a new promising direction for post-non-classical cybernetics of self-developing poly-subject (reflexive-active) environments, which, given the correlation with previous stages of cybernetics development (with classical and non-classical scientific rationality), we define as third-order cybernetics. The analysis of the basics of the formation of third-order cybernetics was carried out with consideration of interrelated aspects: philosophical, methodological, theoretical, and methodical. We also provide model of self-developing poly-subject (reflexive-active) environments as well as a system of ontologies, defining the mechanisms of functioning of such self-organizing poly-subject environments and active elements that organize the communication space (natural, artificial intelligence,

and combined formations). The ontology system also makes it possible to integrate cybernetics of the first, second, and third order. Some socio-humanitarian trends in the development of cybernetics are considered: from an external observer to a distributed observer; from monodisciplinary to transdisciplinary approaches; from activity approach to subject-activity one, and further to subject-oriented approach; from information to active knowledge; from ethics of goals to ethics of strategic subjects. Potential opportunities for using third-order cybernetics are described, in order to improve the quality of solving a number of important scientific and practical problems of controlling social systems. Information is provided on the directions of approbation of a third-order cybernetics concept for improving state administration, based on a system of distributed situational centers, and there is its approbation at international scientific conferences.

Keywords: post-non-classical scientific rationality, third-order cybernetics, self-developing reflexive-active environments, subject-oriented approach, reflexion, control, philosophy of science, ethics.

Vladimir Lepskiy – D.Sc. in Psychology, Main Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

lepsy@tm-net.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6893-0234>

Citation: Lepskiy V. (2018) Philosophical-Methodological Basis for the Formation of Third-Order Cybernetics. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 7–36.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-7-36

Введение

Проблемы управления со времен Античности были в фокусе внимания философов [Диев 2010, 35], а в начале XXI века интерес все более возрастает в связи с ярко выраженным кризисом этой проблематики [Espejo 2015, Novikov 2016].

В настоящее время в философии науки в значительной степени благодаря идеям В.С. Степина накоплен богатейший задел в представлениях о типах научной рациональности. Фактически разработана система парадигм, в которой каждая последующая в развитии включает в себя предыдущие как частные парадигмы. Эти представления опирались прежде всего на отечественные разработки в философских, методологических и психологических исследованиях в конвергенции с естественнонаучными подходами. Были выделены три типа научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая) [Степин 2003, 619–636], которые позволили систематизировать на макроуровне эволюцию проблематики управления и кибернетики как области научного знания. Более того это позволило постановить проблему создания кибернетических комбинированных «человекоразмерных»

моделей, в которых предусмотрена возможность использования концепций, методов, моделей и технологий, накопленных на разных этапах становления кибернетики [Лепский 2015].

В статье обосновано становление нового перспективного направления постнеклассической кибернетике саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред, которая, с учетом соотношения предыдущих этапов развития кибернетики с классической и неклассической научной рациональностью, представлена нами как кибернетика третьего порядка [Lepskiy 2018].

В качестве базовой позиции анализа в данном исследовании мы принимаем типы научной рациональности (классика, неклассика, постнеклассика), в контексте которых проводится рассмотрение эволюции кибернетики. При этом используются ранее полученные нами результаты философско-методологического анализа проблематики управления [Лепский 2015].

Классическая научная рациональность: кибернетика первого порядка

Философские аспекты. В центре внимания классической научной рациональности оказывается объект управления. Средства и субъекты исследования остаются вне рассмотрения, и как следствие не учитывается влияние средств и субъектов на полученные знания. Такое упрощение обосновывается ориентацией на получение объективного знания о мире, поиске законов, существующих вне зависимости от человека [Степин 2003, 633].

Классическая научная рациональность оказалась неразрывно связана со становлением классической кибернетики [Wiener 1948]. Базовым философским подходом при ее становлении выступили различные направления позитивизма. А для моделирования человека как объекта управления широко использовался бихевиоризм, органично связанный с идеями позитивизма.

Методологические аспекты. Парадигма «субъект – объект» является базовой парадигмой классической научной рациональности и классической кибернетики. Доминирующим комплексным подходом выступает деятельностный подход, в котором свобода субъекта в значительной степени ограничена целями и регламентами деятельности.

Кибернетика первого порядка соответствует философским и методологическим положениям классической научной рациональности [Lepskiy 2018]. Это «кибернетика наблюдаемых систем». Ее основоположником считается Норберт Винер [Wiener 1948]. Базовыми понятиями классической кибернетики являются система и объект управления. Базовой моделью объектов управ-

ления становится модель «черного ящика», построение которой опирается на метод функциональной аналогии. Главная задача управления рассматривается как обеспечение движения объекта управления по заданной траектории некоего фазового пространства или удержания его в заданном состоянии. Главным механизмом управления выступают обратные связи об объекте управления и направленные на него управляющие воздействия. Для решения этой задачи были разработаны разнообразные подходы, опирающиеся на широкое использование математических методов. Фактически сложилось представление, что кибернетика – это математическая область знания.

Доминирование естественнонаучного подхода позволяет обобщенно охарактеризовать этот этап кибернетики как монодисциплинарный. Тем не менее зарождались новые области знания, в которых происходила интеграция классической кибернетики с гуманитарными науками. В первую очередь с психологией, лингвистикой, биологией и др.

Представление о знаниях в классической кибернетике опиралось в значительной степени на информационный подход. Информация и информационные потоки оказались в центре внимания и существенно влияли на методы и модели кибернетики. Основатель информационного подхода Клод Шеннон пророчески предупреждал о технических ограничениях информационного подхода, однако этот подход стали широко использовать в управлении социальными системами. Ограничения информационного подхода в управленческой сфере четко сформулировал Рассел Акофф как создание управленческих дезинформационных систем.

В контексте этического рассмотрения устанавливается ведущая ориентация на цели, фактически на этику целей [Лепский 2015].

Классическая кибернетика первого порядка адекватна основным положениям классической научной рациональности. Она базируется на идеях философского позитивизма и парадигме «субъект – объект». Попытки приложения идей и моделей кибернетики первого порядка к управлению социальными системами столкнулись с множеством ограничений, преодоление которых осуществлялось в рамках неклассической и постнеклассической рациональности и соответственно новых типов кибернетики.

Неклассическая научная рациональность: кибернетика второго порядка

Философские аспекты. В неклассической научной рациональности в центре внимания наряду с объектом исследования оказываются и средства его исследования (средства деятельности). Как

в естественнонаучных (физика), так и в гуманитарных областях знания было обнаружено, что исследовательский инструментарий влияет на интерпретацию полученных знаний. Это принципиально повлияло на изменение представлений о научной рациональности, на становление неклассической научной рациональности [Степин 2003, 634]. В соответствие с этой логикой происходил переход к ведущей роли философского конструктивизма в неклассической научной рациональности.

Методологические аспекты. Существенный вклад в разработку методологических основ неклассической науки внесла отечественная школа методологов, в которой был четко сформулирован тезис – «средства задают объект» [Лефевр, Щедровицкий, Юдин 1965, 141–149]. Это послужило основой для перехода к рассмотрению и моделированию активных объектов, как следствие к ведущей роли парадигмы «субъект – субъект». В соответствие с этой парадигмой исследователь – это один из участников в системе рефлексивных отношений, в которую включается и активный объект.

Как следствие это привело к осознанию ограничений деятельностного подхода, соответствующего специфике классической научной рациональности. Для неклассической научной рациональности адекватным становится субъектно-деятельностный подход [Рубинштейн 1997, 438]. Как следствие наряду с деятельностью активностью в кибернетике начинает рассматриваться коммуникативная и рефлексивная активность.

Ведущая роль парадигмы «субъект – субъект» способствовала интенсивному развитию междисциплинарных исследований: философия, психология, социология, политология, биология и др.

Кибернетика второго порядка была предложена Фон Ферстером – как «кибернетика наблюдающих систем» [Foerster 1974], как кибернетика активных объектов, способных наблюдать и моделировать их исследователя (управляющего). Большое влияние на становление кибернетики второго порядка оказали идеи философского конструктивизма. Важно отметить изменение концепции наблюдателя. В кибернетике первого порядка была монополия внешнего наблюдателя, в кибернетике второго порядка наряду с внешним наблюдателем важное внимание уделяется встроенному в объект наблюдателю [Kauffman 2016].

В соответствие с парадигмой «субъект – субъект» в кибернетике второго порядка ведущей формой активности становится коммуникативная активность. В то же время резко возросла роль рефлексивной коммуникативной активности [Лефевр 1973, Umpleby 2014].

Принципиально важные культурологические особенности подходов к кибернетике второго порядка на Западе и в СССР описал В.Е. Лефевр [Lefebvre 1986]. И на Западе, и в СССР в основу кон-

цепции кибернетики второго порядка была положена рефлексия («наблюдающий объект»), однако на Западе доминировал поведенческий подход и исследования велись в значительной степени в рамках биологии, а в СССР доминировал структурный подход и исследования велись в основном в рамках психологии.

В рамках кибернетики второго порядка были разработаны новые виды управления, соответствующие парадигме «субъект – субъект». К таким видам управления в первую очередь можно отнести рефлексивное управление. В кибернетике второго порядка были существенно развиты исследование операций и теория игр. Можно привести многочисленные примеры практических приложений в экономике и военной сфере. В частности, идеи кибернетики второго порядка нашли свое отражение в исследованиях лауреатов Нобелевской премии по экономике Томаса Шеллинга, Роберта Аумана [Лепский 2015].

В кибернетике второго порядка принципиально меняется представление о знаниях. Знания рассматриваются в контексте их соотношенности с субъектами их создающими, преобразующими и транслирующими. Через знания осуществляется связь между субъективными и объективными реальностями. Этот подход был представлен как в работах специалистов по кибернетике (В. Турчин), так и работах философов, раскрывших важнейшее значение личностных (скрытых) знаний (М. Полани). Что нашло свое отражение в кибернетике второго порядка.

Доминирующей этикой в кибернетике второго порядка становится коммуникативная этика [Лепский 2015].

Кибернетика второго порядка адекватна основным положениям неклассической научной рациональности. Она базируется на идеях философского конструктивизма и парадигме «субъект – субъект», субъектно-деятельностном и сетевом подходах. Кибернетика второго порядка способствовала преодолению ряда ограничений кибернетики первого порядка в управлении социальными системами.

Постнеклассическая научная рациональность: кибернетика третьего порядка

Философские аспекты. В центре внимания постнеклассической научной рациональности оказываются субъекты познания и практической деятельности вместе с их ценностно-целевыми структурами, а также с объектами, включенными в их сферы деятельности и используемыми средствами. В сферу актуальных философских проблем попадают проблемы конвергенции естественнонаучных и гуманитарных знаний, конвергенции интернальных и экстернальных механизмов научных исследований [Степин 2003, 634–635].

В постнеклассической научной рациональности принципиально меняется представление о философском конструктивизме. При организации коммуникативных процессов большое внимание уделяется предотвращению ограничений свободы субъектов, установлению равноправно-партнерских отношений как с другим человеком, так и с природными процессами [Лекторский 2001, 46–47].

Методологические аспекты. Саморазвивающиеся системы находятся в центре внимания постнеклассической научной рациональности [Степин 2003, 619–636]. Как следствие в контексте проблематики управления базовой становится парадигма «субъект – саморазвивающаяся полисубъектная среда» [Лепский 2010]. На смену деятельностного и субъектно-деятельностного подходов, в качестве базового предлагается субъектно-ориентированный подход [Лепский 2015]. Важными аргументами для становления субъектно-ориентированного подхода являются концентрация внимания в постнеклассической научной рациональности на субъектах и их связях с обществом и культурой, а также снижение роли нормативов в различных видах деятельности [Лепский 1998].

Важно отметить, что субъектно-ориентированный подход позволяет решить две важнейшие проблемы, при попытках решения которых возникли трудности в контексте неклассической научной рациональности. Во-первых, возможности создания нового подхода к постановке и решению проблемы наблюдателя для саморазвивающихся «человекоразмерных» систем. Во-вторых, возможности новой постановки и решения проблемы управления сложностью, в центре внимания которой оказывается проблема управления сложностью рефлексивной активности и, как следствие, новых постановок для организации гибридной реальности (субъектной, цифровой, физической), организации конвергенции и интеграции активных элементов саморазвивающихся рефлексивно-активных сред.

В постнеклассической научной рациональности отчетливо проявляются ограничения междисциплинарного подхода, преодоление которых может быть достигнуто в трансдисциплинарном подходе [Лепский 2015].

Кибернетика третьего порядка формируется на основе постнеклассической научной рациональности. Логика становления кибернетики третьего порядка базируется на возрастании роли субъектности и рефлексивности в процессах управления. В процессе эволюции кибернетики имеет место расширение представлений об объекте и системе управления. В классической кибернетике первого порядка мы имеем дело с объектами как «наблюдаемыми системами». В кибернетике второго порядка – с объектами как активными «наблюдающими системами». В кибернетике третьего

порядка объект и система управления сливаются в единое целое в саморазвивающейся рефлексивно-активной среде.

Этой логике эволюции кибернетики соответствует и смена базовых парадигм: от парадигмы «субъект – объект» к парадигме «субъект – субъект» и далее в кибернетике третьего порядка к парадигме «субъект – метасубъект (саморазвивающаяся полисубъектная среда)». Кибернетика третьего порядка, обладая своей спецификой, задает также парадигму (рамочную конструкцию), в которую включены парадигмы кибернетик первого и второго порядка.

Важно отметить, что саморазвивающаяся полисубъектная (рефлексивно-активная) среда рассматривается как саморазвивающаяся система и как метасубъект.

Идея саморазвивающейся рефлексивно-активной среды была предложена под влиянием ряда междисциплинарных идей и философских концепций. Философия дала базовые идеи постнеклассической научной рациональности, на основе которых появилась возможность интегрировать идеи и концепции гуманитарных наук: идеи ноосферы (В.И. Вернадский), понятие общества как социальной системы (Никлас Луман), деятельностный и субъектно-деятельностный подходы (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и др.), исследования российских методологов (Г.П. Щедровицкий и др.), междисциплинарные идеи формирования социальной кибернетики (Stuart Umpleby), социогуманитарный анализ опыта разработки автоматизированных систем управления страной (В.Е. Лепский) и др.

Модель саморазвивающейся рефлексивно-активной среды представляется нами через многоуровневую структуру мировоззренческого, концептуального, технологического уровней и уровня реализации [Лепский 1998, Лепский 2010].

Мировоззренческий уровень включает рассмотрение базовых ценностей и мировоззренческих установок субъектов, этических и рефлексивных регуляторов их деятельности и коммуникаций в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах.

Концептуально-методический уровень включает рассмотрение онтологий организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред, позиционирования субъектов и механизмов их коммуникаций, критериев оценки субъектов (продуктивность, безопасность, удовлетворенность, развитие), принципов организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред, методического обеспечения.

Технологический уровень включает рассмотрение двух подуровней: концептуально-технологического и инструментально-технологического.

Реализационный уровень – это уровень организации практического функционирования саморазвивающихся рефлексивно-активных сред.

Важно отметить, что выделение двух подуровней в технологическом уровне, ориентировано на обеспечение связи концептуальных представлений субъектно-ориентированного подхода со сложившимися традиционными подходами в научном обеспечении и практике управления.

Саморазвивающаяся рефлексивно-активная среда представляет собой мета-субъект, который обладает инвариантными свойствами для различных типов субъектов: целеустремленность (активность), рефлексивность, коммуникативность, социальность, способность к развитию. Такая среда принципиально отличается от сетей. Это взаимодействие активных элементов, которые могут образовываться на основе естественного интеллекта (личности, группы и т.д.), искусственного интеллекта (агентов) и интеграции естественного и искусственного интеллекта.

Организация взаимодействия активных элементов между собой и со средой определяется системой ценностей, принципов, онтологий, критериев и специализированных субъектно-ориентированных информационных платформ [Лепский 2010, Лепский 2015]. Механизмы коммуникации активных элементов в наибольшей степени задаются системой онтологий саморазвивающихся рефлексивно-активных сред.

Субъектно-ориентированный подход является основой для создания системы онтологий саморазвивающихся рефлексивно-активных сред. Выделим наиболее значимые исходные положения для разработки системы онтологий:

- интеграция индивидуального, коллективного (корпоративного) и социального опыта;
- комплексная организация различных видов деятельности для управления и развития социальными системами: поддержка устоявшихся видов деятельности; разрешение проблемных ситуаций, преодоление точек разрыва деятельности и коммуникаций, установление стратегических целей и разработка стратегии, передача внешнего опыта в совершенствование механизмов управления и развития, обеспечение внедрения инновационных проектов;
- совместная организация работы по вышеуказанным видам деятельности представителей администрации, бизнеса, общественных организаций и граждан (конвергенция представительной и прямой демократии);
- создание социальных лифтов для граждан, которые вносят значительный вклад в развитие рефлексивно-активной среды (формирование элиты развития);

- контроль и поддержка со стороны общественности административной системы, нейтрализация угроз коррупции и повышение творческого потенциала системы управления;

- создание основы для разработки субъектно-ориентированных моделей среды (информационной платформы для обеспечения отражения всех субъектов среды, критериев оценки состояния и будущего всех субъектов, механизмов коммуникации всех субъектов для участия в различных видах совместных мероприятий и т.д.).

Сформулированные на основе субъектно-ориентированного подхода основания позволили разработать систему онтологий организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред:

- онтология **«сопровождение»** – организация устоявшихся видов деятельности (коммуникаций) и их субъектов, обеспечение жизнедеятельности субъектов;

- онтология **«поддержка»** – организация преодоления разрывов устоявшихся видов деятельности (коммуникаций) и воспроизводства их субъектов;

- онтология **«развитие»** – организация развития всех видов деятельности (коммуникаций) и их субъектов, разработки стратегического целеполагания;

- онтология **«конструирование»** – организация разработки новых видов деятельности (коммуникаций) и новых субъектов, разработки стратегий развития на основе стратегического целеполагания;

- онтология **«внедрение»** – организация внедрения инновационных проектов новых видов деятельности (коммуникаций) и новых субъектов.

Эти онтологии образуют систему взаимосвязанных онтологий, обеспечивающих жизнедеятельность саморазвивающейся рефлексивно-активной среды. Идея создания аналогичной системы онтологий и возможности ее применения в проектировании, автоматизированных системах организационного управления были представлены в монографии [Лепский 1998].

Рассмотрим особенности двух наиболее технологически сложных онтологий: развитие и поддержка.

Онтология **«развития»** связана с рефлексивным выходом субъекта над его сложившимися видами деятельности и коммуникациями. Для этой онтологии актуальна проблема развития рефлексивных способностей, а также разработки технологий стимулирования и поддержки рефлексивных процессов в процессах групповой работы. Онтология развития предназначена для аккумуляции нерешенных проблем, анализа стратегических вызовов и угроз, прогнозирования будущего и самое главное для стратегического целеполагания.

Онтология «поддержки» ориентирована на поддержку субъектов в «индивидуальных точках разрыва деятельности». Приведем примеры «индивидуальных точек разрыва деятельности»:

- возникновение проблем, связанных с выполнением конкретных видов деятельности;
- возникновение идей совершенствования конкретных видов деятельности и их субъектов;
- обнаружение неадекватности рефлексивных процессов и процессов коммуникации;
- выявление несоответствия профессионально важных качеств субъектов требованиям деятельности;
- возникновение проблем индивидуальной идентичности и самоопределения;
- обнаружение неадекватных функциональных состояний субъектов.

Онтология «развития» ориентирована на стратегические проблемы совершенствования и определения перспективных направлений конкретных видов деятельности и саморазвивающейся среды в целом. А онтология «поддержка» ориентирована на решение тактических задач.

Высокие требования к оперативности решения задач в онтологии «поддержка» определяют широкое поле приложений моделей и технологий искусственного интеллекта. При этом важно отметить, что наряду с использованием традиционных объектно-ориентированных подходов наиболее востребованным станет субъектно-ориентированный подход и созданные на его основе модели и технологии.

В контексте современных философских концепций предлагаемая система онтологии соответствует первоначальным идеям постнеклассической научной рациональности в отношении саморазвивающихся систем и устанавливает рамки для организации междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований.

Знания в кибернетике третьего порядка. Возрастает актуальность организации и поддержки субъектной связности знаний в кибернетике третьего порядка. Проблема неявного (личностного) знания находит новые технологии решения за счет организации в цифровой реальности интегрированных моделей творцов знания. На основе коммуникаций с искусственными моделями творцов различные субъекты смогут приобщаться к их неявным знаниям. Появляется возможность организации «виртуального бессмертия» творцов знаний в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах.

Кибернетика третьего порядка адекватна основным положениям постнеклассической научной рациональности. Она бази-

руется на идеях гуманистической трактовке философского конструктивизма и парадигме «субъект – мета-субъект (саморазвивающаяся полисубъектная среда)», субъектно-ориентированном и средовом подходах. Кибернетика третьего порядка позволяет преодолеть ряд ограничений кибернетики первого и второго порядков в управлении социальными системами.

Обобщенные результаты философско-методологического анализа становления кибернетики третьего порядка

Обобщенные результаты анализа исходных оснований становления кибернетики третьего порядка приведены в Таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Философский и методологический уровни анализа становления кибернетики третьего порядка (обобщенные результаты)

Философский уровень		Методологический уровень анализа			Кибернетика
Тип научной рациональности	Базовые философские подходы	Базовые парадигмы и типы субъектов	Базовые объекты и виды активности субъектов	Базовые научные подходы	
Классическая	Позитивизм	«Субъект – Объект» Утилитарный субъект	Сложные системы Деятельностная активность	Деятельностный Монодисциплинарный	Кибернетика первого порядка
Неклассическая	Философский конструктивизм	«Субъект – Субъект» Коммуникативный субъект	Активные системы Коммуникативная активность	Субъектно-деятельностный Междисциплинарный	Кибернетика второго порядка
Постнеклассическая	Гуманистическая трактовка философского конструктивизма	«Субъект – Саморазвивающаяся полисубъектная среда» Стратегический субъект	Саморазвивающиеся среды Рефлексивная активность	Субъектно-ориентированный Трансдисциплинарный	Кибернетика третьего порядка

Методический уровень анализа становления кибернетики третьего порядка (обобщенные результаты)

Кибер-нетика	Методический уровень				
	Базовые виды управления	Базовые модели	Базовые механизмы и технологии	Базовые этические представления	Базовые виды рефлексивной активности
Кибер-нетика первого порядка	Классическое управление	Аналитические	Обратные связи Иерархические структуры	Этика целей	Личностная рефлексия, надситуационная рефлексия
Кибер-нетика второго порядка	Рефлексивное управление, манипуляции и др.	Имитационные, многоагентные	Коммуникационные связи Сетевые структуры	Коммуникативная этика	Коммуникативная рефлексия
Кибер-нетика третьего порядка	Управление через среды	«Человеко-размерные» (комбинированные, стратегические рефлексивные игры)	Воздействия через среды, культуру, ценности, технологии сборки и разрушения субъектов развития Саморазвивающиеся среды	Этика стратегических субъектов	Метарефлексия, рефлексия стратегических субъектов

По выделенным аспектам анализа более развернутые сведения приведены в следующих публикациях:

- типы научной рациональности [Степин 2003];
- гуманистическая трактовка философского конструктивизма [Лекторский 2001];
- базовые парадигмы и объекты управления [Лепский 2015];
- становление субъектно-ориентированного подхода [Лепский 1998];
- методологические основы саморазвивающихся рефлексивно-активных сред [Лепский 1998; Лепский 2010];
- философско-методологический анализ эволюции кибернетики [Lepski 2018].

Результаты проведенных исследований следует рассматривать как первые шаги на пути становления кибернетики третьего порядка. Для готовности к практической реализации необходима большая работа междисциплинарного, международного со-

общества ученых и практиков. Успешность такого рода работы неразрывно связана со сменой планетарного мировоззрения, с преодолением рыночного эгоизма на основе создания условий для гармонии субъектов развития.

Заключение

В статье проанализированы философско-методологические основания и обоснована целесообразность становления постнеклассической кибернетики третьего порядка, кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред.

Становление и развитие кибернетики третьего порядка позволит повысить качество решения ряда актуальных научных и практических проблем управления социальными системами, в частности:

- стимулировать и поддерживать процессы идентификации общества;

- совершенствовать процессы сборки субъектов развития и консолидации государства, бизнеса и общества, стимулировать и поддерживать развитие гражданского общества;

- совершенствовать механизмы демократии на основе конвергенции прямой и представительной демократии;

- преодолеть рыночный эгоизм на основе перехода к гармонии субъектов развития;

- создать возможности для всех субъектов в реализации их социальной активности в интересах развития и создание социальных лифтов;

- стимулировать и поддерживать процессы формирования элиты развития и создать условия для ее включения в механизмы стратегического управления;

- способствовать решению проблемы сложности в процессах управления социальными системами (принцип Эшби);

- создавать условия становления новых социально ориентированных экономических механизмов развития;

- создавать эффективные механизмы инновационного развития;

- уменьшить социальную напряженность в обществе, повысить защищенность от технологий управляемого хаоса и «оранжевых революций» и других типов деструктивных воздействий;

- инициировать переходные процессы от техногенной к социогуманитарной цивилизации и др.

В отечественной практике управления в последние годы предпринимаются попытки использовать концептуальные разработки кибернетики третьего порядка к совершенствованию

Системы Распределенных Ситуационных Центров страны [Авдеева и др. 2017].

В международном сообществе обсуждение философско-методологических оснований становления кибернетики третьего порядка впервые было проведено на мировом конгрессе WOSC2017 в январе 2017 г. в Риме, затем на XI международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление» в октябре 2017 г. в Москве [Лепский и др. 2018], а в 2018 году на нескольких международных конференциях. В международном научном сообществе в целом одобрены предложенные нами идеи кибернетики третьего порядка и намечены пути дальнейшего сотрудничества. Было принято решение о проведении следующего конгресса по системным исследованиям и кибернетике WOSC2020, в Москве 16–18 сентября 2020 года.

Есть основания полагать, что кибернетика третьего порядка могла бы внести существенный вклад в преодоление возникшего в начале XXI века системного кризиса мирового сообщества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Авдеева и др. 2017 – Авдеева З.К., Барышников П.Ю., Бауэр В.П., Зацаринный А.А., Журенков Д.А., Ильин Н.И., Колин К.К., Лепский В.Е., Малинецкий Г.Г., Райков А.Н., Савельев А.М., Сильвестров С.Н., Славин А.Б., Славин Б.Б. Социогуманитарные аспекты ситуационных центров развития / под ред. В.Е. Лепского, А.Н. Райкова. – М.: Когито-Центр, 2017.

Диев 2010 – Диев В.С. Управление. Философия. Общество // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 35–41.

Лекторский 2001 – Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: УРСС, 2001.

Лепский 1998 – Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. – М.: Институт психологии РАН, 1998.

Лепский 2010 – Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Когито-Центр, 2010.

Лепский 2015 – Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). – М.: Когито-Центр, 2015.

Лепский и др. 2018 – Лепский В.Е., Задорожнюк И.Е., Пирожкова С.В. Вектор поиска – кибернетика третьего порядка (Обзор международного междисциплинарного научно-практического симпозиума) // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 208–211.

Лефевр 1973 – Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Советское радио, 1973.

Лефевр, Щедровицкий, Юдин 1965 – Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г. «Естественное» и «искусственное» в семиотических систе-

мах // Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции: Сб. – М.: АН СССР, 1965. С. 141–149.

Рубинштейн 1997 – *Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды. – М.: Наука, 1997.

Степин 2003 – *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Espejo 2015 – *Espejo R.* Good Social Cybernetics Is a Must in Policy Processes // *Kybernetes*. 2015. Vol. 44. No. 6/7. P. 874–890.

Foerster 1974 – *Foerster H.* Cybernetics of Cybernetics. – Urbana, IL: University of Illinois, 1974.

Kauffman 2016 – *Kauffman L.H.* Cybernetics, Reflexivity and Second-Order Science // *Constructivist Foundations*. 2016. Vol. 11. No. 3. P. 489–497.

Lefebvre 1986 – *Lefebvre V.A.* Second-Order Cybernetics in the Soviet Union and the West // *Power, Autonomy, Utopia: New Approaches toward Complex Systems* / ed. by Robert Trappl. – New York: Plenum Press, 1986.

Lepskiy 2018 – *Lepskiy V.E.* Evolution of Cybernetics: Philosophical and Methodological Analysis // *Kybernetes*. 2018. Vol. 47. No. 2. P. 249–261.

Novikov 2016 – *Novikov D.A.* Cybernetics: From Past to Future. – Heidelberg: Springer, 2016.

Umpleby 2014 – *Umpleby S.A.* Second-Order Science: Logic, Strategies, Methods // *Constructivist Foundations*. 2014. Vol. 10. No. 1. P. 16–23.

Wiener 1948 – *Wiener N.* Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. – Cambridge, MA: John Wiley & Sons Inc., 1948.

Philosophical-Methodological Basis for the Formation of Third-Order Cybernetics

Introduction

The development of control and cybernetics theory is associated with involvement of new natural-science and humanitarian fields of knowledge in it, with the increasing role of interdisciplinary and transdisciplinary approaches. This is due to the broad interpretation of the concept of control as it was formulated at the dawn of cybernetics, which was presented as a science of general laws of the processes of control and transmission of information in machines, living organisms, and in society [Wiener 1948].

An interdisciplinary analysis of the evolution of cybernetics in general, and especially in controlling social systems, should be based on a philosophical and methodological interpretation of its trends. Since ancient times, problems of control have been in the focus of philosophers, and in the early 21st century interest in these has been increasing in connection with the manifest crisis of this problem [Diev 2010, 35].

By now, the philosophy of science, largely due to V.S. Stepin's ideas, has accumulated a wealth of background knowledge of the types of scientific rationality. A system of paradigms has been developed, in which each subsequent development retains previously dominant ones as private paradigms. These ideas were based primarily on developments in Russian philosophical, methodological and psychological research, integrated with natural-science approaches. Three types of scientific rationality (classical, non-classical, and post-non-classical) were proposed [Stepin 2005], which allowed systematizing problems of control and cybernetics at the macrolevel. Moreover, this enabled us to pose the task of developing cybernetic combined "human-oriented" models, where it would be possible to use concepts, methods, models and technologies accumulated at different stages of the formation of cybernetics [Lepskiy 2015].

The article presents results of a philosophical and methodological analysis of the evolution of cybernetics, in the context of improving its scientific rationality; special attention is given to formation of a new promising direction for post-non-classical cybernetics of self-developing poly-subject (reflexive-active) environments, which, taking into account the correlation of the previous stages of cybernetics development with classical and non-classical scientific rationality, we defined as third-order cybernetics [Lepskiy 2018].

Aspects of philosophical and methodological analysis are selected with consideration of established views of scientific analysis:

- philosophical level (philosophy of science – basic types of scientific rationality, basic philosophical directions);
- methodological level (basic paradigms and objects of control, methodology of the scientific approach);
- theoretical level (basic knowledge that support control means in an area of knowledge);
- methodical level (basic types and models, mechanisms and technologies of control).

As our basic stand of analysis in this study, we take the types of scientific rationality (classics, non-classics, post-non-classics) [Stepin 2003] and view the evolution of cybernetics in their context of which. At the same time, we use the results obtained earlier from philosophical and methodological analysis of the problems of control [Lepskiy 2015].

Classical scientific rationality: first-order cybernetics

Philosophical aspects. While focusing on the object of research, classical scientific rationality leaves behind the impact of research tools and the subjects of cognition. This simplification is justified by the orientation toward obtaining objective knowledge of the world. Scientific research is considered as knowledge of the laws of Nature that exist outside man [Stepin 2005].

This type of scientific rationality determined the specificity of the scientific approach at the initial stage of cybernetics, when major influences were exerted by positivist philosophy. And during building models of persons, the focus was on behaviorism, which also had also stemmed from the ideas of positivism.

Methodological aspects. The traditional idea of control was limited to the “subject-object” paradigm, which was reflected in numerous works [Lectorsky 2001]. The dominant integrated approach is an activity approach, in which freedom of the subject is largely limited by the goals and regulations of the activity.

First-order cybernetics corresponds to the philosophical and methodological provisions of classical scientific rationality [Lepskiy 2018]. This is the “cybernetics of observable systems.” This branch was founded by Norbert Wiener [Wiener 1948]. The basic concepts of classical cybernetics are the system and the object of its control. The functional analogy largely determined the approach to the modeling of control objects. As a consequence, representation of the control object in the form of a “black box” became widely spread. The control system generates control actions for keeping the object on its given trajectory, correcting its state through feedback.

The “subject-object” paradigm influenced the choice of adequate approaches for modeling control processes: functional, functional-structural, axiomatic, informational, operations research, classical game theory, etc. Domination of the natural-science approach allows us to generalize this stage of cybernetics as monodisciplinary. Nevertheless, there appeared fields of knowledge that had a pronounced interdisciplinary character, such as:

- engineering psychology (psychology – physiology – cybernetics);
- bionics (biology – cybernetics);
- neuro-linguistic programming (NLP) (psychology – linguistics – cybernetics).

In first-order cybernetics, the informational approach dominated in knowledge organization. The focus was on information flows and problems related to their organization. The founder of the informational approach, Claude Shannon, wisely warned against the technical limitations of the information approach, but this approach has become widely used in management of social systems. Limitations of the informational approach in management were clearly explained by Russell Ackoff (as appearance of managerial misinformation systems).

In the context of ethical considerations in first-order cybernetics, the basic targets are goals, and its dominant ethic can be represented as the “ethic of goals.” One of the radical expressions of such ethics where the goal is dominant is the rule that “the end justifies the means” [Lepskiy 2016].

Classical cybernetics of the first order is adequate to the basic provisions of classical scientific rationality. It is based on the ideas of positivist philosophy and the paradigm of “subject-object.” Attempts to apply ideas

and models of first-order cybernetics to management of social systems have faced many constraints that were then overcome within the framework of non-classical and post-non-classical rationality and, accordingly, new types of cybernetics.

Non-classical scientific rationality: second-order cybernetics

Philosophical aspects. Non-classical scientific rationality takes into account the interaction between knowledge about the object and the nature of the means of activity and corresponding operations. However, the interrelations between scientific and social values and research goals remain outside the bounds of scientific reflexion. In accordance with this logic, there occurred a transition from dominant positivism to philosophical constructivism, which became a leading trend in non-classical rationality.

Methodological aspects. A significant contribution to the development of methodological foundations of non-classical science was made by the Russian school of methodologists, in which the thesis was clearly formulated as “the means set their object” [Lefebvre, Shchedrovitsky, Yudin 1965, 141–149]. This served as the basis for the transition to consideration and modeling of active objects, and for transition from “subject-object” to the “subject-subject” paradigm. In the context of non-classical scientific rationality, the researcher becomes one of the participants in the system of reflexive relations, where the active object is also included.

Increasing the role of the subject led to the need to review the dominance of the activity approach. Adequate specificity of non-classical scientific rationality is achieved in the subject-activity approach [Rubinshtein 1997, 438]. As a consequence, along with activity in cybernetics, communicative and reflexive activities have to be considered.

The leading role of the “subject-subject” paradigm contributed to intensive development of interdisciplinary research: philosophy, psychology, sociology, political science, biology, etc.

Second-order cybernetics was proposed by Von Foerster as “the cybernetics of observing systems” [Foerster 1974], as cybernetics of active objects that are capable of observing and modeling their researcher (or observer). Second-order cybernetics meets the main requirements of non-classical scientific rationality. The philosophical foundations of second-order cybernetics were formed mainly within the framework of philosophical constructivism. It is important to note the change in the “observer” concept. In first-order cybernetics, the monopoly rested with an external observer, whereas in second-order cybernetics, along with an external observer, considerable attention is paid to the observer who is embedded into the object.

In accordance with the “subject-subject” paradigm in second-order cybernetics, the communicative activity became the leading form. At the same time, the role of reflexive communicative activity sharply increased [Lefebvre 1973; Umpleby 2014].

Fundamental cultural specifics of approaches to second-order cybernetics in the West and in the USSR were described by V.E. Lefebvre in 1986. Both in the West and in the USSR, the concept of second-order cybernetics was based on reflection (the “observing object”); yet in the West the behavioral approach dominated, and studies were conducted largely within the framework of biology. In the USSR, the structural approach dominated, so here studies were conducted primarily within the framework of psychology.

The transition from the “subject-object” paradigm to the “subject-subject” paradigm also brought about new types of control: reflexive control, informational control, control of active systems, etc. In second-order cybernetics, operations research and game theory were substantially developed. There are numerous examples of their practical application in economy and in the military sphere. In particular, the ideas of second-order cybernetics were reflected in the studies of Nobel Prize laureates in economics Thomas Schelling and Robert Aumann [Lepskiy 2015].

The view of the world in non-classical science cannot be adequately represented by knowledge if it is detached from the subjects, without taking into account subjective realities. This approach was presented both in the works of professionals in cybernetics (V. Turchin) and in works of philosophers who revealed the crucial importance of personal (hidden) knowledge (M. Polanyi), which found its reflexion in second-order cybernetics.

The dominant ethic in second-order cybernetics is communicative ethics [Lepskiy 2015].

Second-order cybernetics is adequate to the basic provisions of non-classical scientific rationality. It is based on the ideas of philosophical constructivism and on the paradigm of “subject-subject,” subject-activity, and network approaches. Second-order cybernetics helped to overcome a number of limitations of first-order cybernetics in the control of social systems.

Post-non-classical scientific rationality: third-order cybernetics

Philosophical aspects. In the post-non-classical type of scientific rationality, the interpretation of knowledge obtained about an object is correlated not only with the specifics of the means and operations of activity but also with the value-target structures of the cognizing subjects, or agents. Also, the connection between the internal and external mechanisms of scientific research, the connection of intra-scientific goals with extra-scientific ones, social values and goals becomes fundamentally important. In the center of attention, they also hold correlation of the obtained knowledge with the value orientations of the subjects of scientific activity [Stepin 2003].

In the context of post-non-classical scientific rationality, a whole transformation takes place. Philosophical constructivism also retains its importance in post-non-classical scientific rationality, but its radicalism is fundamentally “softened.” In the organization of communicative processes,

greater attention is paid to preventing restrictions on the freedom of subjects, on establishing equal partnership with other people and with natural processes [Lectorsky 2001, 46–47].

Methodological aspects. The focus of post-non-classical scientific rationality is on self-developing systems [Stepin 2003]. As a consequence of this basic paradigm, the subject is a “self-developing poly-subject environment” [Lepskiy 2010]. This paradigm is based on the subject-oriented approach, which developed from the subject-activity approach [Lepskiy 1998]. In the subject-oriented approach, there is increasing attention to the subjects and their environment, and attention to the activity component is reduced due to a sharp decrease in the influence of regulatory components on the actions of subjects in modern reality. Originally, the basis of the subject-oriented approach was developed for designing automated control systems for the state [Lepskiy 1998].

It is important to note that the subject-oriented approach allows solving two major problems that non-classical scientific rationality had difficulty with. Firstly, the possibility of creating a new approach to solving the observer’s problem for self-developing “human-oriented systems,” through organization of a mechanism of distributed self-observation. Secondly, the possibilities of creating fundamentally new mechanisms for controlling complexity, based on special organization of reflexive processes and on integration of elements active in the environment.

The high methodological complexity of the organization of the diversity of approaches allows us to state that it is very difficult to achieve significant results within the framework of the traditional ideas about interdisciplinary communication. In post-non-classical rationality, a transdisciplinary approach should be principal in the field of control and management, which is a logical methodological development of the interdisciplinary approach [Lepsky 2018].

Third-order cybernetics is formed on the basis of post-non-classical scientific rationality. The logic of the formation of third-order cybernetics is based on the transition from first-order cybernetics – “observable systems,” to second-order – “observing systems,” to third-order cybernetics – “self-developing poly-subject (reflexive-active) environments.” And also on the ascent from the paradigm “subject – object” to the paradigm “subject – subject” and then, in third-order cybernetics, to the paradigm of “subject – metasubject (self-developing poly-subject environment).” Third-order cybernetics has its own specifics and also defines a paradigm (framework construction) that includes first and second order cybernetic paradigms, similar to post-non-classical scientific rationality.

It is essential that the self-developing poly-subject (reflexive-active) environment proposed here should also be regarded as a self-developing system and as a metasubject. As a consequence, the third-order cybernetics paradigm can be represented as “subject-metasubject.”

The idea of a self-developing reflexive-active environment was proposed under the influence of a number of interdisciplinary ideas and concepts of philosophy, it generated the fundamental ideas of post-non-classical scientific rationality, on the basis of which it became possible to integrate ideas and concepts of humanitarian studies: ideas about the noosphere (V.I. Vernadsky), the concept of society as a social system (Niklas Luhman), activity and subject-activity approaches (A.N. Leontiev, L.S. Vygotsky, S.L. Rubinshtein, et al.), contributions of Russian methodologists (G.P. Shchedrovitsky, et al.), interdisciplinary ideas of the formation of social cybernetics (Stuart Umpleby), sociohumanitarian analysis of the experience of developing automated systems (V.E. Lepskiy), and others.

We propose a model of the self-developing reflexive-active environment as a multilevel structure of the worldview, conceptual, technological levels, and at the level of its implementation [Lepskiy 1998; Lepskiy 2010].

Worldview level:

- values and meanings of harmony of development subjects;
- ethical norms and organizing principles of interaction between subjects;
- model of correlation and convergence of world outlooks of various social formations.

Conceptual-methodical level:

- subject-activity level (positioning of subjects, ontology of their activity and interaction);
- criteria level;
- level of principles (structure of principles of organization of activities and interaction of subjects);
- methodical level.

Technological level:

- conceptual-technological;
- instrumental-technological.

Implementation level (practical experience).

It is of fundamental importance that the technological level should provide a link between conceptual representations of the subject-oriented approach and representations in the scientific provisions and practice of the established approaches.

A self-developing reflexive-active environment is a metasubject that has invariant properties for various types of subjects: purposefulness (activity), reflexivity, communicativeness, sociality, ability to develop. This environment is fundamentally different from networks. It is interaction of active elements, which can be formed on the basis of natural intelligence (persons, groups, etc.), artificial intelligence (agents), and combination of natural and artificial intelligence.

The organization of interaction among active elements as well as with their environment is determined by a system of values, principles, ontologies,

criteria, and specialized subject-oriented informational platforms [Lepskiy 2010; Lepskiy 2015]. The mechanisms of communication of active elements are most strongly determined by a system of ontologies of self-developing reflexive-active environment.

The subject-oriented approach is a basis for creating a system of ontologies of self-developing reflexive-active environments. Below, we single out the most significant initial propositions for developing an ontology system:

- integration of individual, collective (corporate), and social experience;
- complex organization of various activities for control and development of social systems: support for established activities;
- resolution of problem situations, overcoming points of disruption of activities and communications;
- setting strategic goals and developing strategies; transfer of external experience to improve control and development mechanisms; ensuring implementation of innovative projects, etc. (taking into account the principles of synergetics, in accordance with which the stable and unstable states of systems are fundamentally important, the scalable time scale of processes of changes in systems – for example, micro and macro scales, etc.);
- joint organization of work on the above types of activities of representatives of administration, business, public organizations, and citizens (convergence of representative and direct democracy);
- creation of social elevators (means of mobility) for citizens who make significant contributions to the development of a reflexive-active environment (the formation of an elite of development);
- monitoring and public support of the administrative system, neutralizing risks of corruption and increasing the creative potential of the control system;
- creation of a basis for development of subject-oriented models of the environment (information platform for ensuring the reflection of all subjects in the environment, criteria for assessing the state and future of all actors, communication mechanisms for all actors to participate in various types of joint activities, etc.).

In accordance with these initial provisions, the following basic types of positions of subjects in a self-developing environment can be distinguished, both individual or group-oriented:

- established types of activities (communications) and reproduction of their subjects (S1);
- overcoming points of disruption in established types of activity (communications) and reproduction of their subjects (S2);
- development of established types of activity (communications) and of their subjects (S3);
- designing new types of activities (communications) and new actors (S4);
- implementation of innovative types of activities (communications) and new actors (S5).

In accordance with the positioning of subjects, an appropriate system of ontologies is proposed:

- support of the established types of activities (communications) and their subjects (ontology of “maintenance”);
- support of subjects at the points of disruption of established types of activity (communications) and the reproduction of their subjects (“support”);
- development of established types of activity (communications) and their subjects (“development”);
- designing new types of activities (communications) and new actors (“construction”);
- implementation of innovative projects of new types of activities (communications) and new actors (“innovation”).

These ontologies are not alternative; moreover, they complement each other and together define the ontology system of a self-developing reflexive-active environment. The description of these ontologies applied to automated systems of organizational control is presented in the monograph [Lepskiy 1998].

Consider the features of the two most technologically complex ontologies: “development” and “support.”

The ontology of “development” is connected with the subject’s reflection over his activity. The result of such reflection can be carried out either by the controlling subjects themselves, or in cooperation with development professionals, for example, through organizational and activity games. The ontology of development is related to strategic goal-setting and design of development strategies.

The ontology of “support” has a pronounced orientation to the subject, as it is designed to provide support in difficulties that arise for a person or group who happen to find themselves in “individual points of disruption.” We regard such a point of activity disruption as a situation when a specific subject of activity lacks “ready” algorithms (mechanisms) for conducting some activities. Analyzing the main causes of such an occurrence, there are two types of “individual points of disruption”:

- activity (lack or inconsistency of activity standards in a specific situation: functions, rights or responsibilities of subjects, funds, resources, etc.);
- subjective (emergence of needs and ideas for transformation of established types of activity or of its subjects, inadequacy of subjective perceptions of surrounding social environment, behavioral norms, etc., inconsistency of professionally important qualities of subjects with new requirements of activity, emergence of problems with individual identity and self-determination, inconsistency of the actors’ functional state with the conditions, etc.).

The ontology of “support” is focused on helping the subjects in such situations. In fact, it is about assisting in the active development or procedural knowledge on the basis of experience gained through

reflection over performed established activity. The main tasks of the ontology of “support” include: forecasting, systematization, identification of “individual points of disruption of established types of activity (communications),” identification of means to overcome them (searching for analogies, developing scenarios for active development or formation of subjectivized norms of activity, etc.), translating unsolved problems to the ontology of “development.”

Unlike the ontology of “development,” focused on strategic issues of reorganizing activities and the environment as a whole and taking into account a long-term prospects, the ontology of “support” is intended for tactical (operational) support of its subjects, intended to solve specific problems. It is significant that in this ontology, the activity of subjects should be greater than in the ontology of “development,” since in solving a specific problem, all responsibility falls on the subjects included in it.

In the ontology of “support,” due to high requirements of speedy problem solving, new opportunities for using artificial intelligence systems open up. Important aspects of helping such users are not only informing them about the subject matter of the problem but also support in the organizational plan for determining behavior in a problem situation, for assessing their capabilities and ways to improve performance.

In the context of current philosophical concepts, the proposed ontology system corresponds to the original ideas of post-non-classical scientific rationality with regard to self-developing systems and sets the framework for organization of interdisciplinary and transdisciplinary research.

Knowledge in third-order cybernetics. In post-non-classical science, the new view of the world cannot be represented by knowledge that abstracted from the cognizing and acting subjects and from their subjective realities, without which an adequate interpretation of the knowledge they have received is impossible. The combination of individual subjects’ world views forms a common post-non-classical view of the world. Post-non-classical science is interdisciplinary knowledge in which various scientific theories (understood as models and subject realities) form an interconnected network. This provides a synergistic effect of applying the methodological principles of subjectivity to tasks of subject-oriented design of self-developing poly-subject environments.

Third-order cybernetics is adequate to the basic assumptions of post-non-classical scientific rationality. It is based on humanistic interpretation of philosophical constructivism and the paradigm of “subject-metasubject (self-developing poly-subject environment)” as well as on subject-oriented and environment approaches. Third-order cybernetics avoids a number of limitations of first and second-order cybernetics in management of social systems.

Generalized results of philosophical and methodological analysis formation of third-order cybernetics

Generalized results of the analysis of the foundations of the formation of third-order cybernetics are given in Tables 1 and 2.

Table 1

Philosophical and methodological levels of the analysis of formation of third-order cybernetics (generalized results)

Philosophical level		Methodological level			Cybernetics
Type of scientific rationality	Basic philosophical approaches	Basic paradigms and types of subjects	Basic objects of control. The dominating types of activity	Basic scientific approaches	
Classical	Positivism	“Subject – Object” Utilitarian subject	Complex system Activity in activity	Activity approach Monodisciplinary approach	First-order cybernetics
Non-classical	Philosophical constructivism	“Subject – Subject” Communicative subject	Active systems Communicative activity	Subject-activity approach Interdisciplinary approach	Second-order cybernetics
Post-non-classical	Humanistic interpretation of philosophical constructivism	“Subject – meta-subject” Strategic subject	“Self-developing environments” Reflexive-activity	Subject-focused approach Transdisciplinary approach	Third-order cybernetics (post-non-classical cybernetics of self-developing reflexive-active environments)

More detailed information for the selected aspects of analysis, is given in the following publications:

- types of scientific rationality [Stepin 2003];
- humanistic interpretation of philosophical constructivism [Lectorsky 2001];
- basic paradigms and objects of control [Lepskiy 2015];
- formation of the subject-oriented approach [Lepskiy 1998];
- methodological foundations of self-developing reflexive-active environments [Lepskiy 1998, Lepskiy 2010];

– transdisciplinary approach in the field of control [Lepskiy 2015];
 – philosophical and methodological analysis of the evolution of cybernetics [Lepskiy 2018].

Table 2

**Methodical level of the analysis of formation of third-order cybernetics
 (generalized results)**

Cybernetics	Methodical level				
	Basic types of control	Basic models	Basic mechanisms and technologies	Basic types of reflexive activity	The dominating ethical regulators
First-order cybernetics	Classical control	Analytical (mathematical)	Feedback Hierarchical structures	Personal reflection, over situational reflection	Ethics of domination of target orientation
Second-order cybernetics	Reflexive control, manipulations, etc.	Imitating models, business games, etc.	Communication relations Network structures	Communicative reflection	Communicative ethics
Third-order cybernetics	Environmental control	Models of self-developing reflexive-active environment	Control through self-developing environments, through culture, values, technologies of assembly and destruction of subjects of development Self-developing environment	Meta-reflection, reflection of strategic subject	Ethics of strategic subjects

The results of these studies should be considered as the initial steps towards the development of third-order cybernetics. To be ready for practical implementation, a great work of the interdisciplinary international community of scientists and practitioners has to be done. The success of this work is inextricably linked with the change of the planetary outlook, with the overcoming of market egoism on the basis of creating conditions for harmony of the subjects of development.

Conclusion

The article analyzes the philosophical and methodological foundations and substantiates the expediency of the development of third-order cybernetics, cybernetics of self-developing poly-subject (reflexive-active) environments.

The formation and development of cybernetics of the third order will improve the quality of solving a number of important scientific and practical problems of control social systems, in particular:

- stimulate and support the processes of society's identification;
- improve the processes of assembling the subjects of development and consolidation of state, business and society, stimulating and supporting the development of civil society;
- improve the mechanisms of democracy based on convergence of direct and representative democracy;
- overcome market selfishness through harmonization of subjects of development;
- create opportunities for all actors in performance of their social activities in the interests of development and the creation of social elevators;
- to stimulate and support processes of formation of development elite, and create conditions for its inclusion in the mechanisms of strategic control;
- contribute to solving problems of complexity in the control of social systems (Ashby principle);
- create conditions for the emergence of new socially-oriented economic development mechanisms;
- create effective mechanisms for innovative development;
- reduce social tensions in society, increase security from technologies of controlled chaos and “orange revolutions” and other types of destructive influences;
- initiate transitional processes from the technogenic to a socio-humanitarian civilization, etc.

In Russian experience of management in recent years, attempts have been made to use the conceptual developments of third-order cybernetics to improve the System of Distributed Situational Centers in the country, and their transformation into the System of Distributed Strategic Development Centers [Avdeeva et al. 2017].

In the international community, the discussion of philosophical and methodological foundations for the development of third-order cybernetics was first held at the World Congress WOSC2017 in Rome in January 2017, and further at the 11th International Symposium “Reflexive Processes and Control” in Moscow in October 2017 [Lepskiy et al. 2018], and in 2018 at several international conferences. In the international scientific community in general, our ideas of third-order cybernetics have been accepted, and ways of further cooperation are already outlined. It was decided to hold the next congress on system research and cybernetics WOSC2020 in Moscow on September 16–18, 2020.

REFERENCES

Diev V.S. (2010) Management. Philosophy. Society. *Voprosy Filosofii*. 2010. No. 8, pp. 35–41 (in Russian).

Espejo R. (2015) Good Social Cybernetics is a Must in Policy Processes. *Kybernetes*. Vol. 44, no. 6/7, pp. 874–890.

Foerster H. (1974) *Cybernetics of Cybernetics*. Urbana, IL: University of Illinois.

Kauffman (2016) Cybernetics, Reflexivity and Second-Order Science. *Constructivist Foundations*. Vol. 11, no. 3, pp. 489–497.

Lectorsky V.A. (2001) *Classical and Non-Classical Epistemology*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Lefebvre V.A., Shchedrovickij G.P., & Yudin E.G. (1965) “Natural” and “Artificial” in Semiotic Systems. In: *Problems in the Study of Systems and Structures. Materials for the Conference* (pp. 141–149). Moscow: The USSR Academy of Sciences (in Russian).

Lefebvre V.A. (1973) *Conflicting Structures*. Moscow: Sovetskoe Radio Publishing (in Russian).

Lefebvre V.A. (1986) Second-Order Cybernetics in the Soviet Union and the West. In: Trappl E. (Ed.) *Power, Autonomy, Utopia: New Approaches toward Complex Systems*. New York: Plenum Press.

Lepskiy V.E. (1998) *The Concept of the Subject-Focused Computerization of Administrative Activity*. Moscow: Institute of Psychology of the RAS (in Russian).

Lepskiy V.E. (2010) *Reflexive and Active Environments of Innovative Development*. Moscow: Kogito-Center Publishing House (in Russian).

Lepskiy V.E. (2015) *Evolution of Concepts about Control (Methodological and Philosophical Analysis)*. Moscow: Kogito-Center Publishing House (in Russian).

Lepskiy V.E. (2018) Evolution of Cybernetics: Philosophical and Methodological Analysis. *Kybernetes*. Vol. 47, no. 2, pp. 249–261.

Lepskiy V.E. & Rajkov A.N. (Eds.) (2017) *Socio-Humanitarian Aspects for Situational Centers of Development*. Moscow: Kogito-Center Publishing House (in Russian).

Lepskiy V.E., Zadorozhnyuk I.E., & Pirozhkova S.V. (2018) Search Vector – Third-Order Cybernetics (Review of the International Interdisciplinary Scientific and Practical Symposium). *Voprosy Filosofii*. 2018. No. 6, pp. 208–211 (in Russian).

Novikov D.A. (2016) *Cybernetics: From Past to Future*. Heidelberg: Springer.

Rubinshtein S.L. (1997) *Selected Philosophical and Psychological Works*. Moscow: Nauka (in Russian).

Stepin V.S. (2003) *Theoretical Knowledge*. Moscow: Progress-Traditsia (in Russian).

Umpleby S.A. (2014) Second-Order Science: Logic, Strategies, Methods. *Constructivist Foundations*. Vol. 10, no. 1, pp. 16–23.

Wiener N. (1948) *Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine*. Cambridge, MA: John Wiley & Sons Inc.

Cybernetics and the Russian Intellectual Tradition

Кибернетика и русская интеллектуальная традиция

Т.А. Медведева

*Сибирский государственный университет путей сообщения,
Новосибирск, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-37-46

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Понимание различий между научными подходами к кибернетике затруднено из-за очень разных историй и интеллектуальных традиций России и Запада (США и Европы). В этой статье, во-первых, описываются особенности русского стиля научного мышления, в качестве примера рассматривается теория Александра Богданова (тектология) в контексте русской интеллектуальной традиции. Во-вторых, в статье сравниваются теории кибернетики Владимира Лепского и Стюарта Амплеби как представителей русской и американской интеллектуальных традиций. На Западе кибернетика второго порядка включает биологическую и социальную версии. Она происходит из «экспериментальной эпистемологии». Цель — в том, чтобы понять процессы познания на основе нейрофизиологических экспериментов. В результате кибернетики пришли к выводу, что наблюдателя (субъекта) нельзя исключать из науки. В основе биологической кибернетики лежит представление о том, как мозг создает описание мира. Самому миру уделяется немного внимания, поскольку он уже включен в восприятие наблюдателя. Социальная кибернетика опирается то, как люди действуют в мире. Считается, что теории или описания мира менее важны, чем соответствующие действия людей. Русская интерпретация кибернетики второго порядка развивает ее социальную версию в контексте русской интеллектуальной традиции. В статье делается вывод о том, что описанные различия демонстрируют большой потенциал для совместной работы российских и западных ученых в целях обогащения и дальнейшего развития кибернетики на Востоке и Западе.

Ключевые слова: интеллектуальные традиции, кибернетика первого порядка, кибернетика второго порядка, кибернетика третьего порядка.

Медведева Татьяна Алексеевна — доктор экономических наук, профессор факультета мировой экономики и права Сибирского государственного университета путей сообщения.

tmedvedeva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0596-4362>

Цитирование: Medvedeva T.A. (2018) Cybernetics and the Russian Intellectual Tradition // *Философские науки*. 2018. № 10. С. 37–46.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-37-46

Cybernetics and the Russian Intellectual Tradition

T.A. Medvedeva

Siberian State University of Transport, Novosibirsk, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-37-46

Original research article

Summary

Understanding the differences between scientific approaches to cybernetics is difficult because of the very different histories and intellectual traditions in Russia and the West, i.e. the U.S. and Europe. This paper, firstly, describes the peculiarities of the Russian style of scientific thinking, considering as an example Alexander Bogdanov's theory (tectology) in context of the Russian intellectual tradition. Secondly, the paper compares Vladimir E. Lepskiy's and Stuart A. Umpleby's theories of cybernetics looking at them through the prism of Russian and American intellectual traditions. Western cybernetics of the second order includes biological and social versions. It arose from "experimental epistemology." The goal was to understand the processes of cognition on the basis of neurophysiological experiments, as a result of which cyberneticians came to the conclusion that the observer cannot be excluded from science. Biological cybernetics is concerned with how the brain creates descriptions of the world. Little attention is paid to the world since it already is included in the perceptions of the observer. Social cybernetics is concerned with how people act in the world. Theories or descriptions are thought to be less important than appropriate actions. The Russian interpretation of second-order cybernetics develops its social version. The paper concludes that the differences described demonstrate the great potential for ideas from Russian and Western scientists to enrich further development of cybernetics and science in East and West.

Keywords: intellectual traditions, first-order cybernetics, second-order cybernetics, third-order cybernetics.

Tatiana Medvedeva – Dr.Sc. In Economics, Professor at the Department of World Economy and Law, Siberian State University of Transport.

tmedvedeva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0596-4362>

Citation: Medvedeva T.A. (2018) Cybernetics and the Russian Intellectual Tradition. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 37–46.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-37-46

Introduction

In 1930, British psychologist Frederic Bartlett looked for a new method of studying human memory. He was convinced that memory is a social and cultural phenomenon. After a series of experiments, he discovered that “educated subjects are likely to understand and remember astonishingly little of any scientific subject concerning which they have been given no specialized training. Here... statements are promptly converted into their opposite, the title disappears, proper names are changed. Between the original and the final reproduction there is no obvious link of connection.” [Bartlett 1932, 168].

People who participated in experiments tended to transform the original text into something more comprehensible to them. They retained the details that made sense to them and omitted or distorted everything else. From his experiments Bartlett concluded that remembering was determined by “schemes,” or cultural patterns characteristic of a larger social group.

It is likely that knowledge has a cultural foundation. The way that knowledge is created and communicated is different in different societies. So, we should not be surprised to find that the implementations of the same scientific idea differ from one country to another. For example, different interpretations of fundamental ideas can be clearly illustrated by the American and Russian development of I.P. Pavlov’s idea of the “conditioned reflex.” Pavlov discovered a conditioned reflex while experimenting with animals as *a physiologist*. Later he learned that American *psychologists* were experimenting in the same way. He wrote about the difference between his work and the American work by noting that the practical American mind found that it is more important to know the *external* behavior of a man, than to guess about his *internal* state. However, the Russian psychological tradition is to aspire to understand the human soul in order to make people better. Western behavioral science has a completely different aim: to understand behavior in order to make people more successful. Using the formula “stimulus-response” behaviorism cultivated only individualistic values and ignored any values except personal success. It provided the means to manipulate other people and to be a winner. The American science of behavior teaches us *to act in the right (instrumentally successful) way*. Russian psychology teaches us *to make right (ethical) actions*.

The Russian intellectual tradition

Characterizing the Russian intellectual tradition in comparison with the American intellectual tradition requires describing several points. There are fundamental differences. Among the most important differences, from our point of view, are the following:

1. Different interpretation of some fundamental concepts, for example, the definition of “development.” “Development” has been interpreted in the West mostly in terms of technology and science (a technocratic view of the term). Technological progress is a mainstream idea. But Russian civilization interprets “development” as transfiguration, self-perfection, vanquishing sin in people (a spiritual view of the problem) [Platonov 2010].

2. Historically, the Russian intellectual tradition is broader (in direct and existential senses) and dualistic. On the one hand, there is a strong striving for being a part of the West. But this requires acceptance of Western values. On the other hand, there is a strong rejection of absolutely rationalistic consciousness. This internal paradox leads to an existential drama. Western science claimed neutrality in its attitude to values. The Russian intellectual tradition never accepted this neutrality.

3. Many Russian scientists often used a different foundation for their process of thinking, they strove to build a better world, to include ethics and spirituality in scientific theories (N.A. Berdyaev, N.G. Chernyshevsky, and others). The first systematic critiques of classical rationalism as a scientific position were formulated in Russia. (“Although rationalism led us to the gate of truth, it is not fated to open the gate,” V. Odoevsky.)

4. Russians feel a need to understand the world as a whole. Therefore, they emphasize different patterns in the world, society and nature than are emphasized in the Western intellectual tradition. For example, academician N.N. Moiseev emphasized that the formation of a global collective consciousness lays the foundation for the development of an informational society. He wrote: “The notion of collective consciousness is a fundamental notion of civilization... Civilization itself could not emerge without development of a collective consciousness. This phenomenon emerges as an effect of the necessity and possibility of information exchange among individual consciousnesses, evolution of collective memory and organization of collective efforts in decision making” [Moiseev 2000]. Western academics are more likely to speak about “shared beliefs and values” rather than a “collective consciousness.”

5. Russians prefer a systematic approach and have a tendency to create general theories. Examples are such well-known names as N.I. Lobachevsky, D.I. Mendeleev, A.A. Bogdanov, N.F. Fedorov, V.I. Vernadsky, K.E. Tsiolkovsky and others.

Hence, Russian scientific thinking can be characterized by the systems approach, a tendency to create general theories, including a moral component, and acceptance of irrationality.

Bogdanov's tectology in context of the Russian intellectual tradition

In the Russian intellectual tradition, an idea of world integrity finds its earliest rational-theoretical contours. One of the best examples of such a theory is *Tectology*, written by outstanding Russian scientist A.A. Bogdanov. "As a generalization of all investigations of human experience, tectology is a completion of the cycle of sciences" [Bogdanov 1989].

Bogdanov considered tectology as a methodological basis of world cognition, allowing to create the picture of the world for all sciences. For him tectology is "a developed and generalized methodology of science," "a science of comprehensive scale and a general methodology of any practice and theory" [Bogdanov 1989]. He tried to find universal principles of organization of living and inanimate nature. He defined tectology as a science uniting organizational methods of all sciences. His original proposal was to unite all human, biological and physical sciences, consider them as systems of interrelationships and search for organizational principles lying at the basis of all types of systems. In the framework of tectology, he tried to transit from the contemplative-descriptive character of philosophy to using it as "a practical theory." Bogdanov criticized limited thinking that derived from specialization and tried to create a universal, general basis of a new science, uniting the organizational experience of humankind. The task of a new science should be systemizing the organizational experience. Tectology should find the organization constructs existing in nature and in human activities and then generate and systematize them and explain them, that is to install abstract schemes of their trends and to determine the directions of the development of organizational methods and their role in world development. He thought that finding general laws by the process of generalization and abstraction creates the fundamental basis for planned organizational activity – practical and theoretical. His goal was systemic research on general laws of

the functioning and development of different systems in order to use them for solving scientific and practical tasks. The idea was that the organizational point of view is a means of solving practical tasks.

Such ideas, which are stated in Bogdanov's book, necessarily require appropriate socio-cultural conditions. Cybernetics ideas and ideas of general systems theory became widely-known in the world of science in the period of scientific-technical revolution, when the intellectual climate in science changed. The tasks included overcoming narrow specialization, integration of the sciences and synthesis of scientific knowledge. Organizing interdisciplinary research became a first priority task.

Dr. Gorelick of the University of Britain Columbia, in a paper "Bogdanov's *Tectology*, General Theory of Systems and Cybernetics," published in 1987, wrote, "although tectology contains all the ideas which were developed and popularized by general systems theory and cybernetics later," it is something larger. It is a specific field – "all forms of organization in nature and human activity," and it is an "utmost widening of any theory of systems" [Gorelick 1987, 160].

Another Canadian scientist, R. Mattessich in his book *Instrumental reasoning and systems methodology* determines Bogdanov as "a creator of a really comprehensive theory of systems" [Mattessich 1978].

Russian scientist Kostov writes: "...on the largest historical scale it is possible to define at least two global integrations of scientific knowledge and they are limited by two great scientific revolutions. The former happened in 16th–17th centuries in natural sciences, and the latter, in 20th century simultaneously in both the natural and social sciences. The first revolution was epitomized in Sir Isaac Newton, and the second is evidenced in Alexander Bogdanov's work. The works of Newton became the trigger for a scientific revolution in the natural sciences, and the works of Bogdanov, in the whole field of scientific knowledge. The core-catalyst of the first scientific integration was the mechanics of Newton, later called classical mechanics. The core-catalyst of the second scientific integration was the tectology of Bogdanov as a total organizational science, fully deserving to be in the same domain as mathematics, logic and philosophy" [Urmantsev 1995; Kostov 2005].

Comparison of V.E. Lepskiy's and S.A. Umpleby's theories of cybernetics

Understanding the differences in intellectual traditions leads us to a deeper understanding of the theories of cybernetics of V. Lepskiy and

S. Umpleby as representatives of these scientific traditions. Table 1 presents a description of the development of cybernetics, made by S. Umpleby.

Table 1

Three versions of cybernetics

	Engineering Cybernetics	Biological Cybernetics	Social Cybernetics
The view of epistemology	A realist view of epistemology: knowledge is a “picture” of reality	A biological view of epistemology: how the brain functions	A pragmatic view of epistemology: knowledge is constructed to achieve human purposes
A key distinction	Reality vs. scientific theories	Realism vs. constructivism	The biology of cognition vs. the observer as a social participant
The puzzle to be solved	Construct theories which explain observed phenomena	Include the observer within the domain of science	Explain the relationship between the natural and the social sciences
What must be explained	How the world works	How an individual constructs a “reality”	How people create, maintain, and change social systems through language and ideas
A key assumption	Natural processes can be explained by scientific theories	Ideas about knowledge should be rooted in neurophysiology	Ideas are accepted if they serve the observer’s purposes as a social participant
An important consequence	Scientific knowledge can be used to modify natural processes to benefit people	If people accept constructivism, they will be more tolerant	By transforming conceptual systems (through persuasion, not coercion), we can change society

Source: [Umpleby 2005, 66]

In spite of the fact that the table is called “Three versions of cybernetics,” Western scholars only single out cybernetics of the first and second orders. Cybernetics of the second order includes a biological and social version. It arose from “experimental epistemology.” The goal was to understand the processes of cognition on the basis of neurophysiological experiments, as a result of which cyberneticians came to the conclusion that the observer can not be excluded from science.

The Russian interpretation of second-order cybernetics is different from the Western concept of it. Table 2 presents a description of Lepskiy’s theory using Umpleby’s criteria.

Table 2

Description of V.E. Lepskiy's theory using S.A. Umpleby's criteria

	1 st -order cybernetics	2 nd -order cybernetics	3 rd -order cybernetics
Leading scientific paradigm	Subject – object	Subject – subject	Subject – meta-subject
The dominant approach	Activity approach	Subject-activity approach	The subject-oriented approach
Type of scientific rationality	Classical type of scientific rationality	Non-classical type of scientific rationality	Post-non-classical type of scientific rationality
The view of epistemology	A realist view of epistemology: knowledge is a “picture” of reality	Knowledge depends on the methods and means that the subject (observer) of the activity uses	Knowledge depends on the meta subject and its values, goals (meta-observer: family, group, organization, country, etc.)
A key distinction	Reality vs. scientific theories	Positivism vs. philosophical constructivism	Positivism vs. humanistic constructivism; emphasis on communication processes
The puzzle to be solved	Construct theories which explain observed phenomena	Include the observer within the domain of science	Reconcile intrascientific and social values and goals with the comprehension of value orientations of the subject (observer) of scientific activity
What must be explained	How the world works	Reflection as a new dimension	How the self-developing reflexive active environment works
A key assumption	Natural processes can be explained by scientific theories	The subject's goals and values are included through the choice of methods and means of studying the object	Freedom as acceptance
An important consequence	Scientific knowledge can be used to modify natural processes to benefit people	Scientific knowledge can influence the phenomenon being studied	Scientific knowledge can be used to implement the idea of co-evolution: the coordinated evolution of nature and humanity as equal partners

Source: [Medvedeva 2017, 35]

The development of the conception of third-order cybernetics is based on Russian ideas: the activity approach, the typology of scientific rationality, inclusion of the moral component, etc., are not well known in the West, which leads to some misunderstanding of the concepts.

Conclusions

Briefly, the main differences between the theories of V.E. Lepskiy and S.A. Umpleby, from our point of view, are the following:

1. The American vision of second-order cybernetics includes the biological and social versions; the development of cybernetics takes place within the framework of the paradigms of classical and non-classical rationality.

2. The Russian vision of second-order cybernetics excludes from consideration the biological version, in fact, reducing second-order cybernetics to the cybernetics of the individual subject (observer) and, indirectly, its values (through the choice of methods and means of studying the object), in contrast to the third-order cybernetics concept, with its focus on the social (meta-subject).

3. Western scholars do not consider third-order cybernetics to be necessary, since the inclusion of an observer (subject) in the field of science, from their point of view, solves the problem of taking social values and goals into consideration [Medvedeva, Umpleby 2003].

4. It seems that V. Lepskiy's theory of the third order of cybernetics develops in the direction of typically Russian ideas: "noosphere," "collective consciousness," "co-evolution," etc., i.e. it is not just social cybernetics but cybernetics of environments, and probably one can call it the cybernetics of nature.

The different descriptions of cybernetics demonstrate a great potential for ideas from Russian and Western scientists to enrich further development of cybernetics and science in East and West. Such cooperation is increasing. In September of 2020, the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences plans to host the Congress of the World Organization for Systems and Cybernetics (WOSC2020).

REFERENCES

Bartlett F.C. (1932) *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. Cambridge, UK: The University Press.

Bogdanov A.A. (1989) *Tectology: General Organizational Science*. In 2 books. Moscow: Economics.

Gorelick G. (1987) Bogdanov's *Tectology*, General System Theory and Cybernetics. *Cybernetics and Systems: An International Journal*. Vol. 18. No. 2.

Kostov S.V. (2005) The Status of Tectology in the Field of Scientific Knowledge. *Bulletin of the International Alexander Bogdanov Institute*. 2005. No. 4 (in Russian).

Lepskiy V.E. (2017) Evolution of Cybernetics: Philosophical and Methodological Analysis. *Kybernetes*. Vol. 47, no. 2, pp. 249–261. doi: 10.1108/k-03-2017-0120

Mattessich R. (1978) *Instrumental reasoning and system methodology*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.

Moiseev N.N. (2000) *The Fate of Civilization. The Path of the Mind*. Moscow: Languages of Russian Cultures (in Russian).

Medvedeva T.A., Umpleby S.A. (2003) Adding a Dimension to the Philosophy of Science with an Illustration from Economics. *Proceedings of the Socio-Cybernetics Conference* (June 29 to July 5, 2003). Corfu, Greece.

Medvedeva T.A. (2017) A View on V.E. Lepskiy's and S.A. Umpleby's Theories of Cybernetics through the Prism of Intellectual Traditions. In: *Reflexive Processes and Control*. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Platonov O.A. (2010) *Russian Civilization. History and ideology of Russian people*. Moscow: Algorithm (in Russian).

Umpleby S.A. (2005) A History of the Cybernetics Movement in the United States. *Journal of the Washington Academy of Sciences*. Vol. 91, no. 2, pp. 54–66.

Urmantsev Yu.A. (1995) Tectology and the General Theory of Systems. *Voprosy filosofii*. 1995. No. 8 (in Russian).

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ****Феномен универсальности
в морали****Анализ дискуссий о принципе универсализуемости
в моральной философии 1950–1960-х гг.****А.В. Скоморохов**Институт философии РАН, Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-47-64

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В предлагаемом аналитическом обзоре дискуссии о принципе универсализуемости на ее начальном этапе (1950–1960-е гг.) определяются ее теоретические истоки и узловые точки, реконструируются основные направления полемики и позиции авторов. Показывается, что проблемное поле дискуссии определяется: а) разным пониманием природы морали участниками дискуссии; б) расхождением этического и логического аспектов принципа универсализуемости. Дискуссия велась в двух направлениях: а) поиск этической интерпретации принципа универсализуемости; б) этическая критика принципа универсализуемости с позиций экзистенциалистских идей индивидуального морального выбора и поступка. В рамках первого направления предлагаются смысловые модели (версии) принципа универсализуемости, призванные превратить его в субстанциональный моральный принцип. Предложенные модели основаны на идеях беспристрастности, справедливости, равенства. В рамках второго направления ставится под вопрос связь морали с универсальностью и одновременно предлагаются модели согласования закона и поступка, призванные защитить идею универсальности от обвинений в репрессивности по отношению к индивидуальному. В статье рассматриваются основания и уязвимые места каждой из предложенных смысловых моделей принципа универсализуемости (в рамках первого направления), анализируется принципиальная возможность согласования закона и поступка на основе метода аналитической философии (в рамках второго направления) и предлагаются критические аргументы в адрес известных решений. Аналитическое понимание универсальности как универсали-

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 18-18-00068.

зуюмости суждений оценивается как метафизическое. Доказывается, что согласование универсального закона и идеи индивидуальности в границах метафизического понимания не может быть осуществлено. Указывается возможный путь решения проблемы: обращение к онтологическому понятию универсальности, при котором идея универсального закона может быть согласована с идеей личности.

Ключевые слова: универсализуемость, этика, беспристрастность, справедливость, равенство, поступок, Гевирт, Макинтайр, Сингер, Хэар.

Скоморохов Алексей Вячеславович – младший научный сотрудник сектора этики Институт философии РАН.

alskom2@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5565-0225>

Цитирование: Скоморохов А.В. (2018) Анализ дискуссий о принципе универсализуемости в моральной философии 1950–1960-х гг. // Философские науки. 2018. № 10. С. 47–64.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-47-64

The Discussion on the Principle of Universalizability in Moral Philosophy of the 1950s and 1960s: An Analysis*

A.V. Skomorokhov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-47-64

Original research paper

Summary

The article offers a review and analysis of the discussion on the principle of universalizability at its initial stage (1950s and 1960s). The author determines the theoretical roots and key points of the discussion and reveals the directions of controversy and the position of researchers. In particular, the problem field depends on the divergence of the ethical and logical aspects of the principle of universalizability. As a result, two areas of discussion are formed: 1) the search for an ethical interpretation of the principle of universalizability, 2) an analysis of the principle of universalizability in its relation to the ethical idea of the action. The author proposes the semantic models (versions) of the principle of universalizability designed to turn it into a substantive moral principle (within the framework of the first direction). These models are based on ideas: a) impartiality, b) justice, c) equality. The models of harmonization of universal normativity and moral experi-

---

* The paper has been developed within the research project “The Phenomenon of Moral Universality,” supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00068.

ence, law and action are designed to protect the idea of universalizability from accusations of formalism and dogmatism (within the framework of the second direction). The grounds and vulnerabilities of the proposed semantic models of the principle of universalizability are examined (within the framework of the first direction) and the possibility of harmonizing law and action is analyzed (within the framework of the second direction). The understanding of universalizability in analytic philosophy is metaphysical. Within the limits of the metaphysical understanding of universality, the problem of harmonizing the universal law and the idea of individuality cannot be solved. A possible way of solving the problem is an appeal to such a concept of universality in which the idea of universality can be reconciled with the idea of the individual freedom.

Keywords: universalizability, ethics, justice, impartiality, equality, action, Gewirth, Hare, MacIntyre, Singer.

Alexey Skomorokhov – Junior Research Fellow at the Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

alskom2@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5565-0225>

Citation: Skomorokhov A.V. (2018) The Discussion on the Principle of Universalizability in Moral Philosophy of the 1950s and 1960s: An Analysis. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 47–64.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-47-64

Введение

Неразрывная связь морали и универсальности обоснована в этической системе Иммануила Канта. Первая формулировка категорического императива (согласно мысли Канта – высшего принципа нравственности) требует возведения субъективной максимы во всеобщий закон; процедура универсализации максимы выступает критерием ее моральности. При этом, как замечает Теодор Адорно, проблема согласования универсального и партикулярного, общего и особенного, остается главной проблемой этики Канта и в целом философии морали [Адорно 2000, 24].

В границах аналитической философии исследование этой проблемы в ее возможных оборотах (этический смысл универсализации, согласование универсального закона и индивидуального поступка) осуществляется на путях логического анализа моральных суждений.

Исходной точкой этого анализа выступают:

1) различие суждений *формы U*, содержащих только предикаты (дескрипции) и логические термины, и суждений *формы E*, включающих, помимо предикатов, единичные термины, т.е. имена собственные и местоимения [Gellner 1954–1955, 163];

2) образование Ричардом Хэаром термина «универсализуемость» [Hare 1954–1955] для обозначения формально-логического тезиса о природе моральных суждений.

Согласно основополагающему утверждению Хэара, «все моральные суждения имеют *форму U*», а универсализуемость – есть их «центральная характеристика» [Hare 1962, 351].

Исследование феномена универсальности проводится далее в двух главных направлениях: 1) выявление этического смысла феномена универсализуемости моральных суждений; 2) обоснование и критика связи морали и универсальности.

В ходе дискуссий термин «универсализуемость» оказывается связан с широким кругом философско-этических проблем (согласование закона и поступка), идей (справедливость, беспристрастность, равенство), концепций (экзистенциализм, утилитаризм, консеквенциализм и т.д.), а также вопросами типа: «а что, если бы это сделали все?» и «а что, если бы так поступили по отношению к вам?».

Цель данной статьи – реконструировать теоретические истоки и основные узловые точки этой дискуссии, проанализировать направления полемики и позиции авторов.

1. Принцип универсализуемости: смысловые модели

1.1. Универсализуемость моральных суждений:

отличительные особенности

Тезис Хэара об универсализуемости моральных суждений опирается на три взаимосвязанные презумпции.

Во-первых, моральные суждения универсализуемы, если они обоснованы, т.е. апеллируют к общим стандартам и принципам.

Во-вторых, моральные суждения универсализуемы, если существует связь между моральной оценкой предмета и его объективными (неморальными) качествами. Это значит, что вещи не могут быть различны только в моральном отношении.

В-третьих, моральные суждения универсализуемы, если они носят синтетический характер. То есть, возможность универсализуемости морального суждения обусловлена присутствием в нем неморальных элементов.

Последнее утверждение требует прояснения. Хэар постулирует: всякое моральное суждение имеет дуальную природу – сочетает в себе прескриптивное и дескриптивное значения. Прескриптивное значение включает в себе долженствование; дескриптивное значение связано с выявлением в реальных ситуациях существенных (в моральном отношении) признаков *X*, *Y*, *Z* с последующей их минимизацией, обобщением и абстрагированием, позволяющим

подвести их под общий принцип и высказать моральное суждение (причем суждение будет верным для всех ситуаций, обладающих признаками X, Y, Z). Важно подчеркнуть, что дескриптивное значение морального суждения – необходимое, но недостаточное условие его универсализуемости. Поскольку моральное суждение обладает также прескриптивным значением, в нем обобщаются не только неморальные (объективные) признаки предмета (таковы дескриптивные суждения), но и моральные предписания. Высказывая универсализуемое моральное суждение, мы полагаем, что, если P должен, то и мы должны (сделать A в ситуации с признаками X, Y, Z).

Из указанных условий универсализуемости моральных суждений вытекает формулировка принципа универсализуемости: «каждый человек, подобный мне, в обстоятельствах, подобных моим, должен поступить так же, как я, а идеальный наблюдатель должен одобрить такой поступок».

1.2. Проблемное поле дискуссии

Существенная трудность в осмыслении принципа универсализуемости заключается в расхождении логического и содержательного аспектов анализа. Это расхождение приводит к возникновению следующей проблемы.

Универсализация как процедура построения рода универсализуемых суждений допускает отбрасывание и включение систематизируемых (описательных) признаков *по произволу* судящего. Но посредством систематизации описательных признаков невозможно получить общезначимый принцип. Как следствие, в общих терминах могут быть сформулированы разные, в пределе – глубоко абсурдные и аморальные суждения [Emmet 1963, 215]. Отсюда следует, что на формальный принцип универсализуемости необходимо наложить ограничения. Универсализуемость как последовательность должна быть дополнена содержательным критерием, исключающим возможность аморальных суждений [Emmet 1963, 167]. Пути содержательной интерпретации принципа универсализуемости становятся основным предметом дискуссии 1950–1960-х гг.

1.3. Возможные подходы к построению смысловых моделей

Конструирование смысловых моделей принципа универсализуемости разворачивается в двух направлениях. В рамках первого направления принцип универсализуемости рассматривается в качестве порождающего инструмента построения нормативной системы этики (Сингер, Эммет и др.). В рамках второго направ-

ления принцип универсализуемости мыслится в качестве формы, подлежащей содержательному наполнению, и уточняются пути этого наполнения (Хэар, Гевирт и др.).

Питер Уинч выделяет два образа морали, определяющие природу расхождения указанных направлений [Winch 1965, 198].

С одной стороны – социально-нормативный – этика понимается как своего рода калькуляция правильных поступков, причем личность поступающего принимается во внимание лишь постольку, поскольку влияет на суть рассматриваемой ситуации. С другой стороны – персоналистский – этика понимается через идею безусловной ценности личности и значимости индивидуального выбора. (В последующем изложении два подхода к осмыслению принципа универсализуемости мы будем обозначать как «нормативный» и «персоналистский».)

Радикальное отрицание связи морали и универсальности и построение полной нормативной системы этики на основе принципа универсализуемости – таковы две крайние позиции, задающие рамки ведущейся дискуссии.

1.4. Смысловая модель Сингера

Нормативный подход к построению смысловой модели принципа универсализуемости предполагает, что расхождение логического и содержательного аспектов принципа практически отсутствует.

В частности, Алан Райен и Дороти Эммет полагают, что непоследовательность в оценках не только неморальна, но и аморальна. Аморальность непоследовательности заключается в скрытой за ней пристрастности оценивающего [Ryan 1964, 48]. Однако требование последовательности на уровне оценок подрывается возможностью произвольного установления признаков ситуации. Это открывает лазейку для пристрастности и несправедливости.

Для устранения этой угрозы Сингер сопрягает принцип универсализуемости, называемый им «принципом обобщения» (generalization principle) с аргументом обобщения (generalization argument). Сингер обращает внимание на то, что в обыденном сознании часто встречается аргумент вида: «А что, если все (не) сделают X?» При этом подразумевается, что если все и в самом деле (не) сделают X, случится нечто катастрофическое. Если никто не пойдет в армию, будет проиграна война, если никто не придет на выборы, будет подорван демократический строй и т.д. Предполагается вывод: «Никто не имеет права (не) делать X». По утверждению Сингера, аргумент обобщения – не досужее рассуждение, а выражение сущности морального сознания [Singer 1955, 361].

Сингер накладывает два ограничения на аргумент обобщения. Во-первых, суждение «никто не должен делать *X*» ложно, если его можно представить инверсно, т.е. если негативные последствия наступают не только от того, что все делают *X*, но в равной мере и от того, что *X* не делает никто (ср. «все производят одежду» – «никто не производит одежду»). Во-вторых, суждение «никто не должен делать *X*» ложно, если замена *X* на любое аналогичное *Y* приводит к абсурдным выводам (см.: «если все придут в этот ресторан в 21 час, случится столпотворение, если в 22 (23, ...) часа – тоже, следовательно, никто никогда не должен приходить в этот ресторан»).

Аргумент обобщения и принцип обобщения взаимосвязаны. Принцип обобщения, определяющий область действия морального суждения классом подобных лиц и обстоятельств, позволяет наложить ограничения на аргумент обобщения, а аргумент обобщения, вкупе с наложенными на него ограничениями, решает задачу содержательного уточнения принципа обобщения.

Модель Сингера получила широкий резонанс. В ходе развернувшейся дискуссии были установлены основные трудности, с которыми она сталкивается.

Во-первых, поскольку Сингер не проговаривает, какие именно последствия считать нежелательными, аргумент обобщения, призванный содержательно определить принцип обобщения, сам остается содержательно неопределенным.

Во-вторых, Сингер не замечает возможности противоречия между идеей недопущения нежелательных последствий (аргумент обобщения) и идеей последовательности (принцип обобщения): например, поражение в правах отдельных категорий граждан может быть обосновано задачей недопущения деструктивных последствий [Gewirth 1964, 241].

В-третьих, поскольку аргумент обобщения, по Сингеру, опирается на принцип обобщения, он не может дать независимый критерий «правильности» поступка. В отсутствие такого критерия принцип обобщения становится тавтологичным [Gewirth 1964, 233]. Тем самым упускается специфика универсализуемости *моральных* суждений: их осмысленный, а не тавтологичный характер.

В основе трудностей, с которыми сталкивается Сингер, лежит, по мысли Хэара, невнимание к прескриптивному характеру моральных суждений. Между тем, если действие неправильно, оно неправильно *безусловно*, вне зависимости от того, совершает ли его кто-нибудь еще [Hare 1962, 354].

1.5. Смысловая модель Хэара

Подход, развитый Хэаром в работе «Свобода и разум» [Hare 1965], предполагает строгое разграничение двух уровней

анализа моральных суждений: а) выявления и анализа правил морального мышления; б) установления содержания конкретных моральных норм. Согласно этому разграничению, различаются задачи, стоящие перед этической теорией и моральным субъектом.

Задачу этической теории Хэар видит в установлении правил морального мышления. Задача морального субъекта, напротив, состоит в изобретении частных норм в рамках установленных правил.

Главным «правилом морального мышления», по мысли Хэара, выступает принцип универсализуемости. Принцип универсализуемости является формообразующим: он задает рамку моральной аргументации и допускает ряд степеней свободы в конструировании этических норм.

Формообразующий характер принципа универсализуемости в сочетании с субъективным характером процедуры универсализации порождает идею смысловой модели принципа универсализуемости. Принцип мыслится не как инструмент дедукции однозначных правил («без морального субъекта»), а как ориентир в процессе творческого (само)законодательства. Смысл данного процесса, по замечанию Уэйлера, состоит в *многократном совершении процедуры универсализации мной* (*universalizability by me*) как способности поставить себя на место другого, вообразить подобную ситуацию и, пропустив ее через свое «я», вынести суждение [Weiler 1960, 167].

Напрашивается вывод, что принцип универсализуемости может быть понят сквозь призму *Золотого правила*: универсализируя частную максиму, моральный субъект отказывается поступать с Другим так, как не хотел бы, чтобы Другой поступил с ним. В логике Золотого правила согласие между людьми обеспечивается совместимым толкованием фактов, сходством склонностей, наличием достаточно богатого воображения (мы можем и должны представить, каковы и насколько сильны склонности других).

Таким образом, ключевое отличие «персоналистского» подхода (Хэар) от подхода «нормативного» (Сингер) заключается в утверждении «рамочного характера» принципа универсализуемости в отношении к частным системам ценностей и, как следствие: а) невозможности дедукции из него конкретных моральных норм; б) возможности свободного конструирования моральных норм моральным субъектом (в заданном принципом направлении).

Каковы «уязвимые места» модели Хэара? В целом они связаны с эмпирическим (субъективным) характером процедуры универсализации.

Во-первых, модель Хэара опирается на неточный инструмент – воображение. Как отмечает сам Хэар, мы никогда не можем знать

все об обстоятельствах, в которых находится другой моральный субъект (включая и то, как именно они затрагивают его).

Во-вторых, подход Хэара работает лишь в тех случаях, когда люди искренне стремятся гармонизировать конфликтующие интересы, достичь максимально возможной справедливости. Но как быть, когда исходная «благонастроенность» отсутствует?

В-третьих, предложенная модель не решает проблему фанатичного идеалиста. Фанатичная преданность идеалу может направить человека против собственных интересов (в пределе – против собственной жизни) и, как следствие, против интереса и жизни другого.

1.6. Смысловая модель Гевирта

На основе анализа уязвимых мест модели Хэара Гевирт утверждает, что ее недостаточно для построения работающей смысловой модели принципа универсализуемости [Gewirth 1967, 289]. Для решения данной задачи Гевирт предлагает сформулировать принцип универсализуемости на уровне базовых прав человека. Принцип Гевирта гласит: «применяй к Другому те категориальные правила поступка, которые ты применяешь к себе».

Гевирт указывает, что поступая, всякий человек применяет к себе два категориальных (основополагающих) правила: свободно-го самоопределения и целенаправленности поступка. Требование универсализации этих правил предполагает, во-первых, что никто не имеет права принудить Другого к вступлению в некоторое отношение (против его воли), и во-вторых, что никто не имеет права препятствовать свободному целеполаганию Другого.

Гевирт выстраивает иерархию версий принципа универсализуемости: 1) формальный (юридический) принцип последовательности (требующий беспристрастности в применении любого, даже аморального, закона); 2) содержательный принцип «обоюдной последовательности» (удостоверяющий моральность закона); 3) принцип категориальной последовательности (возводящий равенство в базовых правах в универсальный закон) [Gewirth 1967, 289]. Каждая последующая версия, опираясь на предыдущую, снимает ее ограниченность, при этом третья (высшая) соединяет идеи закона и прав личности.

Принцип категориальной последовательности Гевирта – своеобразный итог поисков содержательной интерпретации принципа универсализуемости в дискуссиях 1950–1960-х гг. Правомочен вопрос: решил ли этот принцип поставленную задачу?

На наш взгляд, достоинство смысловой модели Гевирта состоит в том, что она указывает на альтернативный эмпирическому «обобщению» путь понимания универсальности. В рамках аль-

тернативного пути (правда, только намеченного Гевиртом), исследование ведется на уровне категориальных оснований (у Гевирта – категориальных оснований поступка), а эмпирическая операция «обобщения» отсутствует. В то же время конкретный принцип, предложенный Гевиртом, нуждается в более глубоком «понимании понимания», в частности, в переходе от эмпирического (индивид) к сущностному (личность) уровню понимания человека. Внутреннее противоречие концепции Гевирта заключается в том, что принцип *категориальной* последовательности связывается в ней с *эмпирическими* признаками, например, с задачей процветания «общества добропорядочных граждан». Но категории по определению отражают не эмпирический, а абстрактный, сущностный уровень мышления, на котором эмпирические признаки не рассматриваются. На категориальном уровне располагаются фундаментальные законы, защищающие пространство, в котором обитает внутренний мир человека. Это значит, что основанием принципа, утверждающего равенство индивидов в базовых правах, может быть только фундаментальный закон бытия (например, закон равенства в духовном достоинстве). Но такой закон в концепции Гевирта (как, собственно, и в концепциях Хэара и Сингера) отсутствует.

2. Принцип универсализуемости: этическая критика

2.1. Универсализуемость и поступок

(Геллнер, Хэар, Макинтайр, Уинч, Этуэлл)

При всех различиях рассмотренных смысловых моделей, их авторы едины в том, что универсализуемость есть необходимый признак морального суждения. По существу расхождение определяется разной интерпретацией *достаточного* признака, обеспечивающего соединение формального и содержательного толкований морали (аргумент обобщения, Золотое правило, принцип категориальной последовательности).

В рамках альтернативного подхода под вопрос ставится уже *необходимость* связи морали и универсальности, и в целом – правомочность методов аналитической философии применительно к этике.

Необходимо отметить, что сомнение в связи морали и универсальности преследует дискуссию с ее начала. По мысли открывшего данную дискуссию Эрнеста Геллнера, несмотря на то, что моральные законы универсальны, в опыте ни одна моральная оценка не соответствует их строгости. Жизнь, утверждает Геллнер, не укладывается в жесткие логические рамки закона. В частности закона, на который рассчитывал Кант. Все оценки и поступки, хотя бы отчасти, относятся к типу *E* [Gellner 1954–1955, 175].

Однако, по мнению Хэара, возмражающего Геллнеру, закон и поступок могут быть согласованы посредством различения правил морального мышления и правил поведения (см. п. 1.5). Правила морального мышления предписывают правилам поведения их форму, но не определяют их содержание. Иными словами, частные правила поведения оформляются в соответствии с принципом, но не дедуцируются из него; они «изобретаются» моральным субъектом. При этом правила поведения могут бесконечно специфицироваться, оставаясь универсальными [Hare 1954–1955, 301]. Например, нормы «не лги» и «не лги, если только не во спасение...» в равной степени универсальны (поскольку сформулированы без использования единичных терминов), но различаются по степени общности (область действия нормы «не лги» больше).

Осуществленное путем различения правил двух уровней, а также общности и всеобщности согласование закона и поступка, позволило Хэару в самом начале дискуссии защитить идею универсальности от обвинений в догматизме и репрессивности.

На рассуждение Хэара отреагировал Аласдер Макинтайр, и в статье под характерным названием «Что не есть мораль» («What morality is not») решительно отверг взгляд, согласно которому универсальность – необходимый признак морали. Доводы Макинтайра: связь между моралью и универсальностью коренится не в понятии «мораль», а в понятии «норма» (нормы как этические, так и неэтические, как правило, универсальны); утверждать, что универсальность есть неотъемлемая характеристика морали, значит уменьшать объем понятия «мораль» до морали норм; мораль – не только нормы, но также и поступки, в том числе, трагические поступки в ситуации конфликта равнозначных максимумов; выбор любой из максимумов всегда неправилен и, как следствие, неуниверсализуем. Даже убежденный пацифист может сказать: «Я отказываюсь идти воевать, но не могу не уважать тех, кто идет сражаться». И не вступить при этом в противоречие, или, точнее, вступить в противоречие конститутивное для морали.

В самом деле, что значит: разрешить моральную дилемму, т.е. ответить на вопрос «как быть»? Значит ли это – объяснить, как «быть правильно», т.е. сформулировать правило, снимающее дилемму, и поступить в соответствии с ним («правильно»)? Или напротив, взять на себя ответственность за свой – неизбежно неправильный – выбор? Рассматривая известную дилемму (исполнить долг перед матерью или долг перед родиной), Макинтайр утверждает: «Ученик Сартра, конечно, мог бы сформулировать правило: “забота о родителях важнее исполнения воинского долга”, и тем самым утвердить его верность для всех подобных

случаев. Но, чтобы сделать собственный выбор, ему нет необходимости становиться законодателем» [MacIntyre 1955, 327].

Аргумент Макинтайра выявляет уязвимое место в подходе Хэара, а именно невнимание к особому классу поступков, тому, что охватывает поступки в ситуации трагического выбора.

Пытаясь осмыслить проблему трагического поступка, аналитические философы предложили две ее интерпретации, по сути исключающие друг друга.

Как отмечает Уинч, в сложных случаях столкновения обязанностей (суждений «я должен сделать *X*» и «я должен сделать *Y*», — где *X* и *Y* взаимно исключают друг друга), решение Хэара не работает. Разрешающее подобную дилемму суждение имеет вид не «я должен сделать *X*», а «я *решил*, что должен сделать *X*». Но, высказывая *решимость* сделать *X*, я не подразумеваю, что другой на моем месте должен сделать *X*, ведь другой может решить иначе: что он (именно он, а *никто другой*) должен сделать *Y*. Иными словами, если суждения, выражающие моральные обязанности (в их столкновении со склонностями), универсализуемы, то суждения, обосновывающие трагический выбор, поименованы. Они правильны не для всех, а только лишь «для меня» [Winch 1965, 200].

Таким образом, Уинч (может быть, не желая этого) формирует утверждение, которое подрывает основы дискурса универсализуемости: неуниверсализуемые моральные суждения *возможны*.

Возражая Уинчу и стремясь защитить принцип универсализуемости, Джон Этуэлл указывает, что трагический выбор вовсе не опирается на моральное суждение «в по-настоящему сложных дилеммах моральный субъект не может решить, что должно делать ему, поскольку не знает, что должно делать всем, но все равно принужден действовать: в этом — трагедия» [Atwell 1967, 133]. Этуэлл предлагает рассмотреть ситуацию, в которой моральный субъект с одной стороны нацелен поступить «правильно» («морально серьезно»), а с другой — сталкивается с моральной дилеммой. Поскольку каждое из возможных ее решений по своему неправильно, моральный субъект вынужден действовать не в соответствии с *правилом*, а под давлением обстоятельств. Словесная формулировка его решения — не «должен поступить», но «вынужденно поступаю». Этуэлл делает вывод: все моральные суждения универсализуемы, но не все поступки опираются на моральные суждения; отсюда ошибка Хэара — не в утверждении необходимой универсализуемости морального суждения, а в распространении принципа универсализуемости на область поступков.

Однако Этуэлл не учитывает то обстоятельство, что суть морали – в поступках, а не в суждениях. Из рассуждений Этуэлла остается до конца неясным, каков моральный статус поступка в ситуации трагического выбора: *внеморален* ли он, *поскольку не опирается* на моральное суждение, или все же *морален, несмотря на то, что не опирается* на моральное суждение. Если *внеморален*, то сложные моральные дилеммы выпадают из сферы этического, а последняя ограничивается проблемами вида «возврата книг в библиотеку» (Уинч); если *морален*, но не опирается на моральное суждение, то неясно, что позволяет *одновременно* назвать и суждение о должном, и не связанный с ним поступок *моральными*. Иными словами: что морального в поступке, не опирающемся на моральное суждение; и что морального в суждении, безразличном к моральному поступку?

Дискуссия о согласовании закона и поступка и, как следствие, о связи морали и универсальности таким образом замыкается в круг и возвращается к своим истокам. Геллнер отрицал связь морали и универсальности, опираясь на идею поступка; Хэар защитил эту связь, согласовав закон и поступок; Макинтайр противопоставил согласованию Хэара класс трагических поступков; Уинч и Этуэлл, каждый по-своему, выявили фатальный для принципа универсализуемости смысл этого противопоставления.

Реальность трагического поступка и невозможность его помыслить – такова первая апория дискурса универсализуемости.

2.2. Универсализуемость и романтическая любовь

(Геллнер, Хэар)

Проблемы, открывающиеся в свете лингвистического анализа, не ограничиваются сферой поступка. Рассмотрим, например, спор аналитических философов о романтической любви. Главный предмет спора: на суждение какой формы (*U* или *E*) опирается любовная клятва? Геллнер указывает на «личный характер» (*privacy of encounter*) любви, на обращенность суждения «я буду вечно верен твоей» неповторимой, единственной, уникальной личности (тип *E*). Хэар, напротив, убежден, что, во-первых, форма суждения «буду бесконечно верен тебе» ничем не отличается от формы суждения «сдержу данное тебе обещание» (и в том, и в другом случае личность реципиента не имеет значения), во-вторых, любовная клятва может повторяться множество раз (быть обращена разным людям). А если так, то суждение влюбленного, а с ним и романтическая любовь, принадлежат типу *U* [Hare 1954–1955, 300].

Несложно заметить, что таким, с формально-логической точки зрения точным, ходом мысли понятие романтической любви подвергается тотальной деструкции. Индивидуальное низводится до типического, бытийное – до бытового, возвышенное – до иллюзорного, а любовная клятва – до долгового обязательства. Геллнер, на первый взгляд, проявляет большую чуткость. Но и у Геллнера, и у Хэара идеальное измерение любви замещается материальным – в виде «частного отношения» двоих (Геллнер) или типичного отношения со многими (Хэар).

Усмотреть идеальный (универсальный) смысл индивидуализированного отношения (соединить *E* и *U*) аналитические философы оказываются не в силах. Реальность романтической любви и невозможность ее помыслить – такова вторая апория дискурса универсализуемости.

Каков источник, природа данных апорий?

2.3. Согласование универсального и индивидуального: возможности (Нарвесон, Хэар)

В основе трудностей, с которыми сталкивается дискурс универсализуемости в аналитической философии, лежит, на наш взгляд, понимание индивидуальности как предельно специфицированного класса. (Быть индивидуальностью значит быть описанным с помощью признаков *X*, *Y*, *Z*, которыми не обладает более никто.)

Из логической идеи индивидуальности с необходимостью следует, что:

а) идеальные явления индивидуализирующего характера (такие, как романтическая любовь) девальвируются до явлений социальных и типических;

б) трагический поступок, как поименованный (мой, его, ее и т.д.) не мыслится непротиворечиво.

В то же время, по мысли Яна Нарвесона, существует другая идея индивидуальности, в соответствии с которой быть индивидуальностью значит быть собой – быть *особой* (т.е. априори не подпадать ни под какое описание и даже касание мыслью) [Narveson 1965, 37]. «То, что может быть именовано (индивид), не может быть описано», – излагает эту идею с предельной ясностью Хэар [Hare 1954–1955, 310]. Однако задача сформировать понятие индивидуальности на основе данной идеи кажется Нарвесону и Хэару неразрешимой. Аналитические философы и не испытывают потребности ее разрешать: субъект-предикатная структура позволяет, по их мнению, описать человека настолько полно и точно, насколько это необходимо. Разумеется, абсолютной точности мы

не достигнем. Но, в конце концов, нам остается или вовсе отказаться от понимания, или примириться с приблизительностью понятий [Hare 1954–1955, 312].

В рамках предложенной альтернативы (понимать или не понимать) с вердиктом Хэара (понимать), пожалуй, можно согласиться. Но рассмотрим иную возможность – быть может, нам следует выбирать между разными *способами понимания*?

В силу того, что дискурс универсализуемости конституируется априорной оппозицией $E-U$, истиной (единичного) сущего здесь мыслится его общая (видовая) характеристика (так возникают «подобные люди» и «подобные обстоятельства»). Это значит, что дискурс универсализуемости может быть назван метафизическим (1), а проблему согласования единичного и всеобщего можно конкретизировать как проблему поиска способа понимания, альтернативного метафизическому.

Хэар касается этой проблемы, комментируя предложение изучать этические проблемы посредством не логического анализа, а эстетического чувственного восприятия (характеров героев и событий художественных произведений). Обсуждая эту идею, Хэар со скепсисом замечает: «Я высказываю суждение о персонаже [романа – А. С.] как о типе, – типе, который был... в деталях описан. Мое суждение о герое не только опирается на принцип типа U , оно само есть универсальное суждение» [Hare 1954–1955, 311]. Иными словами, способа понимания, который мог бы позволить помыслить единичное сущее в его особости, согласно Хэару, не существует.

Справедливо ли данное суждение? По замечанию Умберто Эко, персонаж романа, о котором говорит Хэар, есть продукт универсализации индивидуального (т.е., заметим от себя, метафизической универсализации), и именно поэтому он и в самом деле только типичен. Но не всякий персонаж – персонаж романа, и не всякая универсальность есть метафизическая универсальность. Персонаж романа, замечает Эко, «не обретает универсальности мифа, не становится знаком, эмблемой сверхъестественной реальности» [Эко 2005, 181]. Это суждение предполагает, что универсальность образа может достигаться не описательным обобщением характеров и обстоятельств (тип), но также индивидуализацией всеобщей идеи (символ), а метафизическому пониманию универсальности («обобщение») противостоит ее онтологическое понимание («закон»).

Конечно, у героя мифа, как и у героя романа, есть характерные «черты». Но черты героя мифа – неизменны и вечны, а неснимаемая поименованность героя (Эдип, Геракл...) гарантирована воплощением космического закона. В онтологической универсальности

мифического героя достигается полноценное и непротиворечивое согласование (даже слияние) поступка и закона, индивидуальных черт и универсальной идеи, при котором «схваченное в совершенстве (в энергии) своей формы, в своем месте, в свое время... единичное сущее есть одновременно всеобщая идея» [Ахутин 2005, 331]. То есть достигается согласование, которое в рамках метафизического понимания универсальности принципиально недостижимо.

Заключение

Нами выделены два направления дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1950–1960-х гг.

Первое направление задано презумпцией *необходимой* универсализуемости морального суждения. В его рамках осуществляется построение смысловых моделей принципа универсализуемости, которые позволили бы сделать его высшим моральным принципом.

Конструирование смысловых моделей принципа универсализуемости осуществляется двумя способами: а) путем выявления конкретного содержания принципа универсализуемости с целью дедуктивного построения этики как рациональной нормативной системы (Сингер); б) через утверждение формального характера процедуры универсализации с целью утверждения идей автономии, прав личности и поступка (Хэар, Гевирт). Построенные модели в рамках первого способа соединяют принцип универсализуемости с идеями беспристрастности и справедливости (Райен, Эммет, Сингер), в рамках второго направления – с идеями взаимности, поступка (Хэар) и равноправия (Гевирт).

Второе направление дискуссии связано с этической критикой идеи универсальности. Критика идеи универсальности ведется с позиций ценности индивидуального поступка и значимости трагического выбора (Макинтайр, Уинч, Эммет). В ходе дискуссии выявляется неспособность лингвистического анализа непротиворечиво соединить идею индивидуальности с идеей универсальности (в двух аспектах – трагического выбора и романтической любви) (2).

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Под метафизикой нами понимается переход от единичного к общему путем выявления у данного объекта определенных абстрактных свойств и отбрасывания остальных, так что два объекта принадлежат одному и тому же роду, если оба они обладают выделенными свойствами. Такого рода описательные классифи-

кации ориентированы на реально существующие объекты. Под онтологией, в отличие от метафизики, нами понимается не процесс обобщения реально существующих вещей, а открытие истины посредством интеллектуального «схватывания» сущности предмета и выражение истины посредством либо универсального закона всемирного значения, либо категорий.

(2) Интегральное понимание феномена универсальности, на наш взгляд, возможно на основе использования принципа дополнительности, т.е. рассмотрения феномена универсальности не только с метафизической, но и с онтологической точек зрения, или, что то же самое, на основе дополнения универсальности «обобщения» универсальностью «закона».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адорно 2000 – Адорно Т. Проблемы философии морали / пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Республика, 2000.

Ахутин 2007 – Ахутин А.В. Античные начала философии. – СПб.: Наука, 2007.

Эко 2005 – Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С.Д.Серебряного. – СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГТУ, 2005.

Atwell 1967 – Atwell J. A Note on Decisions, Judgments, and Universalizability // *Ethics*. 1967. Vol. 77. No. 2. P. 130–134.

Emmet 1963 – Emmet D. Universalisability and Moral Judgment // *The Philosophical Quarterly*. Vol. 13. No. 52. P. 214–228.

Hare 1954–1955 – Hare R.M. Universalizability // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954–1955. Vol. 55. P. 295–312.

Hare 1962 – Hare R.M. Review: Singer M.G. Generalization in Ethics: An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy // *The Philosophical Quarterly*. 1962. Vol. 12. No. 49. P. 351–355.

Hare 1965 – Hare R.M. Freedom and Reason. – Oxford: Oxford University Press, 1965.

Gellner 1954–1955 – Gellner E. Ethics and Logic // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954–1955. Vol. 55. P. 157–178.

Gewirth 1964 – Gewirth A. The Generalization Principle // *The Philosophical Review*. 1964. Vol. 73. No. 2. P. 229–242.

Gewirth 1967 – Gewirth A. Categorical Consistency in Ethics // *The Philosophical Quarterly*. 1967. Vol. 17. No. 69. P. 289–299.

MacIntyre 1957 – MacIntyre A. What Morality Is Not // *Philosophy*. 1957. Vol. 32. No. 123. P. 325–335.

Narveson 1965 – Narveson J.F. Existence and Particularity // *The Southern Journal of Philosophy*. 1965. Vol. 3. No 1. P. 33–37.

Ryan 1964 – Ryan A. Universalizability // *Analysis*. 1964. Vol. 25. No. 2. P. 44–48.

Singer 1955 – *Singer M.* Generalization in Ethics // *Mind. New Series.* 1955. Vol. 64. No. 255. P. 361–375.

Weiler 1960 – *Weiler G.* Universalizability by Me // *The Philosophical Quarterly.* 1960. Vol. 10. No. 39. P. 167–170.

Winch 1965 – *Winch P.* The Universalizability of Moral Judgements // *The Monist.* 1965. Vol. 49. No. 2. P. 196–214.

REFERENCES

Adorno T. (2000) *Problems of Moral Philosophy.* Moscow: Respublika (Russian translation).

Akhutin A. V. (2007) *Antichnye nachala filosofii* [Ancient Origins of Philosophy]. Saint-Petersburg: Nauka (in Russian)

Atwell J. (1967) A Note on Decisions, Judgments, and Universalizability. *Ethics.* Vol. 77, no. 2, pp. 130–134.

Eco U. (2005) *The Role of The Reader: Explorations in The Semiotics of Texts.* Saint-Petersburg: Symposium; Moscow: RGGU (Russian translation).

Emmet D. (1963) Universalisability and Moral Judgment. *The Philosophical Quarterly.* Vol. 13, no. 52, pp. 214–228.

Gellner E. (1954–1955) Ethics and Logic. *Proceedings of the Aristotelian Society.* Vol. 55, pp. 157–178.

Hare R.M. (1954–1955) Universalizability. *Proceedings of the Aristotelian Society.* Vol. 55, pp. 295–312.

Hare R.M. (1962) Review: Singer M.G. Generalization in Ethics: An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy. *The Philosophical Quarterly.* Vol. 12, no. 49, pp. 351–355.

Hare R.M. (1965) *Freedom and Reason.* Oxford: Oxford University Press.

Gewirth A. (1967) Categorical Consistency in Ethics. *The Philosophical Quarterly.* Vol. 17, no. 69, pp. 289–299.

Gewirth A. (1964) The Generalization Principle. *The Philosophical Review.* Vol. 73, no. 2, pp. 229–242.

MacIntyre A. (1957) What Morality Is Not. *Philosophy.* Vol. 32, no. 123, pp. 325–335.

Narveson J.F. (1965) Existence and Particularity. *The Southern Journal of Philosophy.* Vol. 3, no. 1, pp. 33–37.

Ryan A. (1964) Universalizability. *Analysis.* Vol. 25, no. 2, pp. 44–48.

Singer M. (1955) Generalization in Ethics. *Mind. New Series.* Vol. 64, no. 255, pp. 361–375.

Weiler G. (1960) Universalizability by Me. *The Philosophical Quarterly.* Vol. 10, no. 39, pp. 167–170.

Winch P. (1965) The Universalizability of Moral Judgements. *The Monist.* 1965. Vol. 49, no. 2, pp. 196–214.

Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг.*

Е.В. Логинов

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-65-80

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Статья представляет собой анализ дискуссии об универсализуемости, которая имела место в моральной философии в 1970–1980-х гг. Я вижу две основные проблемы, которые привлекли больше внимания, чем другие. Первая проблема состоит в прояснении связи универсализуемости и обобщения. М.Д. Сингер отстаивал аргумент обобщения, а Р.М. Хэар защищал тезис универсализуемости. Хэар пытался опровергнуть позицию Сингера, используя методы философии обыденного языка, и утверждал, что в этике обобщение бесполезно и вводит в заблуждение. Я рассмотрел защиту Сингера и пришел к выводу, что он был прав и Хэар ошибался. Следовательно, аргумент обобщения лучше выражает связь универсальности и морали, чем учение Хэара об универсализуемости, а значит, всеобщность моральных принципов не противоречит существованию исключений. Вторая проблема состоит в фундировании применения категорического императива в теории релевантных описаний действий и в точном понимании разницы между максимами и тем, что максимами не является. В работе «Обобщение в этике» Сингер обратил внимание на эту тему, и философы предложили разные подходы к решению этой проблемы. Я описываю идеи Г.Д. Патона, Н. Поттера, О. О'Нил и М. Тиммонса. Патон выдвинул теорию телеологического закона. Согласно Поттеру, обобщенный каузальный критерий является лучшим критерием релевантности описания действий. О'Нил предложила теорию несогласованности намерений. Тиммонс защищал каузально-номологическую теорию. Я пришел к выводу, что телеологическая и каузально-номологическая теории не могут решить проблему релевантного описания действий, а обобщенный каузальный критерий и теория несогласованности намерений имеют свои ограничения. Из этого я заключил, что указанные подходы не могут быть основанием для прояснения связи между универсальностью и моралью, в отличие от подхода Сингера, которому, следовательно, лучше других удалось прояснить природу феномена универсальности в морали.

Ключевые слова: обобщение, этика, категорический императив, универсализуемость, Сингер, Хэар, Кант, Поттер, Тиммонс, О'Нил.

---

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 18-18-00068.

Логинов Евгений Владимирович – кандидат философских наук, младший научный сотрудник кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

loginovlosmar@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9883-1854>

Цитирование: Логинов Е.В. (2018) Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. // Философские науки. 2018. № 10. С. 65–80.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-65-80

The Discussion on the Principle of Universalizability in Moral Philosophy in the 1970s and 1980s: An Analysis*

E.V. Loginov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-65-80

Original research paper

Summary

In this paper, I analyzed the discussion on the principle of universalizability which took place in moral philosophy in 1970–1980s. In short, I see two main problems that attracted more attention than others. The first problem is an opposition of universalizability and generalization. M.G. Singer argued for generalization argument, and R.M. Hare defended universalizability thesis. Hare tried to refute Singer's position, using methods of ordinary language philosophy, and claimed that in ethics generalization is useless and misleading. I have examined Singer's defense and concluded that he was right and Hare was mistaken. Consequently, generalization argument is better in clarification of the relationship between universality and morality than Hare's doctrine of universalizability, and hence the universality of moral principles is not incompatible with the existence of exclusions. The second problem is the substantiation of the application of categorical imperative in the theory of relevant act descriptions and accurate understanding of the difference between maxims and non-maxims. In *Generalization in Ethics*, Singer drew attention to this theme and philosophers have proposed some suggestions to solve this problem. I describe ideas of H.J. Paton, H. Potter, O. O'Neill and M. Timmons. Paton coined the teleological-law theory. According to Potter, the best criterion for the relevant act descriptions is causal one. O'Neill suggested the inconsistency-of-intention theory. Timmons defended the

---

* The paper has been developed within the research project "The Phenomenon of Moral Universality," supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00068.

causal-law theory. My claim is that the teleological-law theory and the causal-law theory fail to solve the relevant act descriptions problem and the causal criterion and the inconsistency-of-intention theory have their limits. From this, I conclude that these approaches cannot be the basis for clarifying the connection between universality and morality, in contrast to Singer's approach, which, therefore, is better than others to clarify the nature of universality in morality.

Keywords: generalization, ethics, categorical imperative, universalizability, Singer, Hare, Kant, Potter, Timmons, O'Neill.

Eugeny Loginov – Ph.D. in Philosophy, Junior Research Fellow at the Department of the History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

loginovlosmar@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9883-1854>

Citation: Loginov E.V. (2018) The Discussion on the Principle of Universalizability in Moral Philosophy in the 1970s and 1980s: An Analysis. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 65–80.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-65-80

Введение

Задачей этой статьи является анализ основных аргументов, представленных в дискуссиях об универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. Эти дискуссии восходят к началу 1950-х годов, и обычно считается, что интерес к универсализуемости был определен статьей Р.М. Хэра [Hare 1954/5; Potter, Timmons 1985, ix; Апресян 2016]. В то же время М. Сингер выступил со своим проектом логики этики [Singer 1955; Singer 1961]. Именно спор Хэра и Сингера был важной частью интересующих нас дискуссий 1970–80-х гг. Этим дискуссии не исчерпываются: вторым важным направлением были исследования применения категорического императива. Я начну с разбора аргументов Сингера и Хэра, а потом перейду к обсуждению теорий, связывающих мораль и универсальность в кантовском духе.

1. Логика этики Сингера и критика Хэра

1.1. Аргумент обобщения и его недостатки, указанные Хэром

Теория Сингера есть последовательное раскрытие и обоснование аргумента обобщения. Это одновременно и моральный принцип и метод оправдания (justification) моральных суждений. Каждое из них должно пройти через следующие стадии. Первая стадия: проверка принципом последствий, гласящим, что если *A* совершит действие *B* и последствия этого будут нежелательны, то

A должен отказаться от совершения *B*. На втором этапе принцип последствий обобщается в аргумент последствий: если каждый совершит *B* и последствия будут нежелательны, то каждый должен отказаться от совершения *B*. На третьем этапе в дело вступает принцип обобщения: если не все должны действовать определенным образом или быть рассматриваемы определенным образом, тогда никто не должен действовать этим образом или быть рассмотрен таким образом без особой причины. Иными словами, то, что верно (или неверно) для одной личности должно быть верно (или неверно) для любой релевантно подобной личности в любых релевантно подобных обстоятельствах. Скажем, если некто требует исключительного к себе отношения потому, что он потомок некоего рода, то потомки любых родов могут требовать к себе того же отношения, пока не доказано обратного. Примером правильного исключения может быть такое: с безногого деятеля снимается обязанность помогать тонущему, и это справедливо для всех безногих. Именно такие случаи я и буду далее иметь в виду, говоря об исключениях.

Есть еще два ограничения на обобщаемые максимы. Во-первых, они не должны быть обратимы. Если из совершения *A* следуют нежелательные последствия, и если из воздержания от совершения *A* следуют нежелательные последствия, то *A* обратимо. Такие суждения нельзя рассматривать с помощью аргумента обобщения. Во-вторых, они не должны быть повторяемы. Например, если все будет посещать один ресторан, то там будет негде сесть, и это нежелательно. Но в указании именно на этот ресторан нет ничего морально важного; это верно для любого ресторана. В конечном счете отсюда следует, что никуда нельзя будет прийти, что абсурдно. Таким образом, максимы не должны содержать лишние подробности.

Как только книга Сингера увидела свет, Хэар откликнулся рецензией [Hare 1962] и даже успел вставить упоминание Сингера в одно из примечаний своей уже готовой книги «Свобода и разум» [Hare 1963, 138]. Главной ошибкой теории Сингера Хэар считает упомянутое нами выражение «без особой причины». Британский философ полагает, что добавление этой фразы делает моральные правила пустыми. Ограничения на обратимость и повторяемость он считает гипотезами *ad hoc*. Сингер учитывает это возражение [Singer 1961, 72, 76]. Он объясняет природу феномена обратимости тем, что многие действия сами по себе просто не определены в моральном отношении. Само по себе строительство домов, например, морально нейтрально, поэтому максима «*A* должен строить дома» будет обратима.

Требование неповторяемости Хэар считает осмысленным только в том случае, если оно эквивалентно собственному хэаровскому требованию об исключении единичных терминов из формулировок моральных правил. Не обнаружив в книге обсуждения различия единичных и общих терминов, Хэар остался неудовлетворен этим аспектом сингеровской теории. Это неудивительно, так как требование неповторяемости содержательно, а не формально. Хэар предлагает заменить слово «этот» в примере про ресторан на некий общий термин, утверждая, что тогда аргумент будет неповторяем. Но это не так. «Если все будут ходить в рестораны, которыми владеют турки, то последствия этого будут нежелательны, следовательно, каждый должен воздерживаться от посещения таких ресторанов». Но без дополнительного обоснования «турки» тут ничем не лучше других групп людей, аргумент все еще повторяем.

Свою критику Хэар разворачивает и в опубликованной лекции «Принципы» [Nare 1972], а в «Свободе и разуме» содержится немало уточнений позиций Хэара относительно соотношения универсализуемости и обобщения. Целью его пояснений является проведение различий между «обобщением» и «общим» с одной стороны и «универсализацией» и «универсальным» с другой стороны. Тут он опирается в основном на этимологию и анализ обыденного языка. Противоположностью «общего» является «конкретное» («specific»), а универсальные суждения не содержат единичных терминов, и потому «универсальное» противоположно «единичному». Другим важным различием является градуальный характер общности (она может быть большей или меньшей) и неградуальный характер универсальности (она либо есть, либо ее нет). Ответ Сингера мы находим в статье [Singer 1985].

1.2. Ответ Сингера на критику Хэара

Сингер в целом согласен, что можно употреблять термины и таким образом. Главное, не стоит делать из этого таких уж радикальных выводов, в том числе не стоит запрещать употреблять их иным разумным образом. Так, термин «частный» (particular) является антонимом как «универсального», так и «общего». И правила или принципы, являясь общими, также могут быть и конкретными. Это последнее утверждение Сингер не поясняет, но в целом ясно, что имеется в виду. Так, принцип «не лги без веской причины», являясь общим, также и конкретен: он регулирует только ложь, но, например, не правила спортивной гребли. Сингер также согласен, что у общего могут быть степени, тогда как у универсального – нет. Но это различие ничего не значит, кроме того, что для этических целей «общее» подходит больше, так как для этики важны исключения. Сингер полагает, что мотив Хэара

предпочесть скорее «универсальное», чем «общее» заключается в том, что «общее» кажется ему синонимом «неопределенного». Но это не так. «Общее» вполне может быть также и «точным» (precise). Это положение тоже никак не доказывается, но понимать его нужно, видимо, по аналогии с предыдущим.

Сингер не ограничивается обороной проекта. Он выдвигает против Хэара ряд аргументов. Так, он видит противоречие в том, что Хэар отрицает универсализуемость правовых суждений и признает универсализуемость любых описательных суждений. Основанием этого для Хэара является тот факт, что в случае законов невозможно устранить отсылку к конкретной стране, которая выражается именем собственным. Сингер вполне справедливо замечает, что устранить ее можно: суждение «В Англии незаконно жениться на своей сестре» превращается в суждение «В любой стране, такой как Англия, незаконно жениться на своей сестре». То же касается попытки Хэара разделить суждения о долге от суждений о желаниях. Первые, согласно его мысли, проходят тест на универсализуемость, а вторые – нет. Но при этом вторые тоже содержат описание. Если он допускает, что суждения «Это красное» можно универсализировать до «Все, подобное этому в релевантных аспектах, красное», то почему суждение «Это желаемо» нельзя универсализировать таким же образом? Сингер тут опять не раскрывает деталей своего довода, но их вполне можно домыслить. Хэар понимает тест на универсализуемость формально, и ничто не мешает сформулировать такое суждение: «Все, подобное этому в релевантных аспектах, желаемо».

Мне представляется, что подмеченное Хэаром превращение единичных суждений в общие ни о чем не говорит. Верно, что предикат «красное» одновременно является способом отнесения объекта к классу красных вещей. Но также верно, что общие суждение типа «все красные объекты суть красные» означает, что «существует объект X , и он красный». А это значит, что факт того, что от единичных суждений иногда можно переходить к общим, Хэар подменил тезисом об универсализуемости как особым логическом свойстве определенного класса суждений.

Хэаровская критика идей «Обобщения в этике» меня не убедила, а вот доводы Сингера представляются мне верными, что я и постарался показать выше. Образ морали, который рисует Хэар, одновременно ригористический (т.к. универсальные суждения не допускают исключений) (1) и волюнтаристский (т.к. универсализуемость есть лишь общий формальный критерий моральных суждений, содержание которых зависит от воли субъекта), потому уступает сингеровскому видению морали как рационального поведения согласно указанным принципам.

2. Теории применимости категорического императива

Спор Хэара и Сингера стал одной из причин повышения интереса к этике Канта. В интербеллум и в первое послевоенное десятилетие учение кенигсбергского философа особой благосклонностью академических мыслителей не пользовалось. Позитивисты, эмотивисты, интуитивисты и большинство учеников Витгенштейна вряд ли бы записались в общество друзей категорического императива. Однако в 1950-е гг. облик философии в целом начинает меняться. Идеология логического позитивизма рушится под аргументами У.В.О. Куайна (см.: [Timmons 1998, 25]). Кроме пионера натуралистической революции в то время в Гарварде работал Дж. Ролз, человек, который вскоре изменит политическую философию. Примерно тогда же в Миннесоте У. Селларс формулирует аргумент против мифа о данных. В Оксфорде П. Стросон работает над книгой «Индивиды», восстанавливая в правах трансцендентальную аргументацию. Благодаря Селларсу, Стросону и Ролзу рассуждения в духе Канта становятся мейнстримом аналитической философии. Г.Д. Патон, Сингер, Хэар делают ту же работу в отношении этики. Их идеи открывают дорогу таким авторам как О. О'Нил, Н. Поттер, М. Тиммонс и другие. Таким образом, в 1970-х гг. идеи Канта снова оказываются в центре внимания.

В 1985 г. под редакцией Поттера и Тиммонса выходит сборник статей «Мораль и универсальность» [Potter, Timmons 1985 (Eds.)], суммирующий некоторые разработки в данной области. Интересную особенность этой книги верно подметил один из ее рецензентов: многие статьи сборника содержат критику идей Хэара, но нет никого, кто бы их защищал, в частности, нет статьи самого Хэара, хотя, согласно указателю имен, Хэар – самый часто упоминаемый в сборнике автор [Gensler 1989, 557].

2.1. Подход Патона и теория максимы Сингера

Если мы не умеем отличать правильно составленную максиму от неправильной, то под категорический императив можно подводить какие угодно суждения. Тогда этот тест будет выдавать взаимоисключающие предписания, что делает его, конечно, бесполезным. Сам Кант определяет максиму как субъективный принцип действия, который деятель формулирует самостоятельно [Кант 1997, 81, 143]. Но этого, разумеется, недостаточно. Цельную теорию максимы он не излагает, ее нужно реконструировать. Одна из таких реконструкций была предложена Патоном [Paton 1958, 150–152]. Он увязал составление максим с телеологией: универсализованная максима должна быть телеологическим законом природы и не противоречить другим телеологическим законам природы. Более подробное рассмотрение этого решения

я вынужден оставить за скобками, так как предмет этой статьи ограничен хронологически. Достаточно сказать, что указанное решение не было принято другими участниками дискуссий; они полагали, что решение Патона не полностью соответствует букве кантовских сочинений и к тому же влечет слишком тяжелые онтологические обязательства, связанные с телеологией [Potter 1973].

Обсуждение проблемы составления максим мы находим и у Сингера [Singer 1961, 243–249]. Сингер считал, что сказать, что кто-то действует согласно некоторой максиме, значит сказать, что он действует с некоторой целью, и конкретизировать максиму значит конкретизировать цель действия; слово «максима» можно поменять на слово «намерение». Сингер также специально оговаривает, что далеко не каждое действие является результатом применения некоторой сознательно и свободно принятой максимы, ведь противоположное утверждение ведет к моральному догматизму. Теория о том, что каждая максима является результатом свободного выбора, имеет смысл в рамках кантовского либертарианства в отношении свободы воли, но если мы с подозрением относимся к такой метафизике, то действительно сложно принять и такую этику. Настаивая на том, что не каждая максима должна быть осознана и проявлена до действия, Сингер, тем не менее, не дает собственного критерия релевантности максимы. Таковые предложили Поттер и О'Нил.

2.2. Каузальный критерий Поттера

Поттер считал, что успешное применение категорического императива в конкретных ситуациях выглядит как приведение аргументов, одна из посылок которых является моральной (собственно сам категорический императив), а другие посылки являются истинными эмпирическими суждениями [Potter 1975]. Следствием такого аргумента будет суждение о моральной приемлемости или неприемлемости рассматриваемого действия. Чтобы понять правило формулирования максимы, Поттер предлагает присмотреться к тому, как возникает противоречие в случае, когда мы универсализируем максиму, которая ведет к нарушению совершенных обязанностей. Между чем и чем возникает противоречие, скажем, в примере с ложью ради денег? Оно возникает между каузальным убеждением, которое предполагается самой максимой «Лги, если тебе нужны деньги», и результатом универсализации этой максимы до всеобщего закона: первое предполагает, что лгать будет эффективно, а универсализация исключает такую объективность. То есть принятие максимы предполагает, что деятель обладает эмпирическим знанием о том, что

предполагаемое действие будет причиной события, которое деятель полагает целью этого действия. В чистом виде такое рассуждение предполагает, что деятель владеет всей морально релевантной информацией о ситуации. Работает это так:

1. «Дай ложное обещание, если это принесет тебе необходимые деньги» – исследуемая максима.

2. «Если я дам ложное обещание в этих обстоятельствах, то получу деньги, которые мне нужны» – каузальное суждение, следующее из максимы (п. 1).

3. «Если все примут (п. 1), то в результате деятель не сможет получить деньги в этих обстоятельствах» – это эмпирическая посылка, обобщающая (п. 1).

4. (п. 2) и (п. 3) находятся в противоречии.

5. Максима, чей предполагаемый результат противоречит результату обобщения этой максимы, не может быть всеобщим законом.

6. «Каждый должен действовать только на основании максим, которые могут стать всеобщими законами» – категорический императив.

7. Все должны отказаться от действий согласно максиме (п. 1).

Интересное наблюдение Поттера состоит в том, что (п. 3) является эмпирической посылкой, а потому и оспаривать ее можно, ссылаясь на факты (скажем, социологические и антропологические данные). В этом рассуждении уже содержится указание на то, как должны формулироваться максимы. Максима должна удовлетворять обобщенному каузальному критерию релевантности, т.е. указывать, какие каузальные суждения следуют из некоего типа действий. Эти суждения должны быть законообразны, выражать связь между действием и его целью, причем действие должно быть достаточным условием достижения цели. Стоит формулировать так, чтобы цель была как можно ближе к действию, а каузальная связь не была слишком сложной.

2.3. Теория несогласованности намерений О'Нил

Другой подход был развит О'Нил. Она училась в Оксфорде у Энском, диссертацию по теме «Универсализуемость» защищала в Гарварде под руководством Ролза (1968). При изложении идей О'Нил я буду опираться на статью «Непротиворечивость в действии» [O'Neill 1985]. Теорию О'Нил можно назвать теорией несогласованности намерений. Развивая идеи Канта, она пытается показать, что требование учета последствий действий вовсе не влечет ни утилитаризм, ни гетерономную этику, к коей она относит теории Хэара, Сингера и этику золотого правила.

Автономную этику можно построить, если следовать категорическому императиву, ведь это правило не упоминает ничего, что не было бы доступно воле деятеля: формулировка категорического императива содержит фразу «можешь пожелать» (*wollen kannst*), а не просто «желать». То есть речь идет лишь о логической непротиворечивости между максимой и ее универсальной формой, а не о реальном желании. Максима не обязана быть осознаваемой, но все же нет действия без максимы. Максимы – это намерения (интенции), которые лежат в основе действий и контролируют их. Относительно проблемы действительной ограниченности знания деятеля о ситуации, в которой он находится, О’Нил замечает, что тест на универсализуемость используется реальными деятелями, а не всезнающими моральными наблюдателями, так как именно деятели могут иметь, менять и отказываться от намерений.

Строго говоря, противоречия могут возникать и без всякой универсализации. Такие противоречия бывают двух видов: концептуальные (*conceptual*) и волеизъявляющие (*volitional*). Первый вид противоречия возникает внутри самой максимы (например, если она выражает невозможное стремление, скажем, «самостоятельно добиться успеха, не прилагая при этом усилий»), второй – между конкретными намерениями, которые лежат в основе максимы, или между максимой и намерениями. Второй вид противоречия связан с нарушением одного или нескольких принципов рационального намерения; всего их пять, но для наших целей достаточно одного, принципа намерения будущих результатов: ожидаемые результаты действий на основании намерений, подчиненных главному намерению всего действия, не должны противоречить самому этому намерению (ср.: [Кант 1997, 131]). Примером такого противоречия является запрет оперировать ребенка на основании заботы о его здоровье в том случае, когда операция точно спасет ему жизнь.

В случае универсализации этим двум типам соответствуют (2) противоречие в мышлении (*contradiction in conception*) и противоречие в желании (*contradiction in the will*). Первый связан с невозможностью мыслить максиму как всеобщий закон, второй – с невозможностью желать, чтобы она стала таковой. Так, максима «Если человек не согласен с тобой, принуждай его к согласию силой» не может быть мыслима как всеобщий закон. Если бы каждый принуждал каждого, кто с ним не согласен, то сам деятель, рассматривающий эту максиму, был бы в согласии с ней принуждаем теми, с кем он не согласен. Тогда деятель был бы и согласен с волей другого (как принуждаемый), и не согласен с ней (как принуждающий).

Противоречие в желании связано с принципами рационального намерения. Такое противоречие можно наблюдать в случае мак-

симы своекорыстия. Мы можем непротиворечиво помыслить мир, в котором никто никому не помогает, но в таком мире и нам в случае нужды никто не поможет, а мы, случись несчастье, хотели бы получить помощь [Kant 1797, 124]. Другой пример: максима «я хочу поправить свое экономическое положение» не может быть универсализована, если единственным подлежащим ей намерением будет «выиграть конкуренцию с другими участниками рынка». Так как рынок – это система с победителями и проигравшими, я не могу пожелать, чтобы все были победителями. Эта максима может быть универсализована, только если она включает намерение увеличить производство продукции или улучшить ее качество. Таким образом, заключает О'Нил, пусть и разными путями, но все же противоречие обнаруживается во всех максимах, нарушающих требования долга. Ключевым для понимания теории О'Нил является требование рассматривать максиму и ее универсализацию одновременно, т.е. нужно понять, не возникает ли противоречие, если мы придерживаемся максимы и ее универсализации в одно и то же время в одном и том же смысле.

2.4. Тиммонс: критика теории О'Нил и каузально-номологический подход

Интересная критика теории О'Нил была высказана М. Тиммонсом [Timmons 1984]. Контрпример Тиммонса таков. Представим ситуацию, когда *A* и *B* готовятся к состязанию. Оба они намерены победить. Но *A* намного сильнее *B*, что известно им обоим. Если применить принцип намерения будущих результатов, то получится, что *B* собирается проиграть, ведь его поражение является предсказуемым. И хотя Тиммонс согласен, что часто принцип намерения будущих результатов верен, наличие таких случаев исключает его универсальную применимость.

Сам Тиммонс предлагает каузально-номологическую интерпретацию категорического императива (causal-law theory). Опираясь на вторую версию первой формулировки категорического императива – формулу закона природы [Кант 1997, 145] – и некоторые другие места из сочинений Канта, он пытается показать, что универсализировать максиму означает представить ее в качестве естественного закона. Например, в случае максимы «Лги, когда тебе это выгодно», каузальным психологическим законом будет выглядеть «Всякий будет лгать, когда это ему выгодно». Но другие законы социологии и психологии, говорит Тиммонс, сделают так, что действие этого закона станет невозможным: всеобщая ложь во имя наживы сделает каждого подозрительным, и солгать будет невозможно. Он также дает свой ответ на проблему действитель-

ной ограниченности знания деятеля о ситуации, в которой он находится. Тиммонс считает, что категорический императив лучше всего использовать, находясь в идеальной эпистемологической позиции, а для обычных деятелей остается лишь надеяться на научный прогресс и рост знаний, которые, следовательно, будут сопровождаться прогрессом моральным.

Что могла бы О'Нил ответить на такую критику? Полагаю, что она могла бы сказать, что сама по себе максима со специальным намерением «победить противника» не пройдет универсализацию на тех же основаниях, на которых не пройдет их намерение улучшить свое экономическое положение за счет одной лишь конкуренции (см. похожий пример о соревновательных видах спорта [O'Neill 1985, 181]). Видимо, универсализацию пройдет иная максима: «пусть победит сильнейший» или «я хочу показать все, чему я научился на тренировках». То есть результат, который предсказывает и которого намеревается достичь *B*, – это не поражение, а победа сильнейшего или достойное выступление. Максима – «выиграть соревнование», а специальное намерение этой максимы – «постараться показать свой лучший бой». Это отличается от ситуации, где специальным намерением мыслится «победить противника».

Каузально-номологическая теория кажется мне еще более неудачной, чем критика теории несогласованности намерений. Исключив намерения, Тиммонс не просто убрал возможность понять множество пассажей Канта, но и возможность обнаруживать противоречия, которые открывает теория О'Нил. Если «Всякий будет лгать, когда это ему выгодно» мыслить как всеобщий психологический каузальный закон, то ничто не мешает ему существовать даже в мире, где лгать невозможно. Просто население этого мира постоянно будет фрустрировано.

2.5. Противоречие и повреждение:

проблемы теорий применения категорического императива

Ни одна из рассмотренных теорий применения категорического императива, на мой взгляд, неполна: я не уверен, что каждая из них может в каждом случае нарушения долга указать на явное противоречие. Общей проблемой указанных подходов я считаю непроясненность природы противоречия как такового. Если мы посмотрим, как понималось противоречие создателем логики, то увидим, что определение противоречия исключает возможность описать некоторые приведенные выше примеры как противоречия: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле [...]» (1005b19–20) [Аристотель 1934, 63]. Если это так, то вполне возможно, что в

случае явно аморального действия каузальные убеждения или намерения, сказывающиеся в партикулярном смысле, будут не противоречить каузальным убеждениям или намерениям, которые сказываются во всеобщем смысле.

В парадигмальных случаях теории Поттера и О'Нил работают, так как в них есть условие одновременного рассмотрения максимы и ее универсализации. Из максимы «лги» следует, что должен существовать институт доверия (как необходимое условие действия или как объект специального намерения), из универсализации этой максимы следует, что института доверия нет; и это – противоречие. Но так происходит вовсе не всегда. Случай О'Нил со своекорыстием кажется мне показательным. Представим человека, который согласится с тем, что ему самому не будет оказана помощь. Случай с соревнованием очень интересен, и выводы О'Нил соответствует моему собственному опыту, но что, если изменить ситуацию, сближая ее со случаем максимы принуждения, но все же не доводя до него? Представим себе максиму «Наноси другому физические повреждения, если тебе это выгодно». «Выгода» может тут пониматься по-разному. Например, специальным намерением может быть «получить психологическую разрядку». Фраза «наносить повреждения» вовсе не означает, что это делается вопреки воле того, кому эти повреждения наносят: случаи спортивной тренировки и врачебного вмешательства дают достаточно материала для такого вывода. Нет аналитической связи между «нанесением повреждений» и «принуждением». Значит, эту максиму вполне можно универсализировать. Если деятель согласен, что любой человек ради своей выгоды может нанести ему физические повреждения, согласен, что каждый, кому нужна психологическая разрядка, сможет нанести ему телесные повреждения, что ж, пусть будет так. Тут нет противоречия. Мне не удалось обнаружить изъяна в этом рассуждении. Если оно верно, то это контрпарадигмальный пример для рассмотренных теорий. Наличие такого рода примеров фальсифицирует эти подходы. Следовательно, они не могут быть основанием для прояснения связи между универсальностью и моралью.

Контрпример с принуждением, однако, совершенно безопасен для теории Сингера. Аргумент обобщения тоже работает с переходом от частного к общему, но он делает это без понятия «противоречие». Сингер основывает этот переход на принципе обобщения и уподобляет его роль в этическом рассуждении роли каузальных законов в суждении о поведении материальных объектов. В общем случае переход от единичного к общему является логической ошибкой, но так не происходит, если переход опосредован законом. «Самолет упал, потому что отвалились крылья» можно обобщить

до «Любой самолет упадет, если у него отвалятся крылья» за счет того, что условная связь тут выражает закон природы, согласно которому самолеты, потерпевшие такого рода аварию, всегда падают [Singer 1961, 37]. Упор на законосообразный переход от единичного к общему не имеет недостатков хэаровского подхода, ориентированного на наличие в суждении общих терминов, и не сталкивается с трудностями, которых не могут избежать подходы, ориентированные на противоречие...

Заключение

Дискуссии об универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. характеризуются завершением спора Хэара и Сингера. Итогом стало закрепление представления о том, что процедура обобщения является одним из возможных способов выразить отношение между моралью и универсальностью, способом, который, по меньшей мере, не хуже, чем теория универсализуемости Хэара. Этот спор индуцировал интерес к этике Канта и стимулировал развитие теорий применения категорического императива, подходов, методологически ориентированных на анализ логических отношений между максимой и ее универсальной формой. Выше я показал, что ключевой термин этих подходов – «противоречие» – часто понимается неточно, что ведет к неприятным для моральной философии последствиям. Этого недостатка лишена теория Сингера. Поэтому среди рассмотренных подходов она представляется наиболее точно выражающей отношение между моралью и универсальностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Более позднюю теорию Хэара можно интерпретировать в ключе, допускающем исключения [Hare 1981].

(2) Сама О'Нил не всегда последовательно различает эти две пары терминов. Вводя их, она эксплицитно обозначает, что каждая из пар обозначает явления, существующие на своем уровне рассуждения (до универсализации и непосредственно при универсализации). Однако затем она иногда говорит, например, о волеизъявляющих противоречиях на уровне универсализации. Иными словами, различие между парами терминов не носит существенного характера.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Апресян 2016 – *Апресян Р.Г.* Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 79–88.

Аристотель 1934 – *Аристотель.* Метафизика / пер. и прим. А.В. Кубицкого. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.

Кант 1997 – *Кант И.* Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Собр. соч. на нем. и рус. яз / под. ред. Б. Тушлинга и Н.В. Мотрошиловой.

В 5 т. (1994–2014). Т. 3 / подг. Соловьевым и А. Судаковым, Б. Тушлингом и У. Фогелем. – М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–275.

Gensler 1989 – *Gensler H.J.* Review: Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability / ed. by N.T. Potter, M. Timmons. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985 // *Nous*. 1989. Vol. 23. No. 4. P. 555–557.

Hare 1954/5 – *Hare R.M.* Universalizability // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954/5. Vol. 55. No. 1. P. 295–312.

Hare 1962 – *Hare R.M.* Review: *Singer M.G.* Generalization in Ethics. An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1961 // *The Philosophical Quarterly*. 1962. Vol. 12. No. 49. P. 351–355.

Hare 1963 – *Hare R.M.* Freedom and Reason. – Oxford: Oxford University Press, 1963.

Hare 1972 – *Hare R.M.* The Presidential Address: Principles // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1972–1973. Vol. 73. No. 1. P. 1–18.

Hare 1981 – *Hare R.M.* Moral Thinking: Its Levels, Method and Point. – Oxford: Clarendon Press, 1981.

Kant 1797 – *Kant I.* Die Metaphysik der Sitten in zwei Teilen. – Künigsberg: bey Friedrich Nicolovius, 1797.

O'Neill 1985 – *O'Neill O.* Consistency in Action // *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* / ed. by N.T. Potter, M. Timmons. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985. P. 159–186.

Paton 1958 – *Paton H.J.* The Categorical Imperative. A Study in Kant's Moral Philosophy. Third edition. – L.: Hutchison & Co., 1958.

Potter 1973 – *Potter N.T.* Paton on the Application of the Categorical Imperative // *Kant-Studien*. 1973. Band 64. Heft 3. P. 411–422.

Potter 1975 – *Potter N.T.* How to Apply the Categorical Imperative // *Philosophia*. 1975. Vol. 5. No. 4. P. 395–416.

Potter, Timmons 1985 – *Potter N., Timmons M.* Introduction // *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* / ed. by N.T. Potter, M. Timmons. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985. P. ix–xxxii.

Potter, Timmons 1985 (Eds.) – *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* / ed. by N.T. Potter, M. Timmons. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985.

Singer 1955 – *Singer M.G.* Generalization in Ethics // *Mind*. 1955. Vol. 64. No. 255. P. 361–375.

Singer 1961 – *Singer M.G.* Generalization in Ethics. An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1961.

Singer 1985 – *Singer M.G.* Universalizability and the Generalization Principle // *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* / ed. by N.T. Potter, M. Timmons. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985. P. 45–73.

Timmons 1984 – *Timmons M.* Contradictions and the Categorical Imperative // *Archiv für Geschichte der Philosophie*. 1984. Vol. 66. No. 3. P. 294–312.

Timmons 1998 – *Timmons M.* Morality without Foundations. A Defense of Ethical Contextualism. – N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1998.

REFERENCES

Apressyan R.G. (2016) Fenomen universalnosti v etike: formy kontseptualizatsii [The Phenomenon of Universality in Ethics: Forms of Conceptualization]. *Voprosy Filosofii*. 2016. No. 8, pp. 79–88 (in Russian).

Gensler, H.J. (1989) Review: Potter N.T. & Timmons M. (Eds.) *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985. *Nous*. Vol. 23, no. 4, pp. 555–557.

Hare, R.M. (1954/5) Universalizability. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 55, no. 1, pp. 295–312.

Hare R.M. (1962) Review: Singer M.G. Generalization in Ethics. An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy. New York: Alfred A. Knopf, 1961. *The Philosophical Quarterly*. Vol. 12, no. 49, pp. 351–355.

Hare R.M. (1963) *Freedom and Reason*. Oxford: Oxford University Press.

Hare R.M. (1972/1973) The Presidential Address: Principles. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 73, no. 1, pp. 1–18.

Hare R.M. (1981) *Moral Thinking: Its Levels, Method and Point*. Oxford: Clarendon Press.

Kant I. (1797) *Die Metaphysik der Sitten in zwei Teilen*. Königsberg: bey Friedrich Nicolovius.

O'Neill O. (1985) Consistency in Action. In: Potter N.T. & Timmons M. (Eds.) *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* (pp. 159–186). Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.

O'Neill O. (2013) *Acting on principle. An Essay on Kantian Ethics* (2nd ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Paton H.J. (1958) *The Categorical Imperative. A Study in Kant's Moral Philosophy* (3rd ed.). London: Hutchison & Co.

Potter N.T. (1973) Paton on the Application of the Categorical Imperative. *Kant-Studien*. Vol. 64, no. 3, pp. 411–422.

Potter, N.T. (1975) How to Apply the Categorical Imperative. *Philosophia*. Vol. 5, no. 4, pp. 395–416.

Potter N. & Timmons M. (1985) Introduction. In: Potter N. & Timmons M. (Eds.) *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* (pp. ix–xxxii). Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.

Potter N. & Timmons M. (Eds.) (1985) *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.

Singer M.G. (1955) Generalization in Ethics. *Mind*. Vol. 64, no. 255, pp. 361–375.

Singer M.G. (1961) *Generalization in Ethics. An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy*. New York: Alfred A. Knopf.

Singer M.G. (1985) Universalizability and the Generalization Principle. In: Potter N. & Timmons M. (Eds.) *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* (pp. 45–73). Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.

Timmons M. (1984) Contradictions and the Categorical Imperative. *Archiv für Geschichte der Philosophie*. Vol. 66, no. 3, pp. 294–312.

Timmons M. (1998) *Morality without Foundations. A Defense of Ethical Contextualism*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Проблема универсальных суждений в этике Аристотеля*

Р.С. Платонов

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-81-96

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье ставится цель – показать специфику формулирования универсальных прескриптивных суждений о добродетельном поступке (моральных норм) в рамках аристотелевского этического учения. Для достижения поставленной цели проводится анализ концепции добродетели рассудительности (*phronesis*) в философии Аристотеля, показывается необходимость различать применение рассудительности в личном опыте совершения поступка и в получении intersubъективного практического знания (*episteme*) о совершении добродетельного поступка. В соотношении с таким различием применения рассудительности определяется специфика этики как практического знания в отличие от индивидуального морального опыта, а также показывается ограниченность применения практического силлогизма, эксплицирующего реализацию рассудительности в качестве основного рационального механизма формирования intersubъективного практического знания. Дополнительно проводится разделение универсальных прескриптивных суждений на содержательные и функциональные: первые раскрывают содержание действия, вторые – его структуру, т.е. в первом случае определяется, что именно должен сделать человек, во втором – каковым должно быть само действие, чтобы соответствовать правильной цели, а значит – правильному содержанию. При этом само правильное содержание узнается только в индивидуальном опыте и не может быть выражено универсально, не потеряв своей практической значимости. Делается вывод, что формулирование именно содержательных универсальных прескриптивных суждений в рамках практического знания Аристотеля невозможно. Этому мешает неразрешимая проблема соотношения общего и частного, перехода от дескриптивных суждений к прескриптивным. Однако возможно формулирование функциональных универсальных прескриптивных суждений. Они же составляют методологическую основу критики принятых в обществе моральных норм как мнений, основанных на прошлом положительном опыте совершения поступка.

Ключевые слова: универсальность, этика, добродетель, силлогизм, моральная норма, нормативность, Аристотель, рассудительность, *phronesis*, *episteme*.

---

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 18-18-00068.

Платонов Роман Сергеевич – младший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН.
roman-vsegda@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2762-1328>

Цитирование: Платонов Р.С. (2018) Проблема универсальных суждений в этике Аристотеля // Философские науки. 2018. № 10. С. 81–96.
DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-81-96

The Problem of Universal Judgments in Aristotle's Ethics*

R.S. Platonov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-81-96

Original research paper

Summary

The author sets a goal to show the specificity of the formulation of universal prescriptive judgments about a virtuous act (moral norms) in the framework of Aristotelian ethical doctrine. To achieve this goal, Aristotle's philosophy concept of practical wisdom (phronesis) is analyzed. It shows a necessity to distinguish the use of practical wisdom in a personal experience of the act and for forming the inter-subjective practical knowledge (episteme) about making of a virtuous act. The specificity of ethics as practical knowledge and its difference from individual moral experience are defined by means of the distinction of the use of practical wisdom. It also shows the limitations of practical syllogism as the main rational mechanism for the formation of inter-subjective practical knowledge. Additionally, the universal prescriptive judgments are divided into informative and functional: the former reveals the content of the action, the latter – its structure, that is, the former defines what a person must do, the latter defines what an action should be to comply with the right purpose, consequently, the right content. At the same time, the right content is recognized only in individual experience and can not be expressed universally, without losing its practical value. The author concludes that the formulation of informative universal prescriptive judgments is impossible within the framework of Aristotelian ethical doctrine. It is impeded by the unsolvable problem of the correlation between the general and the particular, the transition from descriptive judgments to prescriptive judgments. However, it is possible to formulate functional universal prescriptive judgments. They also constitute the methodological basis for criticism of the accepted in society moral norms, which are based on the past positive experience of actions.

---

* The paper has been developed within the research project “The Phenomenon of Moral Universality,” supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00068.

Keywords: universality, ethics, virtue, syllogism, moral norm, normativity, Aristotle, practical wisdom, phronesis, episteme.

Roman Platonov – Junior Research Fellow at the Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

roman-vsegda@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2762-1328>

Citation: Platonov R.S. (2018) The Problem of Universal Judgments in Aristotle's Ethics. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 81–96.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-81-96

Введение

Одним из дискуссионных вопросов при интерпретации этики Аристотеля является вопрос о ее нормативности. Большинство исследователей так или иначе отвечают на этот вопрос отрицательно – методологический аппарат практического знания в рамках философии Стагирита не позволяет формулировать моральные нормы, т.е. универсальные прескриптивные суждения о добродетельном поступке [Гусейнов 2003, 191; Barnes 2004, 19–22; Gottlieb 2006, 218–233; Hughes 2013, 132; Nussbaum 2001, 290–317; Patterson 2011, 672]. Если обратиться к анализу понятия универсальности в морали, проведенному Р.Г. Апресяном, то из выделяемых им значений универсальности в данном случае речь идет именно о «надситуативности, надперсональности, обобщенности (суждений, решений)» [Апресян 2014, 58].

В то же время предпринимаются попытки дать и положительный ответ (самая последняя работа на эту тему – статья К. ДаВиа «Универсальность в этике Аристотеля»). Также можно отметить, что некоторые исследователи, в первую очередь те, которые касаются этической проблематики лишь косвенно, строят свои рассуждения так, будто формулирование универсальных прескриптивных суждений о добродетельном поступке вовсе не является проблемой, хотя при этом они не приводят примеров конкретных моральных норм в текстах Аристотеля [Орлов 2011, 301–302; Вольф 2012, 169–170]. Подобное происходит в первую очередь потому, что не все аспекты внутреннего устройства этического знания, по Аристотелю, достаточно ясно выделены. Отталкиваясь от весьма полемичной статьи К. ДаВиа, мы попытаемся прояснить те концептуальные затруднения, которые мешают рассмотрению этики Аристотеля как нормативной этики.

1. Попытка универсализации суждений в рамках практического знания

К. ДаВиа начинает свой анализ с изложения ключевого ограничения – всякое суждение о действии верно лишь «по большей части». Такой фразой Аристотель оговаривает приводимые им описания добродетелей – «ὥς ἐπὶ τὸ πολὺ» (1). ДаВиа даже превращает фразу в некий методологический ключ в руках его оппонентов – пишет ее через дефисы «for-the-most-part» [DaVia 2016, 181]. Собственно, эта уникальность частного случая и выводит из-под всякой универсальной нормы в этике Аристотеля любое конкретное действие, совершаемое всегда в конкретной, а значит и уникальной хотя бы в каком-то отношении, ситуации (что будет рассмотрено ниже). В связи с этим ДаВиа ставит и основной вопрос исследования – «существуют ли общие правила, чтобы вести нас?» [DaVia 2016, 191]. Разделив суждения на дескриптивные и прескриптивные, он пытается показать, что благодаря универсальности дескриптивных суждений (которую никто не оспаривает), мы получаем определенный (в виде ряда теоретических понятий) эпистемический фундамент, на котором будут строиться и прескриптивные суждения. Очевидно, что ДаВиа следует подходу А. Макинтайра, который в своей знаменитой работе «После добродетели» утверждал, что аристотелевская этическая система базируется на антропологии («метафизической биологии»). Определенность понимания того, что есть человек, согласно Макинтайру, задавала ценностную систему координат, которая и придавала смысл суждению о должном, правильном [Macintyre 2007, 58, 147].

ДаВиа ориентируется на метафору стрельбы из лука – точное попадание в цель, согласно его мнению, несовместимо с «ὥς ἐπὶ τὸ πολὺ». Конечная цель получает разъяснение через понятия (счастья, дружба, добродетель), а советы другим по ее достижению превращаются в моральные нормы (ethical rules) [DaVia 2016, 183–184]. Насколько неэффективно использование аристотелевской телеологии в данном случае, хорошо видно на примере определения Аристотелем счастья, который использует ДаВиа, – «деятельность, сообразная добродетели» [EN 1177a10–15]. Не найдя точного описания, что именно представляет собой счастье, Аристотель переносит его содержание на определение добродетели, но такового, в свою очередь, тоже не дает, говоря, что добродетели – это то, «в силу чего мы хорошо или дурно владеем своими страстями» [EN 1177b25–30]. Таким образом, понятие добродетели должно быть уточнено через понятие о хорошем и плохом, что и делает Аристотель через описание модели середи-

ны. Как видим, вполне универсальное дескриптивное суждение, на которое возлагает надежды ДаВиа, растворяется в описании деятельности, а не определяет деятельность. ДаВиа игнорирует это и получает логический круг – «этические добродетели способствуют человеческому счастью, потому что счастье просто является осуществлением добродетели» [DaVia 2016, 187]. Более того, набор описаний добродетелей у Аристотеля он интерпретирует как «способ поиска универсального определения путем поиска сходства между отдельными случаями определяемого явления» [DaVia 2016, 190], удивительным образом игнорируя и тот факт, что определение так и не получено, а значит максимум, о чем можно говорить относительно каждой отдельной добродетели, так это о наборе примеров.

Такая ситуация не дает возможности выйти на позитивные универсальные прескриптивные суждения, поэтому ДаВиа уделяет особое внимание негативным – «определенные эмоции, такие как зависть (*φθβος*), а также определенные действия, такие как прелюбодеяние, всегда неверны относительно добродетели своего вида». Это утверждение ключевое в решении ДаВиа, он даже повторяет его дважды [DaVia 2016, 183, 191]. Но он не учитывает, что в зависимости от нюансов ситуации и характеристик субъекта действия то, что было пороком, становится добродетелью именно с некой универсальной, внешней по отношению к субъекту действия, точки зрения. Например, Ф. Фут объясняет различие добродетели и порока чрез метафору яда – при особой дозировке и правильном применении яд может быть полезен [Foot 2002, 16]. Этот пример весьма удачный, так как показывает, что сам по себе человек в его потенциальности морально нейтрален (не определен) – он не плохой и не хороший. По сути одно и то же действие может становиться и плохим, и хорошим в зависимости от цели и степени (меры) его реализации. В этом смысле концепция середины Аристотеля демонстрирует неопределенность действия самого по себе. Похожего мнения придерживается и А.А. Гусейнов: «Идея середины означает, что добродетельные поступки связаны с порочными состояниями единством материи деятельности; и в случае добродетелей, и в случае пороков индивиды делают одно и то же, они отличаются не тем, что делается, а тем, как делается» [Гусейнов 2004, 105].

ДаВиа указывает на то, что страсти «являются излишествами относительно определения среднего и, следовательно, всегда неуместны» [DaVia 2016, 192]. Такой ход имел бы смысл, если бы не одно «но» – это среднее значение не содержательно, а функционально. В нем нет конкретного действия, а есть лишь модель. Более того, негативного определения добродетели Аристотель

также не дает, ведь сказать, что добродетель – это не порок, не значит дать определение. Это не более чем специфическое описание методологии поиска середины, причем с весьма сомнительной относительно рациональной обоснованности точностью – *на глазок*. Причем в буквальном смысле, так как определяющую роль здесь, по Аристотелю, играет «око души» – индивидуально развиваемая интеллектуальная способность видеть правильную цель в конкретной ситуации (2). Поэтому такие находки ДаВиа, как «бесстыдство – это всегда плохо» со ссылкой на фрагмент «Никомаховой этики» [EN 1107a10–20], на самом деле не несут в себе никакой конкретики, так как нет соответствующего понятия, а значит это все равно, что сказать «плохое – плохо». Равно как и приводимые Аристотелем «блуд, воровство, человекоубийство». Ведь очевидно, что и добродетель мужества требует убийства, но убийство при этом не самоцель. Здесь необходимо придерживаться принципа телеологии поступка, которому следует Аристотель. Неудивительно, что ДаВиа не находит нужных аргументов, поэтому тут же добавляет: «Аристотель не говорит более подробно о таких моральных предписаниях, но тем не менее, должно быть ясно, что они верны всегда» [DaVia 2016, 183, 192]. Может быть, Аристотель поэтому и не говорит, что они не укладываются в телеологию, более того – требуют точного определения «плохого», а не просто его названия?

Соответственно, любым попыткам говорить о возможности или невозможности универсальных прескриптивных суждений о добродетельном действии в этике Аристотеля должен предшествовать анализ практического знания.

2. Частный опыт и практическое знание

Мы не будем подробно описывать учение Аристотеля, и так хорошо известное, а укажем только на важные для нас моменты. Практическое знание является подвидом знания/науки (ἐπιστήμη), определяемого Аристотелем в широком смысле как знание «начал и причин (ἀρχαί καὶ αἰτίαι) относящегося к нему предмета» [Met 1064a1–5]. Если теоретическое знание обращено на «общее и существующее с необходимостью» и методологически является строгим, доказательным и раскрывающим вещи как таковые, т.е. отвечающим на вопрос «что?» (τί) и выражаемым в дескриптивных суждениях, то практическое знание направлено на действие. То есть его целью является ответ на вопрос «как?» (πῶς) – как совершить правильное действие? – что и должно быть представлено в прескриптивных суждениях. Но при этом оно также требует и знания «что» (например, в случае этики это знание того, что такое

добродетель, благо, счастье, дружба). Для Аристотеля ответ на эти вопросы есть то самое «начало», которое уже «половина дела» [EN 1098b5–10]. Это как раз то, что абсолютизируют Макинтайр и ДаВиа. Соответственно, практическое знание должно каким-то образом соединять теоретическое знание и действие (науку и практику).

В отличие от теоретического знания, практическое распадается на интерессубъективное (научное) и субъективное (опыт); причем во всех возможных областях деятельности – в гимнастике, врачевании, политике, этике и т.д. [Met 1064a1–5]. Выражается это в том, что мудрость – дианоэтическая добродетель, отвечающая за теоретическое знание, – не имеет никакой другой реализации, кроме как в знании, ее работа всегда эксплицируема и интерессубъективна. В этом смысле возможно быть мудрым чужой мудростью – возможно написать книгу мудрости, состоящую из универсальных дескриптивных суждений о вечных сущностях. Рассудительность же, создающая практическое знание, как отмечает Д. Рив, «принадлежит к двум разным родам – научному знанию и добродетели <...> потому что она не является, подобно мудрости, просто типом научного знания или, подобно справедливости, просто добродетелью характера» [Reeve 2012, 152]. Неудивительно, что в такой ситуации возникает иллюзия, что если знание добродетельного действия есть в индивидуальном опыте, то оно может быть не только высказано, но и представлено в универсальной форме. Однако, чтобы избавиться от этой иллюзии, необходимо не только различать работу рассудительности как части «главенствующего» (κυρία) практического знания, регулирующего все, «что осуществимо в человеческих поступках», и как добродетели (различать то, что практический разум может дать в качестве интерессубъективного знания о поступке, и то, как он работает в индивидуальном опыте поступка). Но необходимо определить и особенность построения практического знания именно в этике. Релевантным здесь будет не анализ интеллектуальной способности, а формализация самого знания, чтобы показать две (общее и частное) составляющие практического знания, получаемого посредством одной интеллектуальной способности. Все, что благодаря рассудительности может быть представлено как общее, составляет научное знание, а что остается на уровне поиска и анализа конкретной ситуации в ее особенностях – частный опыт добродетели. Таким образом, общее как интерессубъективное существует уже отдельно от самой рассудительности, и его использование в порочном поступке никак не связано с рассудительностью как добродетелью, т.е. применением найденного общего в конкретном действии. Заметим, что общее здесь должно составлять ответ на

вопрос «как?» и не сводится к эпистемическому «что?» о природе человека. Соответственно, понять специфику этики как науки – это понять, что «общее» она может дать в понимании поступка. Тогда будет ясно, может ли это общее быть сформулировано как универсальное прескриптивное суждение или нет.

3. Формализация практического знания

Ответы на вопросы «что?» и «как?» формулируются в виде эпистемического (теоретического) и практического силлогизмов. Их логическую экспликацию проводит Е.В. Орлов: 1) эпистемический силлогизм представляет собой «умозаключение $AaB, Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma$ (Γ в данном случае обозначает универсальный термин)»; 2) практический силлогизм раскрывает «применение универсального знания к частному случаю» в виде «умозаключения $Aa\Gamma, \Gamma\gamma \vdash A\gamma$ » [Орлов 2012, 157–158]. Умозаключение 2 выражает и личный опыт рассудительности как рациональной составляющей всякого конкретного поступка. Для его разъяснения Орлов использует в том числе и пример Аристотеля с «тяжелой водой» (в переводе Н.В. Брагинской – «вода с примесями»): ошибиться можно, «как полагая, что плоха всякая вода с примесями, так и считая, что в данном случае она их содержит» [EN 1142a20–25]. «Всякая “тяжелая” вода плоха, т.е. вредна для здоровья, – правильный логос, выступающий большей посылкой практического силлогизма. Не всякая “тяжелая” вода плоха, с точки зрения Аристотеля, неправильный логос (3). Если кто-то примет его, то погрешит в принятии решения (пить эту воду или нет). Но возможна и другая погрешность. Человеку ведом правильный логос, но ему показалось, что вот эта вода не “тяжелая”» [Орлов 2011, 87]. Но именно потому, что в случае с практическим знанием как научным, а не частным, стоит задача его интересубъективного выражения, важно обратить внимание на замечание Орлова, что в практическом силлогизме «посылки типа ($\Gamma\gamma$) – индуктивные; речь в данном случае идет о наведении универсального на единичное, т.е. об индукции, сопряженной с узнаванием и опытом» [Орлов 2011, 300] (4). Дело в том, что в случае с водой, как и во всех прочих примерах, когда практическое знание описывает обыденный опыт взаимодействия с вещами, а не опыт поступка (5), речь идет о конкретном признаке, о конечном наборе операциональных данных, а не о ситуации во всей ее сложности. В таком виде без пояснений практический силлогизм нельзя просто перенести в этику, как нельзя совершение добродетельного поступка свести к правилу – не пить грязную воду (Аристотель этого и не делает). В связи с этим появляется известная трактовка практического силлогизма Г.Э.М. Энском

как дескрипции и отрицание его значимости для этики, так как он лишь «описывает порядок, который существует всякий раз, когда действия выполняются с намерениями» [Anscombe 2000, 80], т.е. отвечает на вопрос «почему?» [Anscombe 2000, 34]. Большая посылка в этом случае представляет не знание о должном, а «характеристику желательности (desirability characterisation)» [Anscombe 2000, 75]. В целом такую трактовку разделяет и М. Нуссбаум, называя практический силлогизм «схемой телеологического объяснения деятельности животных» [Nussbaum 1985, 174], благодаря которой Аристотель «надеется предоставить адекватное объяснение действия конкретного человека и животного» [Nussbaum 1985, 210]. Для этики сложность здесь в том, что, как верно отмечает П. Готтлиб, «вместо того, чтобы представить полный и подробный пример действительного этического практического силлогизма, Аристотель предоставляет фрагменты рассуждений на медицинскую тему» и т.п. [Gottlieb 2006, 218]. Однако, если мы хотим получить этику в виде intersubjectивного знания, у нас нет другого пути, нежели использовать практический силлогизм.

Прodelать за Аристотеля работу по применению практического силлогизма в этике берется П. Готтлиб (так и называя его – «этический практический силлогизм»): большая посылка – умеренный человек не должен есть слишком много сладостей; малая посылка – я умеренный человек, а это – сладости в большом количестве; заключение – я не должен съедать их все сразу [Gottlieb 2006, 226]. К сожалению, в этом примере сохраняется та же проблема, что и в рассуждениях ДаВиа, – отсутствие конкретного содержания. «Слишком много (too many)» – это просто выражение крайности, чрезмерности, т.е. порока. Конкретизацию содержания Готтлиб видит, как и многие, в малой посылке, в частном опыте. Поэтому, не соглашаясь с Энском в том, что такой силлогизм не имеет особого значения для этики, она признает только его эвристическую ценность – он показывает зависимость поступка от добродетельности конкретного человека [Gottlieb 2006, 229].

Самая обстоятельная, на наш взгляд, попытка проанализировать этику Аристотеля именно как знание принадлежит М. Нуссбаум. Она непосредственно ставит задачу выявления наличия в философии Аристотеля «научной теории этики», в которой «практические принципы образуют замкнутую, последовательную дедуктивную систему, начиная с априорных первых принципов, касающихся сущности или природы человека». Согласно Нуссбаум, такой «моральный дедуктивизм (moral deductivism)» приписывается Аристотелю под влиянием христианской традиции, в частности, Фомы Аквинского, когда совершенство «божественного закона

(divine law)» гарантирует истинность моральных суждений, на нем основанных [Nussbaum 1985, 167–168]. Но с уже упомянутым отношением к практическому силлогизму Нуссбаум не получает ясного ответа о роли правил в этике [Nussbaum 1985, 212], поэтому она переходит к общим рассуждениям по ряду концептуальных моментов этического учения Аристотеля (роль мудреца – он образец поведения, а не правило). Поэтому роль правил ограничивается ею обучением, наставлением и законом – они «помощники, они сохраняют время (aids and time-savers)», но они пересматриваются в личном опыте и могут быть изменены, исходя из личного опыта и по согласованию с другими людьми [Nussbaum 1985, 213–214].

Эту же мысль развивает Р. Паттерсон: этика оказывается не наукой, а разбором мнений, «диалектической дискуссией (dialectical discussion)», соответственно, действие рассудительности реализуется на уровне согласования одного частного опыта с другим, а моральная норма возможна только как принятое мнение, ценность которого преходяща и может быть оспорена в любой момент. Особенность в том, что «нет дедуктивных цепочек универсальных или даже “по большей части” связей, ведущих от базовых принципов к конкретному действию». Р. Паттерсон указывает на то, что даже если мы имеем логически связную систему взглядов, принципов, задающих понимание человеческой природы, соответственно, и того, что есть благо для человека, все равно остается разрыв между «общими истинами и частным». Преодолевается этот разрыв только «долго развиваемой, качественной способностью видеть (long-developing, well-practiced ability to see)» [Patterson 2011, 672], т.е. «оком души». Поэтому он выделяет «согласованность (coherence)» наших взглядов/мнений в практическом знании как критерий их определенности, состоятельности в отличие от истинности эпистемического знания [Patterson 2011, 671], тем самым завершая линию интерпретации Нуссбаум, где интересубъективный уровень знания сводится к коммуникативным практикам.

В итоге мы имеем два возможных варианта возражения ДаВиа: либо работа рассудительности сводится к частному опыту, либо вне частного опыта она видится лишь как разбор мнений (что оставляет формальный, можно сказать, метаэтический аспект практического знания непроясненным). Практический силлогизм сводится к дескрипции не в силу его структуры, а в результате анализа его употребления в тексте Аристотеля, а значит – в контексте рассуждений ДаВиа это уже не аргумент. Соответственно, необходимо продолжить анализ практического знания. Для этого лучше ориентироваться на спецификацию знания самим Ари-

стотелем – по предмету и по методу. Не явно, но этому следует в своей работе Нуссбаум: кроме ограниченности действия практического силлогизма (методологического аспекта) она ссылается и на специфику онтологии единичной вещи, поступка в философии Аристотеля (содержательный аспект). Но она не разъясняет аристотелевское понимание «природы единичной вещи», а лишь ссылается на него, говоря, что «практические предметы (practical matters)» по природе не определены, соответственно, стремясь к дедуктивистским системам, научной точности и строгости правил, «мы рискуем исказить природу того, что мы изучаем» [Nussbaum 1985, 216]. Такая ссылка на авторитет без проблематизации лишает аристотелевскую этику возможности быть актуальной, хотя и достаточна для аристотелеведения. Поэтому, следуя анализу Нуссбаум, нам бы хотелось его дополнить и развить.

4. Универсальность практического силлогизма в этике

Особенность предмета раскрывается не в нем самом, а в том, как он познается. Основным действием разума является счет, количественное измерение мыслимого, фиксируемое в числе: разум делит, расчленяет, выделяет, сопоставляет, складывает (такова его работа не только в индуктивном схватывании, но и в силлогизме и пр.). Но в этом его хирургическом ремесле мы не можем мыслить два, перетекающее в три, которое уже не два, но еще и не три. Протекание изменения всегда конкретно, и если разум хочет «увидеть» вот это вот изменение, то он вторгается на территорию чувственного, а значит индивидуального восприятия, которым только и постигается конкретное непосредственно. Становясь мыслимым, тем, что может быть интерсубъективно предъявлено, оно оказывается разъято на куски и посчитано; или же нам представлено изъятое из него нечто общее, существенное. Следствием этого является неисчерпаемость описания частного, т.е. не только любой конкретной вещи, но и действия, и ситуации, в которой оно совершается. Соответственно, и поступок человека, в котором результируются и знание, и опыт, и рассудительность, и нрав, в котором на практике происходит синтез общего и частного, рационально не может быть представлен в таком единстве. Рационально предъявленная онтология поступка есть онтология разрыва – науки и практики, общего и частного. Можно сказать, что именно в этом причина вывода Энском и Нуссбаум о дескриптивности практического силлогизма. Ведь практический силлогизм создает только видимость такого синтеза, фактически лишь описывая действие как набор шагов, где синтез осуществляется самим индивидом по своей воле и разумению. Эта особенность

становится проблемой практического знания в этике: рационально провести единство движения (поступка) в переходе общего в частное, т.е. сформулировать содержательное универсальное прескриптивное суждение о добродетельном поступке (сформулировать моральную норму), становится невозможным.

При скептическом взгляде на рассудительность, т.е. всматривании в ее работу, мы получаем парадокс этического знания – наука может быть только об общем, но задача этики – ответ на вопрос «как?» – касается поступка, который реализуется в соотношении общего и частного, соответственно, чтобы выйти за рамки частного опыта рассудительности и представить знание о поступке, необходимо сформулировать такое общее (универсальное) суждение о поступке, где частное представало бы как общее. Преодоление парадокса возможно в том случае, если большая посылка силлогизма для частного опыта (моральная норма) будет сформирована не относительно того «что», а относительно того «как», т.е. она должна быть точно таким же индуктивным прескриптивным высказыванием в форме практического силлогизма об индивидуальном поступке (задача нерешаемая). Другими словами, чтобы написать книгу рассудительности, быть рассудительным чужой рассудительностью по аналогии с мудростью, нужно, чтобы универсальное прескриптивное суждение о некотором типе поступка исчерпывало весь возможный жизненный опыт совершения такого поступка, все нюансы ситуации действия; только тогда оно было бы истинным.

Однако по описанию Аристотелем добродетелей видно, что такая посылка (универсальное суждение) может быть функциональным описанием действия, а не содержательным. Неразрешимой является только задача формулирования содержательных универсальных прескриптивных суждений. Получаемые же функциональные прескриптивные суждения могут задавать общее направление коммуникации, в рамках которой уже индивидуальным опытом рассудительности усматривается конкретное содержание действия.

Именно в функциональном аспекте и проявляется универсальность, отмеченная, например, Р.Г. Апресяном в описании Аристотелем добродетели дружелюбия. Специфика этой добродетели в ровном, «одинаковом» отношении ко всем «незнакомым и знакомым» [EN 1126b10–30]. Согласно Р.Г. Апресяну, «Аристотель таким образом фактически прямо формулирует принцип универсальности (поведения)». Однако далее Р.Г. Апресян отмечает, что этот «универсальный принцип конкретизируется в поступках, адаптируемых к лицам сообразно их социальному статусу и положению в отношении данного человека» [Апресян 2009, 163].

Мы можем добавить — а также с учетом статуса самого субъекта действия и особенностей наличной ситуации общения. Учитывая, что эта «конкретизация» касается именно определения конкретного содержания поступка, очевидно, что содержание растворяется в особенностях частного — его нельзя предписать. Таким образом, Р.Г. Апресян в данном примере описания добродетели обнаруживает указанное нами раздвоение на функциональный и содержательный аспекты практического знания в ответе на вопрос «как?», хотя и не концептуализирует это раздвоение в рамках этики Аристотеля (6).

Имеем следующую ситуацию: этическое знание → пробел → практика. Пробел в том, что практическое знание осваивает только функциональный аспект знания «как» и не дает содержательного «что» для перехода к практике. Общим (знание о котором можно представить интерсубъективно) является не знание «что» о природе человека и не содержательное знание «как» конкретного действия (так как его невозможно дедуцировать и вне личного опыта, без волшебства «ока души» ему неоткуда взяться), но функциональное знание «как» — максимально возможное обобщение действия, выявленная структура поступка. Это все, что может наша рациональная способность, все, что ей может позволить онтология поступка, — перманентное неисчислимо изменение каждой конкретной вещи, всякой конкретной ситуации, в которой и как часть которой осуществляется поступок. Но все-таки эта структура может быть не только описана (как полагают Энском, Нуссбаум и Готтлиб), но и предписана. Эта как-бы-нормативность — максимум точности в этике. В этом ее научность: она — знание о структуре процесса актуализации человека. Это и есть тот аспект, который, будучи не выявленным, создал иллюзию у ДаВиа, что есть возможность формулировать моральные нормы, что «метафизическая биология» может быть для них основанием. Да, она может быть основанием, но только функциональным, не содержательным: этика дает знание, как стать добродетельным в смысле понимания специфики процесса становления, а не в смысле открытия конкретных содержательных стандартов этого процесса. Более того, ее открытием именно как знания и является экспликация такого положения вещей; моральные нормы — это лишь приходящие мнения от личного опыта, они должны подвергаться критике. Именно в этом смысле анализ устоявшихся мнений и является частью метода этики — это моральная критика, призванная постоянно проводить ревизию норм-мнений. По сути Аристотель создает этику как критику морали, гносеологическим основанием этой критики является проблема общего и частного, дескриптивного и прескриптивного.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Например, см. о мужестве: *EE* 1228b5. Здесь и далее все термины и цитирование текстов Аристотеля на русском и древнегреческом языках приводятся с указанием стандартного сокращения и в соответствии с пагинацией по источникам из списка цитируемой литературы: Аристотель 1976, 1978, 1981, 1984a, 1984b, 2011; Aristotle 1936, 1962, 1975, 2012.

(2) Когда действие совершается «при наличии того “ока души”» [*EN* 1144a25–30], которым усматривается благая цель, которая направляет рассчитывающую часть души, т.е. рассудительность.

(3) Ошибка в познании, ложная большая посылка.

(4) Индуктивная посылка в данном случае представляет собой логическую репрезентацию действия «ока души», которое обнаруживает правильные цели таким же образом, как «наведение (ἐπαγωγή)» – первые принципы, т.е. те же самые «начала», ведь «тот, кто пользуется наведением, пожалуй, не доказывает, но все же что-то выявляет» [*APo* 91b35].

(5) Термин «поступок» в данном случае мы используем как термин метаязыка, фиксирующий общий смысл – совершение энергийного акта (ἐνέργεια, πράττειν, πράξις), того, что может быть добродетельным и порочным, в отличие от действия, деятельности вообще.

(6) О концептуализации Р.Г. Апресяном соотношения формы и содержания в исследовании природы морали см.: [Апресян 1995, 15–27].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1995 – Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М.: Изд-во ИФРАН, 1995.

Апресян 2009 – Апресян Р.Г. Золотое правило в этике Аристотеля // *Философия и этика. Сборник научных трудов к 70-летию академика РАН А.А. Гусейнова*. – М.: Альфа-М, 2009. С. 157–170.

Апресян 2014 – Апресян Р.Г. Смысл морали // *Мораль: разнообразие понятий и смыслов: сборник научных трудов. К 75-летию академика А.А. Гусейнова*. – М.: Альфа-М, 2014. С. 35–63.

Аристотель 1976 – Аристотель. *Метафизика* // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1976. С. 65–367.

Аристотель 1978 – Аристотель. *Вторая аналитика* // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. С. 255–346.

Аристотель 1981 – Аристотель. *Физика* // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1981. С. 59–262.

Аристотель 1984a – Аристотель. *Никомахова этика* // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984. С. 53–294.

Аристотель 1984b – Аристотель. *Поэтика* // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984. С. 645–680.

Аристотель 2011 – Аристотель. *Евдемова этика*. – М.: Канон+, 2011.

Вольф 2012 – Вольф М.Н. *Философский поиск: Гераклит и Парменид*. – СПб.: Издательство РХГА, 2012.

Гусейнов 2003 – Гусейнов А.А. *Античная этика*. – М.: Гардарики, 2003.

Гусейнов 2004 – *Гусейнов А.А.* Мораль и политика: уроки Аристотеля // *Ведомости*. 2004. № 24. С. 97–131.

Орлов 2011 – *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011.

Орлов 2012 – *Орлов Е.В.* Аристотель об универсальном, обыденном и деятельном знании в «Первой аналитике» II 21 // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2012. № 2 (18). С. 154–165.

Anscombe 2000 – *Anscombe G.E.M.* *Intention*. – London; Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

Aristotelis 1962 – *Aristotelis*. *Ethica Nicomachea*. – Oxford: Clarendon Press, 1962.

Aristotle 1936 – *Aristotle's Physics*. – Oxford: The Clarendon Press, 1936.

Aristotle 1975 – *Aristotle's Metaphysics*. – Oxford: The Clarendon Press, 1975.

Aristotle 2012 – *Aristotle*. *Poetics*. – Leiden, Boston: Brill, 2012.

Barnes 2004 – *Barnes J.* Introduction // *Aristotle*. *Nicomachean Ethics*. New York: Penguin, 2004. P. 9–41.

DaVia 2016 – *DaVia C.* Universality in Aristotle's Ethics // *Journal of the History of Philosophy*. 2016. Vol. 54. No. 2. P. 181–201.

Foot 2002 – *Foot Ph.* Virtues and vices and other essays in moral philosophy. – Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 1–18.

Gottlieb 2006 – *Gottlieb P.* The Practical Syllogism // *The Blackwell guide to Aristotle's Nicomachean ethic*. – Oxford: Blackwell, 2006. P. 218–233.

Hughes 2013 – *Hughes G.J.* The Routledge Guidebook to Aristotle's Nicomachean Ethics. – London: Routledge, 2013.

Macintyre 2007 – *Macintyre A.* After Virtue: A Study in Moral Theory. – Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2007.

Nussbaum 1985 – *Nussbaum M.* Aristotle's *De Motu Animalium*. – Princeton: Princeton University Press, 1985.

Nussbaum 2001 – *Nussbaum M.* The Fragility of Goodness. Luck and Ethics in Greek Tragedy and Philosophy. – Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press 2000.

Patterson 2011 – *Patterson R.* Aristotle // *The Routledge Companion to Epistemology*. London: Routledge, 2011. P. 666–677.

Reeve 2012 – *Reeve C.D.C.* Action, Contemplation, and Happiness: An Essay on Aristotle. – Cambridge: Harvard University Press, 2012.

REFERENCES

Anscombe G.E.M. (2000) *Intention*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Apressyan R.G. (2009) The Golden Rule in Aristotle's Ethics. In: *Philosophy and ethics. A Festschrift for the 70th Birthday of Abdusalam Guseynov* (pp. 157–170). Moscow: Alpha-M.

Apressyan R.G. (1995) *The Idea of Morality and Basic Normative-Ethical Programs*. Moscow: IPhRAS Pub.

Apressyan R.G. (2014) The Meaning of morality. In: *Morality: Diversity of Concepts and Meanings. A Festschrift for the 75th Birthday of Abdusalam Guseynov* (pp. 35–63). Moscow: Alpha-M (in Russian).

Barnes J. (2004) Introduction. In: Aristotle. *Nicomachean Ethics* (pp. 9–41). New York: Penguin.

DaVia C. (2016) Universality in Aristotle's Ethics. In: *Journal of the History of Philosophy*. Vol. 54, no. 2, pp. 181–201.

Foot P. (2002) *Virtues and vices and other essays in moral philosophy* (pp. 1–18). Oxford: Oxford University Press.

Gottlieb P. (2006) The Practical Syllogism. In: *The Blackwell guide to Aristotle's Nicomachean ethics* (pp. 218–233). Oxford: Blackwell Pub.

Guseynov A.A. (2003) *Ancient ethics*. Moscow: Gardariki (in Russian).

Guseynov A.A. (2004) Morality and Politics: Lessons from Aristotle. *Vedomosti*. 2004. No. 24, pp. 97–131 (in Russian).

Hughes G.J. (2013) *The Routledge Guidebook to Aristotle's Nicomachean Ethics*. London: Routledge.

MacIntyre A. (2007) *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.

Nussbaum M. (1985) *Aristotle's De Motu Animalium*. Princeton: Princeton University Press.

Nussbaum M. (2001) *The Fragility of Goodness. Luck and Ethics in Greek Tragedy and Philosophy*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Orlov E.V. (2011) *Aristotle's Philosophical Language*. Novosibirsk: Publishing House of the Russian Academy of Science (in Russian).

Orlov E.V. (2012) Aristotle on the Universal, Ordinary and Active Knowledge in "Prior Analytics" II 21. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2012. No. 2 (18), pp. 154–165 (in Russian).

Patterson R. (2011) Aristotle. In: *The Routledge Companion to Epistemology* (pp. 666–677). London: Routledge.

Reeve C.D.C. (2012) *Action, Contemplation, and Happiness: An Essay on Aristotle*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wolf M.N. (2012) *Philosophical Search: Heraclitus and Parmenides*. Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy (in Russian).

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУССИОН

Социальная философия сегодня.Состояние и тенденции**Образы современности в XXI веке: автомодернизм***А.В. Павлов**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт философии РАН, Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-97-113

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В последние 20 лет все ключевые авторы, писавшие о состоянии постмодерна, либо стали заниматься другими исследованиями (Фредрик Джеймисон), либо провозгласили, что постмодерн мертв (Линда Хатчеон). С 2000 г., когда усталость от постмодерна стала очевидной для всех, различные исследователи, критики и теоретики стали предлагать свои концепции нашей эпохи. Однако все эти теории, акцентируя смену культурных парадигм, рассматривают культуру традиционно, не обращая внимания на тотальную диджитализацию и внедрение новых технологий в нашу жизнь. В двух концепциях нашего времени эти процессы, однако, становятся центральным местом. Это концепции диджимодерна и автомодерна. В фокусе внимания настоящей статьи – идея автомодерна, предложенная американским социальным теоретиком Робертом Сэмюэлсом в 2007–2009 гг. Последний считает, что наш мир характеризуется двумя противоречивыми тенденциями – автоматизацией и стремлением к автономности (личной свободе). С его точки зрения, первая чаще всего не позволяет достичь последней в силу определенных обстоятельств. На примере автомобиля, персонального компьютера, Интернета и т.д. Сэмюэлс показывает, чем именно сегодня является наша культура в широком смысле слова. Разбирая концепт «цифровой молодости», он также обращает внимание на формирование новой субъектности эры автомодерна. Наконец, наиболее интересная часть концепции автомодерна, актуальная сегодня более всего – это критика левых социально-философских концепций (Славой Жижек, Фредрик Джеймисон) и теорий культуры (Генри Дженкинс). В конце статьи упоминается новейшая книга Адама Гринфилда «Радикальные технологии: устройство повседневной жизни». Благодаря ей теория Сэмюэлса может быть верифицирована.

Ключевые слова: постмодерн, пост-постмодернизм, автомодернизм, диджимодернизм, социальная теория, марксизм, исследования культуры.

Павлов Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социальной философии Института философии РАН.

apavlov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5449-1050>

Цитирование: Павлов А.В. (2018) Образы современности в XXI веке: автомодернизм // Философские науки. 2018. № 7. С. 97–113.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-97-113

Images of Modernity in the 21st Century: Automodernism

A.V. Pavlov

National Research University Higher School of Economics;

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-97-113

Original research paper

Summary

In the past twenty years, all the key authors who wrote about the state of postmodernity either began to be engaged in other research areas (Fredric Jameson) or declared that the postmodernism is dead (Linda Hutcheon). Since 2000, when the fatigue from the postmodernism became evident to everyone, various researchers, critics and theorists began to offer their concepts of our era. However, all these theories, emphasizing the change of cultural paradigms, interpret culture traditionally not paying attention to total digitalization and the introduction of new technologies into our lives. However, in two concepts of our time these processes become central. These are the concepts of the digimodern and automodern. The focus of this article is the idea of automodernism, proposed by the American social theorist Robert Samuels in 2007/2009. He believes that our world is characterized by two contradictory tendencies – automation and the desire for autonomy (personal freedom). From his point of view, the former often does not allow to reach the latter due to certain circumstances. Samuels, using the example of a car, a personal computer, the Internet, etc., shows what exactly our culture is in the broadest sense. Analyzing the concept of “digital youth,” he also pays attention to the formation of a new subjectivity of the era of automodernity. Finally, the most interesting part of the concept of automodernism, which is most relevant today, is the criticism of left-wing social and philosophical concepts (Slavoj Žižek, Jameson) and cultural theories (Henry Jenkins). At the end of the article, the author mentions Adam Greenfield’s latest book *Radical Technologies: The Design of Everyday Life*. Thanks to this book, Samuels’ theory can be verified.

Keywords: postmodern, post-postmodernism, automodernism, digimodernism, social theory, Marxism, cultural studies.

Alexander Pavlov – Ph.D. in Law, Associate Professor at the School of Philosophy, National Research University Higher School of Economics; Leading Research Fellow, Head of the Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

apavlov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5449-1050>

Citation: Pavlov A.V. (2018) Images of Modernity in the 21st Century: Automodernism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 7, pp. 97–113.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-97-113

Введение

В курсе лекций, посвященных «культуре постмодернизма» и опубликованных в виде книги, филолог Александр Марков рассматривает постмодерн как состояние культуры, без которого «невозможно представить себе ни одно явление современности»; ученый также настаивает, что постмодерн сегодня все еще служит «школой критического мышления» [Марков 2018]. При этом автор говорит о феномене постмодерна настолько уверенно, будто все ученые и исследователи давно согласились с тем, что нынешняя эпоха является постмодернистской и никакой иной. Такой подход к культуре является не просто устаревшим, он обнажает отсутствие «критического мышления», которое должно было сформировать постмодерн. Это отнюдь не означает, что Александр Марков, повествуя о «постмодерне культуры», не прав, но, если называть вещи своими именами, то автору было необходимо хотя бы на уровне гипотезы поставить под сомнение тезис, что современная культура сегодня является исключительно постмодернистской. Ниже мы объясним, почему это на самом деле не так, но главное – обсудим одну из возможных теорий, относимых сегодня к постпостмодернистским – автомодернизму.

Что такое постпостмодернизм

Постмодернизм как таковой сегодня не находится в фокусе внимания философских, культурологических и социологических исследований. Все авторы, которые описывали эпоху конца XX столетия как постсовременную в итоге либо отказались от своих концепций, незаметно перейдя к иным темам [Jameson 2007], либо же громогласно объявили о смерти постмодерна [Hutcheon 2002]. Однако осталась одна сфера мысли, в которой постмодерну еще отводят особое место – это социально-философские поиски ново-

го языка описания актуальной для нас эпохи, т.е. буквально того времени, в котором мы находимся здесь и сейчас. Большинство авторов, предлагающих концепции нынешней социокультурной темпоральности, во-первых, считают своим долгом в очередной раз объявить о смерти постмодерна, во-вторых, строят свои размышления на фундаменте, заложенном постмодерном, т.е. противопоставляют свою позицию той, что, по их мнению, уже отошла в прошлое. Тем самым, хотя и на уровне негации, но постмодерн, «странным образом умерев», продолжает жить в большинстве актуальных социально-философских теорий современности. При этом он остается скорее таким, как его охарактеризовал канадский литературовед Джош Тот (вместе с соавтором Нилом Бруксом) – «призраком» (в понимании Деррида), т.е. уже прошедшим или умершим явлением, однако при этом мы все еще устраиваем его поминки [Brooks, Toth 2015].

2000 год – символическая дата. Это не только официальное начало нового тысячелетия, но также и рубеж, за которым обозначаются усталость от старых теорий и отчаянные попытки предложить новые. С 2000 г. разные авторы начинают предлагать собственные варианты языков описания эры XXI столетия. В 1999 г. художники Билли Чайлдиш и Чарльз Томсон начали поход против концептуального искусства, создав движение «стакизм», продвигавшее фигуративную живопись, а в 2000 г. они опубликовали манифест «Ремодернизма», в котором призывали отказаться от пустоты и бессмыслицы постмодерна и вернуться к классической модернистской живописи [Childish, Thomson 2015]. Первым автором-ученым, предложившим концепцию постпостмодерна, в 2000 г. стал немецкий специалист по эстетике Рауль Эшельман, назвавший наше время «перформатизмом» – новой искренностью в искусстве и культуре, пришедшей на смену постмодерну [Eshelman 2008]. В 2004 г. французский социальный философ Жиль Липовецкий заявил о том, что мы, оставив постмодерн позади, ныне живем в «гиперсовременное время», ключевыми характеристиками которого являются культ потребления, гипериндивидуализм, а также интенсивность культурных изменений [Lipovetsky 2015]. В 2007 г. уже упоминавшийся литературовед Джош Тот выступил в защиту постмодерна с концепцией реновализма, предполагавшей актуальную «призрачность» постмодерна [Toth 2010]. В 2009 г. французский куратор в области искусства Николя Буррио провозгласил, что настало время альтемодекна – другого модерна, противоположного постмодерну, в центре которого находится идея культурных кочевников [Bourriaud 2015]. В 2010 г. двое культурологов-европейцев Тимотеус Вермюлен и Робин ван ден Аккер объявили о возник-

новении метамодернизма – сложного состояния чувственности по отношению к новой культуре, пришедшей на смену пустоте постмодернизма [Van den Akker, Gibbons, Vermeulen 2017]. В 2012 г. американский культуролог Джеффри Нилон выступил с идеей пост-постмодернизма. В основу этой концепции легла интуиция американского философа-марксиста Фредрика Джеймисона относительно того, что постмодерн является культурной логикой позднего капитализма. Нилон соглашается, что сегодняшний капитализм отличается от того, как он был описан Джеймисоном, но основная догадка Джеймисона остается верной, а следовательно, культурной парадигмой обновленного капитализма становится обновленный постмодернизм, т.е. пост-постмодернизм [Nealon 2012]. Наконец, в 2013 г. американский литературовед Кристиан Морару ввел в академический оборот понятие «космодернизм». Несмотря на интригующее название, содержательное наполнение этого термина остается довольно скромным (период общечеловеческого развития, наступивший после завершения Холодной войны, который не может быть описан как «глобализация», но скорее как «планетаризм» в мышлении). Морару исследует американскую художественную литературу после Холодной войны, пытаясь описать новую культурную парадигму, возникшую на фоне ускоренной глобализации [Moraru 2011].

Что объединяет все эти концепции, кроме того, что они вступают между собой в диалог и вежливо оспаривают друг друга? Во-первых, они не отрицают, что такое состояние исторической эпохи, как постмодерн, в самом деле имело место, но теперь его больше нет. Во-вторых, авторы этих идей настаивают, что постмодерн был вызван к жизни неумолимой логикой развития модерна как такового, однако он был лишь одним из этапов эволюции современности, берущей начало в конце XVIII столетия. Тем самым эти исследователи не столько критикуют современность, что было свойственно социальным философам на протяжении XX в., сколько пытаются проследить логику ее развития и прогнозировать развитие общества на несколько десятилетий вперед. Таким образом, условный пост-постмодернизм не столько возвращается к классическому модерну (исключение составляет ремодернизм), сколько возрождает и возобновляет его – не отказываясь от прошлого, он пытается вновь сделать его материалом для разговоров о будущем. Напомним, что постмодерн как раз-таки настаивал на том, что культура потеряла чувство времени и не только не могла устремиться в будущее, но и утратила историческое мышление [Андерсон 2011, 94]. Наконец, в-третьих, все эти концепции концентрируются главным образом на культуре – прежде всего на литературе, кинематографе, архитектуре/дизайне и живописи,

а значит авторы различных вариантов «-модерна» экстраполируют тенденции в развитии искусства на все общество, часто забывая об экономике, политике и религии. Это можно было бы назвать существенным недостатком данных теорий.

Однако самый главный пробел данных концепций состоит в том, что они не учитывают колоссальные перемены в обществе, ставшие возможными благодаря новым технологиям. Британский урбанист иллюстрирует то, как техника трансформирует социальные процессы: «Вы сидите в кафе, рекомендованное вам алгоритмом, за столом, сделанным при помощи установки с программным управлением; вы платите за свой кофе криптовалютой, поднося смартфон к кассе; с улицы доносятся голоса детей, играющих в игру с дополненной реальностью. И хотя ни один из аспектов этой ситуации не был возможен еще пять лет тому назад, ни один из них не кажется вам особенно примечательным. В наши дни это просто в порядке вещей» [Гринфилд 2018, 363]. Вот почему на фоне перечисленных вариантов пост-постмодерна выделяются две альтернативные теории – диджимодернизм (2009) [Kirby 2009] и автомодернизм (2007/2009). Автор первой – британский культурный критик Алан Кирби. Он настаивает на том, что новые технологии переопределяют нашу культуру и возвещают о формировании нового – диджимодернистского – общества. Поскольку я уже подробно писал об этой концепции [Павлов 2018], сосредоточусь на идее автомодернизма. Отметим, что эти теории вписываются в зонтичный термин пост-постмодернизма, точно так же занимаясь критикой постмодерна, заявляя о смерти последнего и предлагая ему альтернативы. Авторы утверждают, что современное западное общество все еще развивается в логике модерна, хотя с возникновением новейших технологий перешло на новый этап эволюции. Что же мы можем сказать об автомодернизме?

Ключевые концепты теории автомодерна

Автор теории автомодерна – американский социальный теоретик, профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Роберт Сэмюэлс. В 2007 г., когда такие, сегодня уже неотъемлемые феномены жизни общества, как Facebook и др., лишь появлялись, Сэмюэлс написал статью «Авто-современность после постмодернизма: автономия и автоматизация в культуре, технологии и образовании» [Samuels 2007]. Тогда он осторожно намечал контуры будущей критики ситуации автомодерна. Через два года он развил эти тезисы, выпустив целую книгу, получившую название «Новые медиа, исследования культуры и Критическая теория после постмодернизма» [Samuels 2009]. С точки зрения исследователя,

концептуальный аппарат постмодернистской теории уже ни в каком виде не способен адекватно объяснить или описать колоссальные изменения, происходящие в культуре и даже политике XXI столетия. Эти изменения касаются не только цифровых технологий, но также и новых социальных движений. Именно поэтому существенную часть размышлений автор посвящает полемике с популярными социальными философами – такими, как Фредрик Джеймисон или Славой Жижек, а также с исследователями культуры и новых медиа типа Генри Дженкса.

Главная идея Сэмюэлса состоит в том, что в текущем столетии высокий уровень механической автоматизации (automation) сочетается с усиленным желанием людей получить/завоевать личную автономию (autonomy). Отсюда и приставка «авто» в термине, которая символизирует две эти в определенной степени противоречивые тенденции, парадоксальным образом комфортно сосуществующие друг с другом. Тем самым фокус исследователя сосредоточен на стыке двух областей развития западного общества: это «объективная», технологическая сторона современности, и «субъективная», культурная сфера повседневной жизни. Статью «Авто-современность после постмодернизма» Сэмюэлс писал для антологии, посвященной образованию. Поэтому автор изначально концентрируется на концепте «цифровая молодежь» (digital youth) (1). Именно юным пользователям сети присуще стремление использовать электронные средства для увеличения и обретения своей автономии. Автор говорит об этом так: «Чтобы прояснить, что я подразумеваю под автомодернизмом, я рассмотрю несколько общих технологий, которые широко используются цифровой молодежью в глобализованном западном мире начала XXI в.: персональные компьютеры, текстовые процессоры, сотовые телефоны, iPod, блоги, телевизоры с дистанционным управлением, а также такой жанр видеоигры, как шутеры от первого лица» [Samuels 2007, 228]. Ключевой вопрос Сэмюэлса состоит в том, как технологизация влияет на конкретного субъекта социальных отношений. Гипотетический ответ автора сводится к тому, что мы наблюдаем рождение новой культурной субъектности.

Свои размышления Сэмюэлс начинает с личного примера. Наблюдая за своим 15-летним племянником Бенджамином, автор увидел, как тот, работая над школьным эссе, выполняет сразу несколько задач – общается в чате, изучает статьи в Интернете, скачивает фильм или игру, а также работает в текстовом редакторе. Бенджамин копирует или вырезает куски текста из разных источников, отправляет их друзьям, и вполне возможно, что эти отрывки станут частью чьего-то эссе. Это наблюдение привело Сэмюэлса к выводу, что для нового поколения пользователей сети

не важна фигура автора в традиционном его значении: нет ни воровства, ни плагиата, потому что цифровой контент воспроизводится бесчисленное количество раз и впоследствии меняется до неузнаваемости, образуя «гипертекст». Тем самым автомодерн трансформирует понятия собственности, авторства и индивидуального творчества во что-то иное. Более того, для молодых людей исчезает дихотомия работы и развлечения – труд становится интересным, а также приобретает характер коллективного действия в противовес хорошо известному упору американцев на индивидуализм. Такой подход к обучению создает конфликт между традиционным и новым образованием. Сложившиеся принципы школы в США таковы: в ней делается упор на индивидуальную деятельность, порицается списывание, от учащихся требуется решать только одну задачу, а ориентироваться в познавательной деятельности предлагается скорее на учебники и т.д. Однако «Цифровой молодежи» все это чуждо. Ученики не обязаны запоминать большой объем информации, так как все необходимые сведения они могут получить с помощью двух кликов мышью; они предпочитают не книжки, а уже существующий и перерабатываемый «гипертекст»; они способны решать несколько задач сразу, а понятия «списывания» для них не существует, потому что результат труда у них создается коллективно [Samuels 2007, 219–221].

Новый субъект формируется потому, что человек передает большую часть своих функции технике. А следовательно нужно ответить на вопрос, как в рамках этих процессов может упрочиться автономность человека, т.е. его индивидуальная свобода. Сэмюэлс выбирает несколько кейсов, чтобы прояснить смысл своей концепции: автомобиль, персональный компьютер, ноутбук, Интернет. «Модернистским» примером автомодерна Сэмюэлс считает автомобиль, который можно было бы назвать «вторым телом» человека: находясь в личном и замкнутом пространстве, человек при этом получает возможность преодолевать большие расстояния, а иногда даже такие пространства, которые в иных случаях покорить было бы невозможно. Тем самым это техническое средство делает человека более свободным как в плане передвижения, так и в смысле сохранения личного пространства. Однако если автомобиль является домодернистской иллюстрацией эпохи автомодерна, то такое изобретение, как музыкальный плеер iPod, помогает проследить логику развития модерна. В эпоху высокого модерна музыка прослушивалась коллективно – в церквях, специально предназначенных для этого залах – а потому это было публичное действие, не предполагавшее никаких частных практик. В состоянии постмодерна благодаря радио и телевидению люди получили возможность слушать музыку

непосредственно в частном пространстве – у себя дома. При этом выбор музыки все еще не был индивидуальным и зависел от диктата средств массовой информации. В ситуации автомодерна индивиды, наконец, получили возможность сделать процесс прослушивания музыки более частным – в собственном автомобиле или же посредством музыкального плеера. От постмодерна автомодерн, таким образом, отличается тем, что человек, наконец, получил полную автономию в выборе музыкального репертуара. И потому в автомодерне новый субъект приобретает безграничную власть над тем, что он использует или потребляет, но это чревато и серьезными последствиями.

Поэтому главным признаком новой субъектности становятся противоречия. Во-первых, это касается мультизадачности. Новый человек способен решать огромное количество задач одновременно, как правило, без ущерба для каждой из них. Новые технологии создают свободу для индивида: благодаря передаче множества задач автоматизированной системе человек может концентрироваться на более важных вещах. Но наряду с этим гаджеты формируют «антисоциальные установки», ограничивая коммуникацию с реальным миром. Колоссальные возможности в потреблении информации и онлайн-коммуникации заставляют людей фильтровать новости и ограничивать общение.

Во-вторых, благодаря таким вещам, как ноутбук, размывается частное и публичное пространство. Переносной компьютер может помочь нам развлечься в путешествии, но его наличие не позволит расслабиться окончательно, так как в ситуации, когда человек находится на связи 24/7, его в любой момент могут попросить сделать срочную работу. Для этого индивид использует тот же ноутбук. Из-за такой многофункциональности актуальное личное время потенциально является рабочим временем. Все это вызывает у Самуэльса серьезные опасения. Например, у человека формируется особое желание выставлять напоказ свою частную жизнь – что он ест, где путешествует, как развлекается, в каком спортзале тренируется. Но автор не обращается к клишированным рассуждениям о нарциссизме или эксгибиционизме, а задается вопросом – насколько в такой ситуации реальна автономия человека? В самом деле, все эти процессы фотографирования еды и т.п. строятся по уже отработанным правилам. Очевидно одно: в таком случае происходит размывание границы между реальной и виртуальной идентичностью – мы становимся обязанными локализовать самих себя в электронном пространстве, чтобы доказать свое существование другим людям.

В-третьих, Интернет тоже устроен парадоксальным образом. С одной стороны, это пространство, где все доступно и демократизируются все культурные различия. С другой – эти различия

обесцениваются: хотя потенциально сеть обеспечивает доступ ко всему, человек сам решает, что ему отобразить на экране. Это позволяет увидеть проблемы прославляемой «цифровой демократии», в рамках которой каждый индивид получил возможность делать собственное СМИ. Это правда, что сегодня все больше отдельных людей производят авторский контент и способны конкурировать с крупными медиа. Однако мы также имеем и опасную тенденцию к персонализации культуры. Если любой пользователь производит собственный контент, на этого пользователя может найтись свой потребитель. При этом потребитель выбирает такого автора, который устраивает его идеологически, мировоззренчески, эстетически и т.д. И потому экран, с которого потребляется информация, сам по себе оказывается «автоматизированным зеркалом самоотражения» [Samuels 2007, 228–233].

Что сохраняет в размышлениях Сэмюэлса эвристический потенциал даже сегодня, так это его критика постмодерна. У Сэмюэлса есть собственная философия истории: он разделяет развитие человечества на домодернистскую эпоху, эпоху модерна и эру постмодерна, сменяемую автомодерном. Для первой характерны феодальное социальное устройство, вера в провиденциализм и монархия как наиболее распространенный политический режим. Для второй – возникновение современной науки, формирование капитализма, идеалы Просвещения, а также появление и упрочение демократии. Наконец, в третьей эпохе наблюдаются утрата веры в метанарративы, критика универсализма, сциентизма, возникновение индустрии развлечений, поклонение принципам мультикультурализма, глобализации и как следствие ослабление национальных государств. Автомодерн противопоставляет себя постмодерну. Однако, с точки зрения Сэмюэлса, необходимо различать эпоху постмодерна и то, что обычно под последним понимается. Автор перечисляет четыре версии постмодернизма: мультикультурализм, социальный конструктивизм, коллаж и постструктурализм. Что касается последнего, Сэмюэлс относится к нему негативно и предупреждает об опасностях употребления таких теорий в педагогических целях. Не более благосклонен он и к «коллажированию», полагая его самой кратковременной тенденцией постмодерна. Конструктивизм же, как говорит автор, утверждает, что универсальных ценностей не существует, а доминирующие нормы оказываются отражением интересов доминирующей группы. То, на что делает ставку Сэмюэлс в постмодерне и что кажется ему наиболее позитивным, это мультикультурализм, который не следует путать с социальным конструктивизмом. Сэмюэлс утверждает, что мы должны уважать многообразие

взглядов, моделей и картин мира, которые репрезентируют множество культур и сообществ [Samuels 2007, 221–222].

Уже в книге Сэмюэлс предложил критику социальных философов, которые, по мнению автора, отвечают за популярность теории постмодерна. Этой теме посвящена треть источника – «Радикальная критика академической теории». Вторая и третья части книги являются развитием его предшествующих размышлений. Теперь Сэмюэлс сосредоточивает внимание на университетах и академии, а не на школе. Во второй части «Психопатологии автомодернизма» Сэмюэлс обращается к различным культурным феноменам, чтобы показать, как работает автомодернизм: в сферу его интереса попадают фильм «Парк Юрского периода», творчество рэпера Эминема и фильм «Матрица». В третьей части «Постмодернистское образование, социальные движения и политика» автор обращается к насущным проблемам университета, социальной этике после автосовременности, а также к актуальному политическому процессу. Наиболее релевантными частями концепции автомодерна остаются места, которые посвящены полемике с популярными сегодня социально-философскими теориями. Поэтому мы сосредоточим внимание на первой части книги.

Социальная философия постмодерна в фокусе критики Роберта Самюэлса

Основную задачу Сэмюэлс формулирует так: «Главное положение настоящей книги состоит в том, что большинство современных академических критических теорий помогает легитимизировать статус-кво, не дифференцируя прогрессивную социальную историю и регрессивный культурный порядок» [Samuels 2009, 51]. Своими мишенями автор выбирает интерпретации современной культуры у культуролога Генри Дженкинса и философов Фредерика Джеймисона и Славоя Жижека. Подробно разбирая интерпретации современности этих авторов, Сэмюэлс пытается показать, почему постмодернистская критика актуальной культуры терпит поражение и не предлагает адекватного языка описания нашего времени.

Генри Дженкинс является пионером исследования «новых медиа», а также главным певцом их демократического потенциала. Заявив о том, что нынешняя цифровая культура характеризуется «культурой участия» (participatory culture), в которой, получив технологические возможности совместно создавать и потреблять произведения культуры, пользователи стали объединяться в сообщества, Дженкинс стал радостно приветствовать исчезновение границ между теми, кто создает контент, и теми, кто им поль-

зуется [Jenkins 2006a; Jenkins 2006b] (Сэмюэлс в своей критике обращается ко второму источнику). Дженкинс сосредоточился на исследовании совершенно экзотических для академии начала 2000-х тем – на изучении фанатских сообществ и видеоигр. И поскольку он был первым, ему можно простить оптимизм относительно тех вещей, которыми он не только занимался, но и восхищался. Сэмюэлс старается показать, что в корне представлений Дженкинса о том, будто новые медиа являются инновационными глобальными агентами, а активные и свободные потребители информации в сети одновременно сами воспроизводят контент, лежит идеология модерна – универсализм и эпистемологическая активность. Сэмюэлс осуждает этот оптимизм Дженкинса относительно фан-групп и интернет-субкультур. Используя пример из рассуждений Дженкинса о сериале «Стартрек», Сэмюэлс показывает, как новые субъекты автомодерна отвоевывают право университета на создание авторитетных интерпретаций культурных текстов. Такое заигрывание интеллектуалов с сетевыми сообществами – т.е. попытку критиковать университет из стен университета – Сэмюэлс называет желанием быть внутри и вне дискурса одновременно, точно так же как фрейдовские невротики мечтают быть перверсивными [Samuels 2009, 40].

Сэмюэлс видит то, чего в эйфории от технологических перемен не замечает Дженкинс: эфемерные демократизм и свобода информации маскируют монополию капитализма на новые медиа в эпоху автомодерна; более того, через новые медиа капитализм успешно приспособливает под свои нужды политические институты, централизует их и нивелируют значение постмодернистских социальных движений за расовые, сексуальные права, права животных и т.д. Заканчивая комментировать творчество Дженкинса, Сэмюэлс говорит об ученом то же, что и обо всех современных социальных философах: в эру автомодерна критика интеллектуалами университетского дискурса оказывается направленной на сохранение парадоксального status quo политики без каких-либо действий.

Этот же упрек Сэмюэлс адресует Жижеку. Последний является ярким примером мыслителя эпохи автомодерна с несостоятельной критической теорией. За радикально левой *риторикой* Жижека скрывается не более чем протест против политики движений меньшинств – расовых, сексуальных, культурных. В своем знаменитом докладе «Что значит быть революционером сегодня», ставшим ключевой темой книги «Размышления в красном цвете», Жижек провозгласил, что левым сегодня не следует отвлекаться на частные случаи борьбы – за экологию, за равноправие полов, против расовой дискриминации, потому что настоящие революционеры должны бороться с капитализмом как таковым, во всей

тотальности этого конфликта [Жижек 2011]. Этот тезис Жижек озвучивал не раз. Сэмюэлс замечает, что такая тотализирующая риторика Жижека строится по принципу «все или ничего», в которой все – полный крах капитализма, а ничего – повторяющаяся критика капитализма со стороны «прогрессивных интеллектуалов». Какой бы радикальной такая критика ни была, она все равно остается символом «ничего», поскольку провозглашает политические тезисы без какого-либо участия в политическом процессе. Поскольку «все» получить невозможно, остается лишь «ничего» – постоянные упреки в адрес капитализма, что в итоге означает «политическое без политики». Проблема, согласно Сэмюэлсу, состоит в том, что кроме своеобразного «консерватизма» в риторике Жижека наблюдается агрессия по отношению к социальным импликациям постмодерна – политическому потенциалу общественных движений меньшинств [Samuels 2009, 66].

Наиболее любопытна, однако, критика Сэмюэлсом социальной философии постмодерна Фредрика Джеймисона. Сам Джеймисон обратился к исследованию постмодерна в начале 1980-х, а в начале 1990-х, когда вышла самая знаменитая его книга, оставил тему [Jameson 1991]. Британский историк-марксист Перри Андерсон настаивает, что Джеймисон оказался самым глубоким ученым, который всесторонне описал ситуацию постмодерна [Андерсон 2011]. Прекрасный разбор концепции Джеймисона Андерсоном может удачно сочетаться с критикой Джеймисона Сэмюэлсом. Как уже было сказано, актуальная культурная ситуация не может быть описана как постмодернистская постольку, поскольку в обществе произошли колоссальные перемены, которые, как отмечает Сэмюэлс, постмодерн объяснить не в состоянии. Однако Сэмюэлс критикует Джеймисона не за то, что его теория устарела, а на других основаниях. Сэмюэлс осуждает «догматизм» Джеймисона, который отказывается признать революционный потенциал любой борьбы, если она не вписывается в марксистскую теорию революции, так как социальная философия Джеймисона имплицитно подразумевает резкое неприятие гендерных, расовых и сексуальных различий в автомодерне. Поэтому теория Джеймисона, хотя и выглядит как радикально левая, воспроизводит риторику радикально правых, направленную против любых либеральных освободительных импульсов [Samuels 2009, 54, 58]. Но Сэмюэлс не может не признать преимущества в теории Джеймисона, которые касаются апроприации культуры глобальным капиталом [Samuels 2009, 63].

Подводя итоги, мы можем сравнить две концепции современности в XXI в. – автомодерн и диджимодерн. Автор последней, Алан Кирби, тоже сосредоточивает внимание на идее «гипертек-

стуальности» и привлекает обилие эмпирического материала – видеоигры, кинематограф, интернет 2.0, мультипликацию и пр. [Kirby 2009]. В плане социально-философского аспекта Кирби является умеренным пессимистом, отмечая негативные тенденции диджимодекна (возвращение «великих ядовитых нарративов» и всеобщий культурный аутизм), но смотрит в будущее с надеждой, оставляя возможность для улучшения ситуации в эру позднего диджимодекна. Кирби редко обращается к философским идеям предшественников. Концепция Сэмюэlsa более фундированная, в ней сочетаются тонкие наблюдения за культурными трансформациями и философская полемика. В целом две эти версии «-модерна» скорее дополняют друг друга и удачно сочетаются, нежели оказываются непримиримыми.

Заключение

С момента выхода книги Сэмюэlsa прошло почти десять лет, и ситуация с новыми технологиями изменилась радикальным образом. Некоторые интуиции Сэмюэlsa, как стало ясно, оказались верными. Особенно это касается замечания относительно того, что мы, потребители новых технологий, чаще всего не участвуем в их создании и вообще не знаем о работе этих механизмов. Это не мешает нам пользоваться ими, но получается, что власть над нашими жизнями, поскольку теперь мы все зависим от автоматизации, находится в руках тех, кто придумал, развивает и распространяет эти технологии. Сэмюэлс не распространяется на этот счет, хотя именно это могло стать самой любопытной стратегией социально-философского анализа нашей эпохи. Однако у нас есть источник, в котором освещаются эти вопросы. Упомянутый в книге «Радикальные технологии: устройство повседневной жизни» Адам Гринфилд обращается к феноменам, получившим распространение в последние десять лет – смартфон, интернет вещей, дополненная реальность, криптовалюта, блокчейн, уничтожение физического труда, машинное обучение, искусственный интеллект и т.д. [Гринфилд 2018].

Самое важное в том, что, несмотря на трансформации в культурной жизни, социальная ситуация остается прежней, что оправдывает релевантность марксистской критики. Радикальные технологии вряд ли могут использоваться в целях освобождения, потому что они практически никак не меняют существующие виды господства. Однако Гринфилд успокаивает читателей, что все эти технологии вряд ли окажутся в руках одной всемогущей компании, и поэтому гегемония одного агента капитализма невозможна, а значит в условиях рыночной конкуренции невозможна и капиталистическая диктатура едино-

го центра силы. Обращаясь к эмпирическому материалу и объясняя сложные вещи простым языком, Гринфилд не концептуализирует свое исследование в том смысле, что не предлагает нового термина для описания сложившейся ситуации, т.е. остается верен традиционному марксистскому анализу. Но его книга является хорошим инструментом для того, чтобы сегодня мы могли верифицировать интуиции Сэмюэlsa. В любом случае чтение всех этих источников позволяет лучше понять информационно-технологическую эпоху, в которую мы живем – не важно, как мы будем ее называть, диджи-модерном или автомодерном.

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) Сегодня существует также концепт «digital natives» – «цифровые аборигены» или «цифровое поколение» – люди, родившиеся после цифровой революции.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андерсон 2011 – *Андерсон П.* Истоки постмодерна. – М.: Территория будущего, 2011.

Гринфилд 2018 – *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. – М.: Дело, 2018.

Марков 2018 – *Марков А.В.* Постмодерн культуры и культура постмодерна. – М.: Рипол-Классик, 2018.

Павлов 2018 – *Павлов А.В.* Образы современности в XXI веке: диджи-модернизм: рецензия на книгу Алана Кирби // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* 2018. Т. II. № 2. С. 197–212.

Жижек 2011 – *Жижек С.* Размышления в красном цвете. – М.: Европа, 2011.

Bourriaud 2015 – *Bourriaud N.* Altermodern // *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century* / Rudrum D., Stavris N. (eds.). – N. Y.; L.; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic. P. 219–230.

Brooks, Toth 2015 – *Brooks N., Toth J.* Introduction: A Wake and Renewed? // *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century* / Rudrum D., Stavris N. (eds.). – N. Y.; L.; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic. P. 183–190.

Childish, Thomson 2015 – *Childish B., Thomson Ch.* Remodernism // *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century* / Rudrum D., Stavris N. (eds.). – N. Y.; L.; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic. P. 106–107.

Eshelman 2008 – *Eshelman R.* Performatism, or the End of Postmodernism. – Aurora, CO: Davies Group, 2008.

Hutcheon 2002 – *Hutcheon L.* The Politics of Postmodernism. – N. Y.; L.: Routledge, 2002.

Jameson 1991 – *Jameson F.* Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. – L.: Verso, 1991.

Jameson 2007 – *Jameson F.* Postscript // Postmodernism: What Moment? / Goulimari P. (Ed.). – Manchester: Manchester University Press, 2007. P. 213–216.

Jenkins 2006a – *Jenkins H.* Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. – N. Y.: New York University Press, 2006.

Jenkins 2006b – *Jenkins H.* Fans, Bloggers, and Gamers: Exploring Participatory Culture. – N. Y.: New York University Press, 2006.

Kirby 2009 – *Kirby A.* Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. – N. Y. and L.: Continuum, 2009.

Lipovetsky 2015 – *Lipovetsky G.* Time Against Time, or The Hypermodern Society // Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century / Rudrum D., Stavris N. (eds.). – N. Y.; L.; New Delhi – Sydney: Bloomsbury Academic, 2015. P. 191–208.

Moraru 2011 – *Moraru C.* Cosmodernism. American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary. – Michigan: University of Michigan Press, 2011.

Nealon 2012 – *Nealon J.T.* Post-postmodernism, or The Logic of Just-in-time Capitalism. – Stanford: Stanford University Press, 2012.

Samuels 2007 – *Samuels R.* Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected / McPherson T. (ed.). – Cambridge (MA): The MIT Press, 2007.

Samuels 2009 – *Samuels R.* New Media, Cultural Studies, and Critical Theory after Postmodernism. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009.

Toth 2010 – *Toth J.* The Passing of Postmodernism: A Spectroanalysis of the Contemporary. – Albany: SUNY Press, 2010.

Van den Akker, Gibbons, Vermeulen 2017 – Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / Van den Akker R., Gibbons A., Vermeulen T. (eds.) – L.; N. Y.: Rowman and Littlefield International, 2017.

REFERENCES

Anderson P. (1998) *The Origins of Postmodernity* (Russian Translation: Moscow: Territoriya budushchego, 2011).

Bourriaud N. (2015) Altermodern. In: Rudrum D., Stavris N. (Eds.). *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century* (pp. 219–230). New York – London – New Delhi – Sydney: Bloomsbury Academic.

Brooks N., Toth J. (2015) Introduction: A Wake and Renewed? In: Rudrum D., Stavris N. (Eds.) *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century* (pp. 183–190). New York – London – New Delhi – Sydney: Bloomsbury Academic.

Childish B., Thomson Ch. (2015) Remodernism. In: Rudrum D., Stavris N. (Eds.) *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century* (pp. 106–107). New York – London – New Delhi – Sydney: Bloomsbury Academic.

Eshelman R. (2008) *Performatism, or the End of Postmodernism*. Aurora, CO: Davies Group.

Greenfield A. (2017) *Radical Technologies: The Design of Everyday Life* (Russian Translation: Moscow: Delo, 2018).

Hutcheon L. (2002) *The Politics of Postmodernism*. New York – London: Routledge.

Jameson F. (1991) *Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism*. London: Verso.

Jameson F. (2007) Postscript. In: P. Goulimari (Ed.) *Postmodernism: What Moment?* (pp. 213–216) Manchester: Manchester University Press.

Jenkins H. (2006a) *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press.

Jenkins H. (2006b) *Fans, Bloggers, and Gamers: Exploring Participatory Culture*. New York: New York University Press.

Kirby A. (2009) *Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. New York and London: Continuum.

Lipovetsky G. (2015) Time Against Time, or The Hypermodern Society. In: Rudrum D., Stavris N. (Eds.) *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century* (pp. 191–208). New York – London – New Delhi – Sydney: Bloomsbury Academic.

Markov A.V. (2018) *Postmodern of Culture and Culture of Postmodern*. Moscow: Ripol-Classic (in Russian).

Moraru C. (2011) *Cosmodernism. American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary*. Michigan: University of Michigan Press.

Nealon J.T. (2012) *Post-postmodernism, or The Logic of Just-in-time Capitalism*. Stanford: Stanford University Press.

Pavlov A.V. (2018) Images of Modernity in the Twenty-First Century: Digimodernism: A Review of Alan Kirby's Book. In: *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 2, no. 2, pp. 197–212 (in Russian).

Samuels R. (2007) Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. In: *Digital Youth, Innovation, and the Unexpected* (pp. 219–240). McPherson T. (Ed.). Cambridge, MA: The MIT Press.

Samuels R. (2009) *New Media, Cultural Studies, and Critical Theory after Postmodernism*. New York: Palgrave Macmillan.

Toth J. (2010) *The Passing of Postmodernism: A Spectroanalysis of the Contemporary*. Albany: SUNY Press.

Van den Akker R., Gibbons A., Vermeulen T. (Eds.) (2017) *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*. London – New York: Rowman and Littlefield International.

Žižek S. (2009) *Reflection in a Red Eye* (Russian Translation: Moscow: Evropa, 2011).

Еще раз о понятии «гражданское общество»: философский аспект

О.С. Волгин

*Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-114-129

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье говорится, что одной из ключевых проблем нашего понимания гражданского общества является то, как мы его себе представляем. При этом, во-первых, подчеркивается необходимость различать исторические типы гражданского общества: античный, новоевропейский и современный. Они аксиологически существенно различны, что не дает основания применять идеологические и методологические установки, разработанные для описания и анализа античного и новоевропейского типов к анализу современного гражданского общества. Во-вторых, обращается внимание на гносеологический аспект исследования гражданского общества, а именно, на сущностное изменение фундаментальной философской категории «всеобщее», без которой невозможно создание адекватной социальной теории, в нашем случае – теории гражданского общества. В-третьих, автор трактует понятие «гражданина» не в формально-правовом смысле, а в экзистенциально-личностном, включая его в контекст диалектики «Всеобщего-Особенного-Единичного». В-четвертых, автор исследует феномен современного гражданского общества как явление, порожаемое современным сложноорганизованным обществом, основополагающими качествами которого являются разнообразие и индивидуальность. Автор делает вывод, что гражданское общество не есть общество в привычном смысле слова, а представляет собой некую «почвенную структуру», своеобразный социальный «мицелий», оплодотворяющий социальную систему новыми возможностями. В заключении автор приводит в пример одну из классификаций зрелости гражданского общества, используемой международной исследовательской и просветительской организацией «Civicus», и делает вывод, что в современном мире разнообразия логика властных отношений предполагает кооперацию различных субъектов власти, в числе которых одним из наиболее влиятельных является гражданское общество.

Ключевые слова: гражданское общество, теория гражданского общества, гражданин, личность, «всеобщее», сложноорганизованное общество, мир разнообразия.

Волгин Олег Степанович – доктор философских наук, профессор кафедры государственного управления Московского государственно-

О.С. ВОЛГИН. Еще раз о понятии «гражданское общество»: философский аспект
го института международных отношений (Университета) МИД России.

oleg.volgin@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0156-8234>

Цитирование: Волгин О.С. (2018) Еще раз о понятии «гражданское общество»: философский аспект // Философские науки. 2018. № 10. С. 114–129.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-114-129

Once More about the Concept of Civil Society: A Philosophical Approach

O.S. Volgin,

MGIMO University, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-114-129

Original research paper

Summary

There is a huge number of publications devoted to civil society. Nevertheless this theme is inexhaustible, because the very subject of it is multi-dimensional and changing along with the evolution of society. Alongside this, one of the key problems of the civil society theory is a problem of its perception in our mind. Answering these questions, the author, at first, stresses the necessity to differ three historical types of civil society: ancient classical polis, civil communities of the Modern History and contemporary civil society. They all are substantially different *inter se* from the axiological point of view. That is a reason not to use the ideological and methodological curves developed for historically previous types of civil society for the analysis of contemporary one. Secondly, the author focuses attention upon epistemological aspect of the civil society theory, in particular he proposes to rethink the concept of “totality” not in a formal logic way but in the “logic” of living systems in order to be able by means of this concept to express the unity of the diversity of social system. Thirdly, the author treats the concept of “citizen” in informal sense, stresses its existential, personal content and contemplates it through the dialectical relation of “totality-peculiarity-individuality.” Fourthly, the author researches the phenomenon of contemporary civil society as a counterpart of a state in the complex society the main features of which are the diversity and individuality. He comes to the conclusion that the civil society is not a society in common sense, but rather is some kind of “soil structure,” so called “social mycelium” that fertilizes social system with new opportunities. In the final part of the article author gives the example of one of the approaches to estimate the degree of maturation of civil society, proposed by the world-wide international organization “Civicus.” He stresses that the logic of power distribution in con-

temporary society presupposes cooperation of different actors, and one of the most influential of them is the civil society.

Keywords: civil society, theory of civil society, citizen, person, totality, complex society, world of diversity.

Oleg Volgin – D.Sc. in Philosophy, Associate Professor at the Department of Public Administration of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

oleg.volgin@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0156-8234>

Citation: Volgin O.S. (2018) Once More about the Concept of Civil Society: A Philosophical Approach. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 114–129.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-114-129

Введение

Хорошо известно, что самые распространенные научные понятия являются и самыми неопределенными, точнее такими, смысл которых каждый понимает по-своему. А поэтому, как правило, люди стараются не вдаваться в их обсуждение, чтобы избежать возможных теоретических конфликтов, грозящих обоюдным молчаливым укором в профессиональной некомпетентности.

В частности, сколько бы ни писали о гражданском обществе, само это понятие по-прежнему остается проблемным. И вот почему. Оно не попадает ни в одну известную классификацию. Оно не вписывается в марксистскую формационную «пятичленку» (первобытно-общинное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, коммунистическое общество). Его нельзя поставить в парное отношение к азиатскому способу производства. Оно не ложится в триаду «доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное» общество. Оно – не антипод «атомистического общества» хотя бы потому, что атомистическое общество есть *contradictio in adjecto*, т.е. в строгом смысле слова вообще не является обществом. Оно не стоит в понятийном ряду с обществом тоталитарным, авторитарным или демократическим, хотя демократический стиль организации органично присущ гражданскому обществу. Оно не есть общество в таком значении, в котором мы ставим знак равенства между обществом и государством. Оно и не есть совокупность множества самостоятельных, добровольных, самоорганизующихся сообществ, потому что давать определение чему бы то ни было через указание на «совокупность составляющих его частей» является логически ошибочным способом определения предмета, поскольку обобщение не есть определение,

хотя, надо признать, этот способ чрезвычайно широко распространен в обществоведческой и вообще научной литературе.

Если охватить дискуссии по теории гражданского общества, то мы увидим, что основное внимание ученых привлекают несколько вопросов: 1) является ли гражданское общество определенным культурным типом общества (например, западным) или оно есть долгожданный всечеловеческим типом, 2) каково его отношение с государством, 3) каковы основные критерии зрелости гражданского общества. Это вопросы культурологического или политологического уровня. Но есть еще два вопроса, требующие политико-философского анализа, которые обычно остаются за пределами культурологических и политологических дискурсов, и которые, по нашему мнению, являются ключевыми для понимания гражданского общества. Это вопросы трактовки понятия «гражданин» и связанного с ним понятия «всеобщность».

Что значит быть гражданином?

Так что же такое «гражданское общество», какой социальной реальности соответствует это понятие? Первое, что следует сказать, это то, что мы должны различать три типа гражданского общества: 1) античное или, полисное, 2) новоевропейское, или буржуазное, и 3) современное. Эти типы качественно различны, имеют различные базовые ценности. Античное гражданское общество было обществом доблести. Гражданское общество Нового времени – обществом торговли и частного интереса, современное – обществом толерантности и личной ответственности. При всей фундаментальной разнице их объединяет одно – центральная фигура – гражданин. Поэтому самым общим, кратким и безупречным определением гражданского общества будет такое: *«гражданское общество – это общество граждан»*.

К этому определению нельзя ничего добавить и ничего от него отнять. Но оно настолько общее, что мало что поясняет и к нему возникает масса вопросов. И, естественно, первый – какое содержание включает в себе понятие «гражданин». Имеется в виду действительное содержание, а не формальное, поскольку в философском плане нас не может удовлетворить формальное – «имеет право избирать и быть избранным». Нужно определенное отношение к общественному богатству. Т.Х. Маршалл определил это отношение как претензию на «определенную долю общественного наследия, что в свою очередь означает претензию на полноценную принадлежность к этому обществу, т.е. на то, чтобы быть гражданином» [цит. по: Капустин 2011, 151]. Верно заметил и П. Розанваллон: «Гражданин рассматривается через

двойную призму – субъекта как носителя собственных прав и члена определенного сообщества. Это индивид и народ в одном лице» [Розанваллон 2014, 44]. То есть речь должна идти об индивиде, в индивидуальном бытии которого представлено также и Всеобщее. Такому двойному бытию может соответствовать следующее определение: «гражданин есть человек, который сознательно и добровольно может участвовать или не участвовать во всех общественных делах». Гражданин сам решает в отношении общественно важных дел – принимать в них участие или нет. Если у него нет допуска к определенным сферам, требующим особой квалификации и соблюдения условий, то нет для него и никаких внешних преград для получения этой квалификации и соблюдения условий. Если же человек не возражает против ограничений, накладываемых на него государством, которое говорит ему: «вот сюда ты смотреть не должен и этого тебе знать не надо», значит – этот человек еще не вполне гражданин. Или, если государство заставляет человека служить целям, которые человек не разделяет, но отказать государству не может в силу принуждающего к службе закона, то этот человек тоже не вполне гражданин. Таким образом, гражданин – это в любом случае вполне свободная личность. Но такая личность, свобода которой не ограничивает свободы других членов общества. Отсюда и простая зависимость: чем более политическая и правовая системы общества позволяют людям проявлять себя в качестве личностей, тем более зрелым в гражданском отношении становится общество.

Нетрудно заметить, что имея в своей основе свободную личность, гражданское общество не может быть похоже на соборную общность, в стиле солнечных сталинских плакатов, изображающих единство народов, дружно идущих к светлому будущему. Наоборот – это общество, которому свойственны проблемы, противоречия и конфликты. Но такое, которое умеет разрешать конфликты не прибегая к способу, доминировавшему в истории и до сих пор во множестве обществ предпочитаемому властью, – принуждению личности. В силу неприятия инструментов принуждения его можно было бы назвать толерантным, если бы в нашем сознании за толерантностью часто не скрывался признак беспринципной безразличности.

В пику такой псевдо-толерантности гражданское общество не безразлично к различию, напротив, оно приветствует различие. И при этом – это общество принципов. Их немного: принцип *равенства прав*, принцип *уважения чужого мнения* (если оно придерживается принципа равенства прав), принцип *личной ответственности* перед другой личностью и обществом в целом и принцип *честности*.

Назвав эти принципы, мы осознаем, что в действительности нет, не было и возможно не будет ни одного общества, в котором люди безукоризненно следовали бы этим принципам. Они не вполне выполняются даже такой базовой ячейке общества, как семья, которую Шарль Фурье назвал местом, где человека учат жить для другого. И тогда снова встает вопрос, что же это за странное общество, не есть ли оно плод нашей фантазии, или говоря научным языком – идеализации некоторых желаемых положительных качеств общежития?

На этот вопрос проще всего ответить, обратившись к античному типу гражданского общества. Проще, потому что в сравнении с современным гражданским обществом, оно было не столько сложно организовано. Общество и государство в античном полисе были еще не разделены, а потому гражданские добродетели были и добродетелями государственными. Аристотель писал: «О том, кто имеет участие в законодательной или судебной власти, мы можем утверждать, что он и является гражданином данного государства. Государством же мы и называем совокупность таких граждан, достаточную, вообще говоря, для самодовлеющего существования» [Аристотель 1984, 446, 1275b15–20].

В новоевропейском обществе в силу его возросшей сложности, гражданские отношения становились только частью всей совокупности общественных отношений и имели в основном экономическую основу и цели. Гражданское общество здесь являлось сегментом «большого общества», выражающим интересы среднего класса. Новой, исторически значимой чертой этого сегмента явилось то, что он стал проявлять универсальные притязания на правовое равенство и равные стартовые возможности в сравнении с другими властными сословиями.

В том, что часть общества присваивает себе всеобщие или, по-другому, верховные права, в этом нет ничего исторически специфического: любая власть всегда это делала. Новым было то, что в становящемся буржуазном обществе частному собственнику не нужно было скрывать свой частный интерес, чтобы выдавать его за общественный. Инструментом легитимации этого всеобщего частного интереса стал институт парламента. Превращение парламента в рупор публичной власти проходило на фоне десакрализации королевской власти. Подданный, не переставая им быть, обретал новую ипостась, он становился еще и гражданином. На эту трансформацию, например, у английского парламента ушло более пяти столетий. Окончательное формирование новоевропейской идеи гражданина происходит в эпоху Просвещения. Прежние ценности античной доблести и средневековой верности уступали место ценностям прагматическим, среди которых центральной

стала идея *личной выгоды*. По меткому замечанию А. Смита, в таком обществе «каждый человек – торговец» [Тённис 2002, 82]. Эта истина и сегодня не потеряла своего значения. Но в Новое время она обозначила очень важное изменение, заключающееся в разделении трех социообразующих функций: власти, насилия и обладания богатством. В добуржуазных обществах власть, насилие и богатство соединялись в одних руках. В гражданском обществе это не так. «Здесь, – замечает Э. Геллнер, – лучший способ заработать деньги – это напрямую их заработать. Причем это возможно делать, и не имея власти, и не имея дела с властями. (Фактически это может служить определением гражданского общества)» [Геллнер 1995, 80]. Важно, что гражданское общество открывало возможность строить общественные отношения, избегая *насилия*. Именно эту тему сделал главной в своей социально-политической теории И. Кант. В небольшой, но фактически программной для теории гражданского общества работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1884) он определяет три условия, позволяющих создать общество без насилия: «правильное понятие о природе возможного (государственного) устройства, большой, в течение многих веков приобретенный опыт и, сверх того, добрая воля, готовая принять такое устройство» [Кант 1966, 22]. За первое условие должна отвечать наука, за второе – время, а за третье – сам гражданин. В «Критике практического разума» Кант приходит к выводу, что добрая воля, во-первых, не заложена в нас природой, т.е. другими словами, есть не естественное, а искусственно выращиваемое качество личности, и, во-вторых, не имеет договорной основы, так как договаривающиеся стороны преследуют свой частный интерес. Поэтому добрая воля может быть только результатом сознательного определения гражданином своего поведения по отношению к другим людям. И определяя эту неестественную, но необходимую форму поведения, Кант выводит деонтологическое правило: «Нет ничего более святого в мире, чем права другого». И далее он замечает: «Доброта – это изобилие» [Кант 2000, 191]. Тем самым, он, видимо, хочет сказать, что у нас нет оснований рассчитывать на доброту окружающих людей, ибо такое поведение по отношению к нам было бы с их стороны изобилием, роскошью. Но мы должны, со своей стороны, быть изобильными по отношению к другим. Только так мы можем очеловечить общество: где каждый человек, увы, – торговец.

Марксизм потому не принял идею гражданского общества, что в силу свойственной ему циничности в отношении природы человека не верил в возможность кантовского нравственного изобилия. В «Немецкой идеологии» основоположники марксизма вывели прямую зависимость между материальной бедностью и безнрав-

ственностью. «Развитие производительных сил, — писали они, — является абсолютно необходимой практической предпосылкой... потому, что без него имеет место лишь всеобщее распространение *бедности*; а при *крайней нужде* должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость» [Маркс, Энгельс 1955, 33].

В отношении гражданского общества марксизм явил пример интересной гносеологической закономерности, когда познающий субъект невольно переносит свои собственные признаки на изучаемый им объект. Так, марксизм оценил гражданское общество как исторически преходящее, которому на смену должно прийти общество человеческое. Ошибка марксизма заключалась в том, что он прочно связал человеческую природу с характером экономических отношений, не заметил, что человек в любых экономических условиях остается в конечном счете неуловимым для этих отношений существом высшего порядка. Поэтому исторически ограниченным оказалось не гражданское общество, а сам марксизм. Реальный капитализм еще при жизни Маркса и Энгельса явно демонстрировал способность эволюционировать под влиянием человеческого «нравственного изобилия» в общество, где рядом с вещным капиталом все более значимым становился человеческий капитал. И именно человеческий капитал приводит к кардинальным изменениям в плане возможности гражданского общества превращаться из идеи в реальность.

Философия новой всеобщности

Современное общество является сложноорганизованным. Однако это понятие еще не конкретизирует его, поскольку нет общепринятых критериев, оценивающих степень его сложности. Мы отмечаем только, что общество становится все более сложным и все более удаляющимся от общества механической солидарности в трактовке Э. Дюркгейма, в отношении которой выдающийся социолог повторял известную поговорку: «Кто видел одного туземца Америки, видел их всех» [цит. по: Дюркгейм 1991, 129]. В данном случае можно согласиться с определением сложноорганизованного общества, данное итальянским политическим философом Данило Дзоло, которое подчеркивает высокую степень общественной дифференциации и специализации, когда «различные субъективные опыты становятся несопоставимыми в принципе» [Дзоло 2010, 34].

Современность обнаруживает принципиально новые черты социальной организации, пока еще не вполне философски и научно осмысленной. Однако многие исследователи уже указывают на главную вполне определившуюся черту нового общества: оно

тяготеет к индивидуализации. Модерн еще не был индивидуализированным. От традиционно-мифологического «мы» он перешел к «мы» социальному, породив общество масс. В нем еще сильно звучат ноты уходящего традиционализма. Традиционное «мы» здесь заместилось профанным массовым сознанием. Г. Гегель несколько поспешил с выводом, когда заключил, что «Принцип нового мира есть вообще свобода субъективности, требование, чтобы могли, достигая своего права, развиваться все существенные стороны духовной тотальности» [Гегель 1990, 314]. Субъективность здесь стала не индивидуализированной, а массовой, породив внутренне противоречивого индивида – «субъекта массы». Поэтому в модерне есть это внутреннее противоречие между неповторимостью и массовостью. Осознание личной неповторимости субъекта приходит сейчас в обществе постиндустриальном, где экономические, правовые и политические условия созрели до необходимого уровня, чтобы дать возможность индивиду строить свою уникальную среду жизни. Подчеркивая то обстоятельство, что определяющей чертой современного общества становится неповторимость, П. Розанваллон на наш взгляд удачно называет его «новым миром разнообразия».

В этом новом мире разнообразия ключевой, по-видимому, должна стать новая теория государства как обобщающая и отражающая те изменения, которые произошли в сфере общественного управления. Применительно к теме гражданского общества она должна включить в свой предмет новые реалии, обусловленные диверсификацией форм участия граждан в общественной жизни. Зачатая в XIX в. теория государства всеобщего благоденствия, реализация которой пришлась на вторую половину XX в., сегодня для многих стран уже не является путеводной звездой. П. Розанваллон справедливо замечает: «В более широком плане само понятие государства всеобщего благоденствия в данном контексте (т.е. в мире разнообразия. – *О. В.*) изменило свою природу. Оно уже не может довольствоваться традиционной защитой, а должно помогать людям управлять своими планами и событиями, с которыми им приходится сталкиваться» [Розанваллон 2015, 78]. Ключевая мысль здесь схвачена верно: государство должно помогать людям реализовывать их *индивидуальные* жизненные планы. Индивидуализация частной жизни затронула саму суть государства. Теперь его главная забота не абстрактное всеобщее благо, благо нации, а конкретное благосостояние каждого отдельного гражданина, забота о единичном и неповторимом. Такова ныне задача гегелевской Абсолютной идеи, «шестствующей по земле». В гегелевской диалектике есть предвидение этого превращения, поскольку он часто замечал в своих произведениях, что между единичным и всеобщим нет бытийного разрыва, в единичном

всегда «светится» всеобщность. В политическом контексте эту закономерность выразил также современник Гегеля Бенжамен Констан в дискуссии о правах меньшинства, высказав несомненную истину, что «защищая права меньшинства, мы, таким образом, защищаем права всех» [цит. по: Розанвалон 2015, 84].

Превращаясь в защитника индивидуальности, изменяет ли государство самому себе? По-видимому, нет. Природа государства такова, что оно всегда является выразителем всеобщего начала, хотя, важно заметить, что в разные исторические эпохи и в разных цивилизационных условиях всеобщность понималась по-разному. Она могла отождествляться с пантеоном богов или фигурой деспота, демократически выбранного стратега или народного собрания (экклесии), философского Абсолютного Духа или революционного класса, но всегда оставалось одно качество всеобщности, представленное в идее государства, – оно, государство, умаляло личность, что дало Ф. Ницше повод утверждать, что человек начинается там, где кончается государство. Поэтому так решительно О. Конт отверг гегелевскую Абсолютную идею и саму спекулятивную философию даже если она провозглашала прекрасные идеалы Свободы, Равенства и Братства. Убеждение Конта было в том, что никакие идеалы не стоят индивидуальной человеческой жизни. Тем более, что свобода и равенство могут быть достижимы посредством служения иной всеобщей идее – научному, позитивному знанию. Жезл служителей этому новому всеобщему «богу» он передал ученым и инженерам.

Позитивная наука второй половины XIX в. отвергла веру в объективность философских идей и категорий: не они определяют земную жизнь людей, а, наоборот, наша жизнь определяет то, как мы понимаем эти категории. И вскоре этому позитивистскому тезису нашлось живое подтверждение. В начале XX в. два социальных актора стали притязать на право всеобщности в деле управления обществом: для марксистов им стал рабочий класс, для национал-государственников – это чистые представители арийской расы. В обоих случаях частные притязания на право всеобщности оказались разрушительными для общества. В послевоенное время с 1960-х по 1980-е гг., идея всеобщности обернулась приоритетом общечеловеческих ценностей, однако начавшееся с 1990-х г. противостояние цивилизаций дискредитировало и эту ее форму. Сегодня, в начале XXI в., мы вновь ощущаем потребность переосмыслить идею всеобщности.

Каким мы должны увидеть всеобщее в новом мире разнообразия? Вопрос специально поставлен так, чтобы подчеркнуть приоритет субъекта в понимании того, что мы привычно называем объективной реальностью. Философские категории – это интеллектуальные

инструменты «разметки», своеобразного «картографирования» окружающего мира. Они помогают систематизировать и организовать его для того, чтобы мы могли целенаправленно действовать в нем. Всеобщность, понимаемая по-гегелевски как суммативная тотальность, в которой нельзя не почувствовать механистический дух того времени, дала возможность марксистам увидеть социальный мир разделенным на классы и понять борьбу классов как движение к реализации этой тотальности к обществу без классов, без частной собственности, меновых отношений в экономике, без государства и даже без права. Сквозь линзу таким образом понимаемой всеобщности можно было увидеть массовидное содержание социального бытия, но нельзя увидеть его индивидуально-личностное содержание. Последнее размывается в поле зрения подобно тому, как по краям линзы изображение претерпевает абберацию и детали объекта становятся неразличимыми.

Мир разнообразия, в который мы сегодня входим, требует другой топографии, иного искусства видения целого. Невозможно отрицать, что «Индивидуальное – Особенное – Всеобщее» – вечные философские категории. Но они такие потому, что они суть явления культуры и исторически изменяются. По-видимому, разумно предположить, что ориентация в социальном мире разнообразия заставит нас искать когнитивные аналоги в мире живой природы, в этой лаборатории бесконечного разнообразия. Традиционно мы воспринимаем мир живого в узкой плоскости биологии XIX в., позволяющей увидеть только, что сильный здесь пожирает слабого, и из этого выводим плоскую житейскую мораль: если хотим жить, надо всех побеждать.

Это была бы правда, если бы наше научное мировоззрение оставалось в позитивистской парадигме XIX в. Но тогда мы бы не заметили чарующей, удивительной гармонии живого мира, где царит совершенное единство разнообразия и всеобщая зависимость реализуется не только в форме питательных цепей, но и в форме кооперации и взаимопомощи. Новый взгляд на живую материю дал нам новые научные направления, такие как: теория систем, кибернетика, синергетика. В политической науке все активнее используется понятие гетерархии, предложенное нейropsychологом У. Маккаллоком (W. McCulloch), позволяющее описывать взаимовлияние разных управленческих и властных структур, где нельзя выделить доминирующих акторов. Тем не менее надо признать, что современная наука социального управления еще очень далека от «опыта живой природы». Вот почему нам не следует избегать биологических аналогов при формулировке идеи всеобщего, в рамки которой вписывается и такой важный элемент социального организма, как гражданское общество.

Гражданское общество как живой организм

В современном сложноорганизованном обществе гражданское общество уже не сегмент (как в Новое время), объединяющий определенные социальные слои (средний класс), а своего рода «почвенная структура» или, если использовать биологический аналог, плодоносный «социальный мицелий», порождающий социальные образования, которые мы называем организациями и институтами гражданского общества. Биологическая аналогия здесь удачно подходит. Как мицелий обогащает почву для развития разнообразной флоры и фауны, так и гражданское общество, подобно плодотворному мицелию, образует глубинную структуру общества, пронизывает все его сферы: политическую, экономическую, этническую, культурную и пр., оплодотворяя социум новыми возможностями развития. Но при этом оно задает и границы этого развития, отсекая возможности возвращения к авторитарным и тоталитарным формам власти.

Чтобы воспринимать гражданское общество органично, нужно признать, что оно есть нечто большее, чем система социальных отношений, формально зафиксированных в нормах общественного договора, что оно прежде всего есть *особая культура восприятия окружающей реальности*.

Но что означает эта особость? Прежде всего то, что гражданское общество начинается с индивида, его взглядов на то, каким должно быть общество и его активной позиции, готовности отстаивать свои взгляды. Невозможно уверенно утверждать, что это есть необратимая черта современности, но несомненно это – системный признак гражданского общества.

Чтобы суметь по-новому увидеть окружающую реальность как органическую целостность, мы должны пробудиться от марксистского гипноза, навеянного верой в естественно-исторический ход общественного процесса. Ф. Энгельс в прощальной речи на могиле К.Маркса предельно ясно выразил ее суть: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории» [Энгельс 1961, 350]. Марксисты десятилетиями утверждали, что история имеет свою внутреннюю логику и движется к какому-то объективно заданному итогу. Ограниченность такого взгляда была в том, что он без внимания оставил нравственную составляющую человеческой деятельности, определяющую границы дозволенного. Этот недостаток заметили другие философские направления: экзистенциализм, персонализм, кантианство, – и особенно хочется отметить русскую религиозную философию, которой дано было видеть духовную целостности органического бытия. Обращенность к теме духа позволила ей избежать методологической односто-

ронности и объединить противоположные принципы холизма и элементаризма, универсализма и персонализма.

Проблема диалектики целого и части была одной из главных для русской философии. Особенность подхода к ней была в том, что она видела ее не абстрактной, как у Гегеля, а привязывала ее к социальному бытию, поэтому по сути она была социальной философией. Она стремилась найти правильную формулу гармонии частного и общего, имея в виду общество. Собственно практическая ценность философии как таковой и заключается в том, чтобы выразить искомую формулу в Слове. Верно найденное Слово открывает нам глаза на новые грани реальности. Мы начинаем видеть мир по-другому. А значит, можем ставить себе новые цели, другими критериями оценивать то, что имеем и что должно быть.

Сегодня нам надо найти новые слова и новые философские смыслы для понимания органической природы общества. Социальная теория, исходящая из системы ценностей потребительского общества, не может этого сделать, поскольку бытие потребителя замкнуто в мире частных вещей. А для правильного Слова нужно найти формулу синтеза частного и общего. По нашему мнению, такую формулу нашел еще в XIX в. В.С. Соловьев. Вот она: «Частное бытие идеально или достойно, лишь поскольку оно не отрицает всеобщего, а дает ему место в себе, и точно так же общее идеально или достойно в той мере, в какой оно дает в себе место частному. Отсюда легко вывести следующее формальное определение идеи или достойного бытия. Она есть *полная свобода составных частей в совершенном единстве целого*» [Соловьев 1990, 330].

Прагматик или позитивист, кто ценит Дело больше, чем Слово, глядя на эту формулу возразит, что это – отвлеченный идеал и он не возможен. Но в том то и ценность идеалов, что они определяют вектор нашего движения вперед и являются мерилom нашего реального успеха в деле такой *организации* жизни, которая соответствует своему изначальному значению, берущему начало от слова «организм». Ведь идеалом организации является организм. Гражданское общество и есть такой «почвенный организм», в котором осуществлена «полная свобода составных частей», не противоречащая «совершенному единству целого», что входит в заботу государства. Обратимся же к конкретным примерам, демонстрирующим, как эта «почвенная» структура позволяет реализовать полную свободу составных частей в рамках единства целого.

О критериях оценки гражданского общества

Как говорилось выше, гражданское общество начинается с особого индивидуального мировосприятия, такого, которое не реплицирует механически цели, задачи и инструментарий государственного управления, но нацелено на сферу *индивидуального* обустройства

в обществе, где высшим приоритетом является благо всех. Короче говоря, оно начинается с индивидуальной гражданской активности. «Почвенный мицелий» гражданского общества порождает ее разнообразные формы проявления. Их можно подразделить на *индивидуальные* (деятельность отдельных лиц) и *коллективные* (активность товариществ, профессиональных, гендерных или возрастных сообществ, землячеств и пр.), *позитивные* (направленные на поддержку своими средствами целей и задач государства) и *негативные* (гражданское неповиновение), *национальные* (политические партии, массовые движения, народные фронты и пр.) и *международные* (международные общественные организации, профессиональные научные, культурно-просветительские творческие, ветеранские и иные сообщества, институт побратимства городов).

Сегодня этот «мицелий» стал глобальной реальностью, он распространяется повсеместно, хотя в различных политических и культурных условиях это происходит в различных формах и различной степени. Однако общей судьбой гражданских сообществ является то, что их нигде власть не ждет. Им везде нужно преодолевать сопротивление антидемократическим тенденциям, которые в последнее время усилились, и в дальнейшем будут нарастать, прежде всего с ростом глобального экономического и информационного неравенства. Борьба гражданского общества с государством, с одной стороны, и традиционными институтами, с другой, за свое существование будет принимать напряженный и драматический характер. В ежегодном отчете за 2017 г. международной организации «Civicus», которая уже более 20 лет ведет региональный мониторинг состояния гражданского общества, оценка включенности гражданского общества в систему политических отношений проводится по четырем критериям: *прозрачность* политических отношений, *включенность* различных социальных слоев в общественные практики, *гибкость* социальной политики, *политический активизм* населения.

Согласно данным критериям предлагается следующая схема рейтинга «гражданского пространства» в различных странах [Civicus 2017]:

1) «Open» – гражданское пространство в этих странах является открытым, легко воспринимающим социальные инновации. Это страны Северной Европы, Германия, Нидерланды, Австрия, Бельгия, Ирландия, Португалия.

2) «Narrowed» – гражданское пространство в этих странах ограничено, но его расширение не является серьезной проблемой для общества. В эту группу входят США, Канада, Аргентина, Чили, Южная Африка.

3) «Obstructed» – пространство гражданского общества в этих странах серьезно ограничено и его расширение затруднено вследствие незрелой политической культуры населения. Сюда в отчете

«Civicus» относятся Украина, Казахстан, Бразилия, Перу, Индия, Мали, Нигер, Танзания, Индонезия и др.

4) «Repressed» – гражданское общество в этих странах испытывает репрессивное давление государства. К этим странам «Civicus» относит Россию, Турцию, Мексику, Венесуэлу, Алжир, Анголу и др.

5) «Closed» – страны, где государство подавило самые возможности для развития гражданского общества. К этой группе стран относятся Ирак, Китай, Вьетнам, Туркменистан, Таджикистан, Ливия, Египет, Судан, Сомали, Йемен, Саудовская Аравия и ряд других в основном африканских стран.

Вследствие такого разнообразия форм и различной степени развития гражданской культуры в политической науке, уже давно дискутируется один из принципиально важных вопросов: является ли гражданское общество феноменом только европейской цивилизации или же оно имеет общемировое значение? И хотя эта тема – предмет отдельного разговора, нужно заметить, что реальность берет свое. На фоне глубоких, без преувеличения можно сказать, революционных социальных преобразований в сфере материального производства, информационных технологиях, здравоохранении, образовании, культуры досуга данный спор теряет свое значение. Общемировыми доминантами социальных изменений становятся права человека, развитие новой культуры управления в мире сетевых структур, культуры, которая предполагает уже не массовость, а максимальную *инклюзивность*, глубокое осознание социальной ответственности, необходимость учитывать многофакторность развития, справедливое распределение не только плодов прогресса, но и усилий, затрат и рисков.

В современном мире разнообразия государство уже не может быть не только единственным, но и ведущим игроком. Сама логика управления, построенная по принципу «ведущий – ведомый», уходит в прошлое, уступая место кооперации различных властных структур. И гражданское общество становится наиболее значимым из них.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1984 – *Аристотель*. Политика. Соч.: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984.

Гегель 1990 – *Гегель Г.* Философия права. – М.: Мысль, 1990.

Геллнер 1995 – *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Московская школа политических исследований, 1995.

Дзоло 2010 – *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. – М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2010.

Дюркгейм 1991 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991.

Кант 1966 – *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1966.

Кант 2000 – *Кант И.* Лекции по этике. – М.: Республика, 2000.

Капустин 2011 – Капустин Б. Гражданство и гражданское общество. – М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2011.

Маркс, Энгельс 1955 – Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3. – М.: Гос.издат политической литературы, 1955.

Розанваллон 2014 – Розанваллон П. Общество равных. – М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014.

Розанваллон 2015 – Розанваллон П. Демократическая легитимность. – М.: Московская школа гражданского просвещения, 2015.

Соловьев 1990 – Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Соч.: В 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990.

Тённис 2002 – Тённис Ф. Общность и общество. – М.: Владимир Даль, 2002.

Энгельс 1961 – Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

Civicus. State of Civil Society Report. 2018. URL: <https://www.civicus.org/index.php/state-of-civil-society-report-2018> (accessed 10.07.2018).

REFERENCES

Civicus (2018). *State of Civil Society Report*. Available at: <https://www.civicus.org/index.php/state-of-civil-society-report-2018> (accessed 10.07.2018).

Durkheim E. (1991) *The Division of Labour in Society. The Method of Sociology*. Moscow: Nauka (Russian translation).

Engels F. (1961) Karl Marx's Funeral. In: Marx K. & Engels F. *Works* (2nd ed., vol. 19). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Gellner E. (1994) *Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals*. New York: Penguin Press (Russian translation: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 1995).

Hegel G.W.F. (1990) *Philosophy of Law*. Moscow: M.: Mysl.

Kant I. (1966) *Works in 6 vols*. Vol. 6. Moscow: Mysl (Russian translation).

Kant I. (2000) *Lectures on Ethics*. Moscow: Respublika (Russian translation).

Kapustin B. (2011) *Citizenship and Civil Society*. Moscow: Vysshaya shkola ehkonomiki (in Russian).

Marx K. & Engels F. (1955) *German Ideology*. In: Marx K. & Engels F. *Works* (2nd ed., vol. 3). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Rosanvallon P. (2014) *The Society of Equals*. Moscow: Moskovskaya shkola grazhdanskogo prosveshcheniya (Russian translation).

Rosanvallon P. (2015) *Democratic Legitimacy*. Moscow: Moskovskaya shkola grazhdanskogo prosveshcheniya (Russian translation).

Solov'ev V.S. (1990) *The Beauty in the Nature*. In: Solov'ev V.S. *Works in 2 vols* (Vol. 2). Moscow: Mysl.

Tönnies F. (2002) *Community and Society*. Moscow: Vladimir Dal (Russian translation).

Zolo D (1992). *Democracy and Complexity: A Realistic Approach*. Cambridge, UK: Polity Press (Russian translation: Moscow: Vysshaya shkola ehkonomiki, 2010).

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ. СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Историко-философский экскурс

О возвращении к метафизике в аналитической философии сознания

Г.А. Золотков

Институт философии РАН;

Школа философии НИУ ВШЭ, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-130-142

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассматривается изменение парадигмы исследования в контексте аналитической философии сознания. В настоящее время проблемы, связанные с философией сознания, представляются исключительно трудными. Как известно, у истоков аналитической философии сознания стояли две значимые философские программы: логический позитивизм и философия обыденного языка. Общей чертой обеих программ можно назвать отчетливый антиметафизический пафос. Этот пафос в значительной степени определил языковой характер исследований философских проблем сознания. Тем не менее, при реконструкции развития аналитической философии сознания после потери популярности логического позитивизма и философии обыденного языка можно обнаружить постепенное угасание этого пафоса и параллельное возвращение к философствованию традиционного метафизического типа. В работах исследователей, писавших в аналитической парадигме в течении последующих 30 лет, можно отметить значимый методологический отход от подобных взглядов. Также можно сказать, что современные исследования в области философии сознания в значительной мере разошлись в понимании целей и задач философии сознания с предшествовавшими программами. На основе общей картины развития аналитической философии сознания, полученной при реконструкции этих взглядов, автором делается вывод о смене изначальной антиметафизической исследовательской парадигмы. Причины этого изменения автор пытается обнаружить в основоположениях работ авторов, относимых к логическому позитивизму и философии обыденного языка. В настоящей статье рассматриваются тексты двух ведущих критиков метафизики в философии сознания: К. Гемпеля и Г. Райла. Данная реконструкция позволяет на основе предлагаемого анализа подвергнуть критике распространённое пред-

ставление о методологическом единстве аналитической философии сознания.

Ключевые слова: аналитическая философия сознания, Гилберт Райл, Карл Гемпель, лингвистический бихевиоризм, метафизика, критика традиционной философии сознания.

Золотков Григорий Алексеевич – магистр философских наук, аспирант Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

zolotkov_grigory@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-1013-8778>

Цитирование: Золотков Г.А. (2018) О возвращении к метафизике в аналитической философии сознания // Философские науки. 2018. № 10. С. 130–142.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-130-142

On the Return to Metaphysics in Analytical Philosophy of Mind

G.A. Zolotkov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences;

*National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-130-142

Original Research Paper

Summary

The article examines the change of theoretical framework in analytic philosophy of mind. It is well known fact that nowadays philosophical problems of mind are frequently seen as incredibly difficult. It is noteworthy that the first programs of analytical philosophy of mind (that is, logical positivism and philosophy of ordinary language) were skeptical about difficulty of that realm of problems. One of the most notable features of both those programs was the strong antimetaphysical stance, those programs considered philosophy of mind unproblematic in its nature. However, the consequent evolution of philosophy of mind shows evaporating of that stance and gradual recovery of the more sympathetic view toward the mind problematic. Thus, there were two main frameworks in analytical philosophy of mind: 1) the framework of logical positivism and ordinary language philosophy dominated in the 1930s and the 1940s; 2) the framework that dominated since the 1950s and was featured by the critique of the first framework. Thus, the history of analytical philosophy of mind moves between two highly opposite under-

standings of the mind problematic. The article aims to found the causes of that move in the ideas of C. Hempel and G. Ryle, who were the most notable philosophers of mind in the 1930s and the 1940s.

Keywords: analytic philosophy of mind, Carl Hempel, critique of traditional philosophy of mind, Gilbert Ryle, linguistic behaviorism, metaphysics.

Grigory Zolotkov – Master in Philosophy, Undergraduate Student at the School of Philosophy of National Research University Higher School of Economics; Junior Research Fellow at the Department of Modern Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

zolotkov_grigory@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-1013-8778>

Citation: Zolotkov G.A. (2018) On the Return to Metaphysics in Analytical Philosophy of Mind. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 130–142.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-130-142

Введение: реконструкция аналитической философии сознания

Судьба философии сознания в контексте истории аналитической философии, без преувеличения, любопытна. Попытаемся в общих чертах представить линию ее развития (1).

При зарождении аналитической философии в начале XX в. область сознания занимала место на периферии интересов исследователей, создававших течение. Приоритетной задачей этого периода и этих философов стала разработка надежного метода анализа. Другие же проблемные области, в том числе и философия сознания, оказались второстепенными, теоретически зависимыми от результатов исследований в области философии языка.

В 30-е и 40-е годы движениями логического позитивизма и философии обыденного языка были сформулированы два мощных метода анализа, что привело к резкому снижению интереса к проблеме. Однако на становление аналитической философии сознания программы, построенные на основе этих методов, оказали стимулирующее влияние. Логическими позитивистами была выдвинута программа логического бихевиоризма [Hempel 1980]. Целью этой программы было очищение научной психологии от метафизических высказываний, определяемых как философские теории о структуре и содержании сознания (2). В свою очередь, движением философии обыденного языка, главным образом Г. Райлом [Райл 1999], была показана внутренняя противоречивость проблематики самой традиционной философии сознания. Как ни странно, позиция Райла также получила название «логический бихевиоризм», хотя между ней и «логическим бихевио-

ризмом» позитивистов есть существенные различия. Подробнее о них будет сказано ниже. Характерной чертой всего этого периода стало стремление дискредитировать проблемы, методы и цели традиционной философии сознания. Оба движения стремились ограничить эвристические возможности философии сознания исключительно анализом понятий и полностью элиминировать из направления метафизические суждения.

В 50-е гг. исследования в области философии сознания ведутся интенсивнее, перестают восприниматься как область исследований второго плана. Бурное развитие таких направлений как когнитивные науки, нейронауки и кибернетика способствовали росту содержательного интереса к проблематике направления. На смену идее логического бихевиоризма о переводимости ментальных понятий на физикалистский язык приходит «теория тождества» [Feigl 1967; Place 1956; Smart 1959]. Согласно этой теории тождественными считаются понятия, обозначающие ментальные состояния (например, боль), и понятия, указывающие на физические процессы, происходящие в мозгу (возбуждение С-волокон). Несмотря на сохраняющееся преобладание языкового, а не метафизического интереса к проблеме, исследователи делают заметный шаг в сторону метафизики. Так, характерно, что теория тождества говорит не о семантическом тождестве ментальных и физических понятий, но о тождестве их референтов, т.е. фактически утверждается, что за понятиями этих двух типов может стоять единая реальность.

В 60-е и 70-е гг. теория тождества продолжает развиваться [Lewis 1966; Armstrong 1968], однако появляется ряд альтернативных теорий. Новой тенденцией, стоящей за этими альтернативами, становится привлечение идей различных наук, таких как, например, кибернетика [Патнэм 1999] и эволюционная биология [Dennet 1986]. Другой характерной тенденцией становятся утверждения о реальном существовании вводимых теоретических конструкций. Так, например, Н. Хомский отходит от вопросов терминологии и методологии или, как он еще их называет, аналитических процедур, и напрямую обращается к объяснению врожденной способности к пониманию и образованию новых предложений [Хомский 1965, 465–466], предпосылая этим способностям наличие у языка некоторой внутренней структуры, заложенной в психике человека, Дж. Сёрл строит систему речевых актов, отталкиваясь от тех ментальных состояний, или интенций, которыми они вызываются [Searle 1969, 17]. Несмотря на эти новшества, обращение к анализу по-прежнему остается методологической основой философии сознания.

В 80-е и 90-е гг. сторонники созданных ранее концепций продолжают дискутировать между собой. Продолжается про-

никновение метафизики в философию сознания. Утончаются границы между философией сознания и естественными науками [Fodor 1983]. Эмансипирующие тенденции, направленные против философии языка, добиваются значительного успеха. Например, выдвигается невозможная ранее трактовка философии сознания как фундамента философии языка [Searle 1983, VII]. Одной из показательных фигур этого периода является Д. Чалмерс. С одной стороны, он переформулирует психофизическую проблему в свою «трудную проблему сознания», имеющую подчеркнуто метафизический характер: почему некоторые живые организмы имеют сознание [Chalmers 1995, 5, 14]. С другой стороны, он обращается к спекулятивному методу исследования, который можно назвать метафизическим.

Два взгляда на проблему сознания

Интересны методологические отличия в начале и в конце представленной линии. Так, первые крупные программы, рассматривавшие проблематику философии сознания, имели сильный аналитико-лингвистический характер. Однако к концу XX в. сильной становится тенденция к более метафизически ориентированным исследованиям. Это отличие представляется настолько ощутимым, что взятое без исторического контекста, наводит на мысль о разрыве или даже об отсутствии преемственности в аналитической философии сознания.

Действительно, дистанцию между позициями, например, Гемпеля и Чалмерса трудно назвать иначе, нежели разрывом. Так, первый мыслитель называет психофизическую проблему «псевдопроблемой», мотивируя это тем, что она касается онтологического статуса сознания [Hempel 1980, 20]. Напротив, Чалмерс переформулирует ее в «трудную проблему сознания» и ставит вопрос именно об онтологическом статусе сознания. Гемпель ограничивает исследования философии сознания рамками логического анализа языка психологии, Чалмерсу тесно в этих границах, он призывает к синтезу теорий о метафизике сознания. Учитывая, что полярные взгляды мыслителей не были исключительно их личной прерогативой, но имели и имеют множество сторонников, можно заключить о двух полярных исследовательских парадигмах. Вполне логичным также выглядят предположения об исторической и теоретической дискретностях аналитической философии сознания.

Если вновь обратиться к линии, проведенной в первой части, то однозначно указать на ней точку перехода от одной методологической парадигмы к другой нельзя. Необходимо учитывать, что

новые исследования не возникали в вакууме, но все без исключения строились путем переосмысления работ учителей, коллег и оппонентов. Характерно, что учителями практически всех оригинальных мыслителей, внесших вклад в развитие направления, были такие же оригинальные мыслители. Новые концепции во многом строились на критике учениками идей учителей.

Таким образом, утверждение об исторической дискретности традиции опровергается достаточно очевидными линиями преемственности идей. С другой стороны, наличие этой преемственности не снимает загадочности с отмеченной полярности методологических взглядов в начале аналитической философии сознания и в ее конце. Действительно, то, что исторический перелом в философии сознания не произошел внезапно, но постепенно вызревал от поколения к поколению, никак не объясняет противоположности исследовательских парадигм.

Таящаяся здесь проблема будет видна отчетливее, если сопоставить методологические основы традиционной философии сознания с каждой из парадигм. Под «традиционными» понимаются исследования сознания, предшествовавшие появлению аналитической философии, преследовавшие цель объяснения феномена сознания и сводившиеся к выдвиганию и доказательству философских теорий.

Как было замечено выше, в первые периоды своего существования аналитическая философия сознания противопоставила себя этим исследованиям. Были отвергнуты и традиционная проблематика, ставившая вопросы об онтологическом статусе сознания, и традиционная цель создания философских теорий, и традиционный метод философских спекуляций о сознании.

Последние же методологические тенденции в философии сознания гораздо более созвучны традиционным представлениям о природе философии. Так, например, В.В. Васильев, говоря о сегодняшней философии сознания, называет ее наследницей французских материалистов XVIII в. Отличия между ними он сводит к выделению разных аспектов проблемы. Так, для философов XX в. в связи с изживанием сомнений в наличии каузальной зависимости сознания от мозга, на первое место вышло объяснение принципа этой связи [Васильев 2009, 42–43]. Спекулятивная же форма этих исследований, ставящая вопросы метафизического характера и жестко критиковавшаяся за это в 30–40-е гг., в целом близка традиционной. Также следует отметить, что метод и цель философии сознания в этой парадигме не имеют принципиальных отличий от традиционных спекуляций о природе сознания. Таким образом, аналитическая философия сознания конца XX в.

методологически оказывается ближе к традиции, нежели к собственным историко-философским корням.

Созвучность исследований в области философии сознания последних 30 лет традиционным достаточно явно подчеркивает методологическую дискретность аналитической философии сознания. Что в критике традиционной философии сознания обусловило возврат к метафизике? Рассмотрим две наиболее значимые работы, предлагающие парадигму исследования философии сознания, принципиально отличающуюся от традиционной.

Логический бихевиоризм Гемпеля

Первая работа – статья Карла Густава Гемпеля «Логический анализ психологии» (The Logical Analysis of Psychology) [Hempel 1980]. В этой статье, вероятно, впервые формулируется концепция, получившая название «логический бихевиоризм». В целом Гемпель воспроизводит вышедшую несколькими годами ранее статью Карнапа [Карнап 2013], посвященную обоснованию переводимости на язык физики высказываний о ментальных событиях. Однако задачи, преследуемые Карнапом, были более масштабными. В своей работе он пытался обосновать эмпирический фундамент всего возможного знания и на этой основе доказать единство науки [Юлина 2013, 120–121]. Работа Гемпеля имеет менее претенциозный характер. В ней методология философии сознания приводится в соответствие идеям логического позитивизма (3).

Ключевая проблема этой работы может быть сведена к вопросу: следует ли отнести психологию к естественным наукам или к наукам о духе (Geistwissenschaften). По Гемпелю, причиной неправильного понимания этой проблемы предшественниками стало ложное представление о наличии у ментальных фактов особого интроспективного семантического уровня, отсутствующего у физических фактов. Так, например, при описании болевого поведения в физических терминах смысл этого поведения якобы теряется. На этом основании, заключает философ, делается ложный вывод о том, что только науки о духе предоставляют необходимый психологу терминологический инструментарий.

Гемпель оспаривает эту позицию. На его взгляд возможность психологии как естественной науки, подтверждается научной теорией, называемой «психологический бихевиоризм». Ее ключевой методологический постулат ограничивает психологию изучением наблюдаемого поведения и вызывающих его физических процессов, элиминируя тем самым все неверифицируемое из психологии. Успехи подобных исследований, по мнению Гемпеля, должны

показать, что физикализм верен даже для такой, казалось бы, субъективной науки как психология. Собственно задача философии логического бихевиоризма – обосновать достаточность физикалистской терминологии для успешной работы в области психологии.

По большому счету все эти ходы уже были у Карнапа, ничего нового не предлагается. Значение работы Гемпеля в том, что далее он разводит понятия психологического и логического бихевиоризмов. Эти отличия сводятся им к следующим трем.

Во-первых, логический бихевиоризм не пытается судить о существовании или несуществовании чего-либо. Вопрос об онтологическом статусе ментальных фактов находится за пределами интересов концепции. Гемпель подчеркивает, что не следует трактовать излагаемую им позицию как попытку свести все возможное знание к «физической стороне» психологических процессов.

Во-вторых, логический бихевиоризм не диктует психологии правильных способов ведения исследований. Их выработкой должна заниматься сама психология. Философия же может только проводить анализ утверждений, не зависящий от их истинности или ложности с точки зрения психологии. Физикализм также показывает, какие утверждения являются осмысленными, а какие нет, а не утверждает что-то о реальности.

В-третьих, действенность логического бихевиоризма не ставится под сомнение приблизительной точностью описаний физического мира. Также и неполнота индукции не может быть использована в качестве контраргумента.

Еще раз обозначим противоположность логического бихевиоризма традиционной философии сознания. Гемпель элиминирует метафизическую проблематику из философии сознания, более того, всячески пытается пресечь любые попытки связать свою позицию с какими бы то ни было позитивными убеждениями о сознании. Философия сознания переосмысливается им как исследование форм научных высказываний о сознании и легитимности устанавливаемых между ними связей.

Попытаемся выявить причину, по которой философы сознания так радикально отошли от методологических взглядов Гемпеля. Критикой его взгляды делятся на две большие части: первая связана с методом философии сознания, вторая – с ее целью и проблематикой. Метод, как правило, критикуется за опору на верификационистскую теорию значения [Иванов 2013] (4). Действительно, крах этой теории в 1950-х гг. означал нежизнеспособность основанного на ней анализа высказываний психологии. В этой части критика, безусловно, справедлива.

С одной стороны, этим не опровергается понимание задачи философии сознания как логического анализа языка психологии. Также не опровергается отказ от построения теорий, объясняющих природу ментальных состояний. Показывается лишь то, что метод, а не цель, опирается на неподходящую теорию значения.

С другой стороны, вместе с дискредитацией теории значения, исчезли основания для отказа от метафизической проблематики традиционной философии сознания как от ничего не значащей. Здесь стоит заметить, что сложилась ситуация, когда одинаково отсутствовали теоретические основания для поворота аналитической философии сознания как в сторону обоснования метафизики, так и в сторону поиска нового метода анализа.

Логический бихевиоризм Райла

Вторая влиятельная работа – книга Гилберта Райла «Понятие сознания» [Райл 1999]. В ней было произведено масштабное опровержение картезианского дуализма, спровоцировавшее волну интереса к психофизической проблеме, критике монизма и развитию элиминативистских программ. Тем не менее спорным представляется, что автор рассчитывал именно на этот результат. Повод для такого заключения дает анализ понятия «логический бихевиоризм», которое часто используется для обозначения философии сознания Райла.

Прежде всего, следует отметить, что понятие «логический бихевиоризм» не имеет универсального определения. Вероятно, единственный, кто называл так свою позицию, был Гемпель. Однако его формулировка не стала стандартной, и в настоящее время это понятие понимается довольно широко. Так, для «логического бихевиоризма» Гемпеля легитимна расшифровка «логически обоснованный бихевиоризм». По поводу же «логического бихевиоризма» Райла возможны разные мнения. Почву для разночтений дало отсутствие этого понятия у самого философа. Рассмотрим два наиболее значимых понимания.

Согласно первым, более распространенным трактовкам, «логический бихевиоризм» Райла состоит в отрицании обозначения ментальными концептами особых состояний и переопределении этих концептов как обозначающих диспозиции к определенному поведению. Соответственно, «логический бихевиоризм» расшифровывается как «концептуально верный бихевиоризм». Этим в программу философа вводится сильный метафизический подтекст. Согласно более аутентичной версии, автор проводил анализ логического поведения основных ментальных понятий [Райл 1999; Weitz 1951]. Слово «бихевиоризм» в рамках «логического бихевиоризма» Райла отсылает не к научно-психологической программе первой половины XX в., но к английскому слову behavior, поведение. Таким

образом, его интересовало не то, что обозначают эти концепты, но как они должны функционировать, чтобы иметь смысл.

Можно заметить, что разные смыслы логического бихевиоризма Райла по-разному трактуют преследуемую им цель: либо это построение определенной теории сознания, либо это критика понятий философии сознания. По собственному свидетельству Райла [Ryle 1971, 12], прежде чем приступить к работе над «Понятием сознания», он на протяжении десятилетия работал в области метафилософии. Проблема же сознания была выбрана им в качестве «гордиева узла», достойного для апробации этих работ. Попытаемся подтвердить этот взгляд, реконструируя общую линию аргументации философа.

На первый взгляд, опровержение Райлом дуализма сознания и тела, направлено на доказательство философского монизма. Если дуализм не верен, то верен монизм, третьего не дано. Вводимое же философом понятие «диспозиция» в монистической системе занимает то же самое место, которое «ментальные состояния» занимают в дуалистической. Тем самым диспозиции наделяются такими же каузальными функциями по отношению к действиям. Референтом таких понятий как «желание», «обида» и др. становятся не недоступные наблюдению сущности, но доступные наблюдению повторяющиеся события. Очевидно, однако, что диспозиции, понятые как выжимки из повторяющихся действий, чтобы вписываться в монизм сами должны иметь за собой либо материальные корреляты, либо лишиться этих каузальных функций. Иными словами, диспозиции, чтобы стать эквивалентной заменой ментальным состояниям, должны получить онтологический статус. В противном случае монизм лишает действия причин.

С другой стороны, взгляду на «Понятие сознания» как на апробацию метода удается избежать подобного противоречия. Опровержению подвергается не дуализм как противоположность монизма, но представление об осмысленности этой проблемы. Это объясняет, например, почему Райл критикует не только дуалистическую позицию Декарта, но и монистическую позицию Гоббса [Райл 1999, 316–319]. Более того, не будет большой ошибкой сказать, что критике подвергается не отдельная проблема, но все здание философии сознания целиком. Диспозиции не становятся новыми ментальными состояниями. Они не получают их онтологический статус, но вводятся как языковой инструмент для трактовки тех понятий, которые своей «таинственностью» создают иллюзию существования проблемы. С такой точки зрения, трактовать, например, понятие «боль» предлагается исходя из тех диспозиций к употреблению, которые имеет это понятие.

Если сравнивать логический бихевиоризм Райла и Гемпеля, то у Райла дается более привлекательный образ философии сознания.

Так, рассматриваются логические границы не языка психологии, но языка философии. Задача философа сознания, следовательно, прояснить «логическую географию» именно философии сознания, а не другой дисциплины. Критикуемый дуализм понимается им не просто как псевдопроблема, вымысел, которым можно пренебречь, но как нечто, чье существование должно быть должным образом проанализировано.

Тем не менее этот более философский вариант критики метафизики в философии сознания был сильно деформирован последователями. Наоборот, представление о метафизическом монизме, по сути противоречившее базовому пониманию философии обыденного языка, нашло широкий отклик. Это, как и в случае с Гемпелем, показывает, что теоретические недостатки работы нельзя назвать ни единственной, ни главной причиной достаточно радикального отхода во второй половине XX в. от ее методологии.

Заключение

Подведем итог. Что в аналитической философии сознания 30–40-х гг. обусловило постепенный возврат направления к метафизике? Рассмотрев две наиболее значимые работы, предлагающие парадигму исследования философии сознания, принципиально отличающуюся от традиционной, можно сделать следующие выводы. Во-первых, теоретические трудности, содержащиеся в этих работах, не были непреодолимыми. Следовательно, отход от их парадигмы исследования не был вызван теоретическими соображениями. Вероятнее всего в силу своего инструментализма эта парадигма имела трудности с презентацией себя как философии-интересной. Тем самым, исследователи постепенно перестали видеть философский смысл в исследовании проблем сознания таким образом. Во-вторых, сохранившийся интерес к традиционным проблемам философии сознания показывает, что критика этих проблем, хотя и была достаточно последовательной, не была достаточно убедительной. Действительно, так как исследователи, несмотря на критику традиционной постановки проблем, не отказались от самих этих проблем, делом времени стала их адаптация с учетом критики.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Более подробный анализ философии сознания см.: [Юлина 2004(а); Юлина 2004(б)].

(2) Далее метафизика будет использоваться преимущественно в этом смысле. Подробнее о понимании аналитическими философами метафизики вообще см.: [Макеева 2011].

(3) Стоит отметить, что Гемпель не называет это методологией именно философии сознания. Он говорит о «философском анализе психологии», но в данном контексте это представляется синонимичным.

(4) Следует заметить, что и сам Гемпель выступил с критикой в адрес верификационизма [Hempel 1950].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Васильев 2009 – *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. – М., 2009.
- Иванов 2013 – *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. – М., 2013.
- Карнап 2013 – *Карнап Р.* Психология на языке физики // *Философские науки.* 2013. № 1. С. 126–146.
- Макеева 2011 – *Макеева Л.Б.* Язык, онтология и реализм. – М.: НИУ ВШЭ, 2011.
- Патнэм 1999 – *Патнэм Х.* Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Райл 1999 – *Райл Г.* Понятие сознания. – М., 1999.
- Хомский 1965 – *Хомский Н.* Логические основы лингвистической теории // *Новое в лингвистике.* – М.: Прогресс. № 4. 1965. С. 465–575.
- Юлина 2004(а) – *Юлина Н.С.* Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования. Ч. 1 // *Вопросы философии* 2004. № 10. С. 125–135.
- Юлина 2004(б) – *Юлина Н.С.* Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования. Ч. 2 // *Вопросы философии.* 2004. № 11. С. 150–164.
- Юлина 2013 – *Юлина Н.С.* О статье Рудольфа Карнапа «Психология на языке физики» // *Философские науки.* 2013. № 1. С. 120–125.
- Armstrong 1968 – *Armstrong D.A.* Materialist Theory of Mind. – L.; N. Y.: Routledge and Kegan Paul, 1968.
- Chalmers 1995 – *Chalmers D.* Facing up to the Problem of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies.* Vol. 2. No. 3. 1995. P. 200–219.
- Churchland 1987 – *Churchland P.S.* Epistemology in the Age of Neuroscience // *The Journal of Philosophy.* 1987. Vol. 84. No. 10. P. 544–553.
- Denet 1986 – *Denet D.C.* Content and Consciousness. – L., 1986.
- Feigl 1967 – *Feigl H.* The ‘Mental’ and the ‘Physical’: The Essay and a Postscript. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1967.
- Fodor 1983 – *Fodor J.A.* Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology. – Cambridge, MA: MIT Press, 1983.
- Hempel 1950 – *Hempel C.* Problems and Changes in the Empiricist Criterion of Meaning // *Revue Internationale de Philosophie.* 1950. Vol. 41. No. 11. P. 41–63.
- Hempel 1980 – *Hempel C.* The Logical Analysis of Psychology // *Readings in Philosophy of Psychology.* Vol. 1. / ed. by N. Block. – Harvard University Press, 1980. P. 14–23.
- Lewis 1966 – *Lewis D.* ‘An Argument for the Identity Theory’ // *Journal of Philosophy.* 1966. Vol. 63. No. 1. P. 17–25.
- Place 1956 – *Place U.T.* Is Consciousness a Brain Process? // *British Journal of Psychology.* 1956. Vol. 47. No. 1. P. 44–50.
- Searle 1969 – *Searle J.R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1969.
- Searle 1983 – *Searle J.R.* Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983.
- Smart 1959 – *Smart J.J.C.* Sensations and Brain Processes // *Philosophical Review.* 1959. Vol. 68. No. 2. P. 141–156.
- Ryle 1971 – *Ryle G.* Autobiographical // *Ryle G.* Collection of Critical Essays. Ed. by O.P. Wood and G. Pitcher. L.: Macmillan, 1971. P. 1–17.
- Weitz 1951 – *Weitz M.* Professor Ryle’s “Logical Behaviorism” // *The Journal of Philosophy.* 1951 Apr. 26. Vol. 48. No. 9. P. 297–301.

REFERENCES

- Armstrong D.A. (1968) *Materialist Theory of Mind*. London and New York: Routledge and Kegan Paul.
- Carnap R (2013) Psychology in the Language of Physics. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosoфskie nauki*. 2013. No. 1, pp. 126–146 (Russian translation).
- Chalmers D. (1995) Facing Up to the Problem of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 2, no. 3, pp. 200–219.
- Chomsky N. (1965) The Logical Foundations of Linguistic Theory. In: *The New in Linguistics. Issue 4* (pp. 465–575). Moscow (Russian translation).
- Churchland P.S. (1987) Epistemology in the Age of Neuroscience. *The Journal of Philosophy*. Vol. 84, no. 10. 1987, pp. 544–553.
- Dennett D.C. (1986) *Content and Consciousness*. London.
- Feigl H. (1967) *The 'Mental' and the 'Physical': The Essay and a Postscript*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Fodor J.A. (1983) *Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Hempel C. (1950) Problems and Changes in the Empiricist Criterion of Meaning. *Revue internationale de philosophie*. Vol. 41, no. 11, pp. 41–63.
- Hempel C. (1980) The Logical Analysis of Psychology. In: Block N. (Ed.) *Readings in Philosophy of Psychology* (Vol. 1, pp. 14–23). Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ivanov D.V. (2013) *The Nature of Phenomenal Consciousness*. Moscow (in Russian).
- Lewis D. (1966) An Argument for the Identity Theory. *Journal of Philosophy*. Vol. 63, no. 1, pp. 17–25.
- Makeeva L.B. (2011) *Language, Ontology and Realism*. Moscow (in Russian).
- Place U.T. (1956) Is Consciousness a Brain Process? *British Journal of Psychology*. Vol. 47, no. 1, pp. 44–50.
- Putnam H. (1999) *Philosophy of Mind*. Moscow (Russian translation).
- Searle J.R. (1969) *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Searle J.R. (1983) *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Smart J.J.C. (1959) Sensations and Brain Processes. *Philosophical Review*. 1959. Vol. 68, no. 2, pp. 141–156.
- Ryle G. (1971) Autobiographical. In: Wood O.P. & Pitcher G. (Eds.) *Ryle, A Collection of Critical Essays* (pp. 1–17). London: Macmillan.
- Ryle G. (1999) *The Concept of Mind*. Moscow (Russian translation).
- Vasilyev V.V. (2009) *The Hard Problem of Consciousness*. Moscow (in Russian).
- Weitz M. (1951) Professor Ryle's "Logical Behaviorism." *The Journal of Philosophy*. Vol. 48, no. 9, pp. 297–301.
- Yulina N.S. (2004a) The Mystery of Consciousness: Alternative Strategies of Research. *Voprosy filosofii*. 2004. No. 10, pp. 125–135 (in Russian).
- Yulina N.S. (2004b) The Mystery of Consciousness: Alternative Strategies of Research. *Voprosy filosofii*. 2004. No. 11, pp. 150–164 (in Russian).
- Yulina N.S. (2013) On Rudolf Carnap's paper "Psychology in the Language of Physics." *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosoфskie nauki*. 2013. No. 1, pp. 120–125 (in Russian).

**А.К. Данто и П. Рикёр:
Повествование как способ познания истории***

Б.Л. Губман

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-143-159

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ теорий исторического повествования А.К. Данто и П. Рикёра. Синтетическое освоение Рикёром воззрений Данто интерпретируется как характерный феномен диалога герменевтики и аналитической философии, а в более широкой перспективе — современной европейской континентальной и англо-американской философских традиций. Вариант аналитической философии истории, разработанный Данто, трактуется как сложившийся в русле преодоления эпистемологических установок логического позитивизма под влиянием платформы лингвистической философии, прагматизма и неопрагматизма, а также перспективизма Ф. Ницше и идей экзистенциализма. Рассмотрены основополагающие выводы «дескриптивной метафизики» истории Данто, оказавшие влияние на понимание им эпистемологических особенностей и онтологических допущений, характерных для исторической наррации. На поздней стадии эволюции своей философии истории Данто заговорил о радикальном вызове своим построениям со стороны воззрений Т. Куна, но так и не дал на них конструктивного ответа. Показано, что, несмотря на существенные философские расхождения, многие из моментов теории исторического повествования Данто, пришедшего в итоге своих размышлений к осознанию влияния на познание минувшего самого способа бытия человека в истории, оказались близки Рикёру. Исходя в целом при построении своих воззрений на теорию наррации из идей М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера, Рикёр серьезно воспринял и «лингвистический поворот» в философии, инициированный Л. Витгенштейном. Позитивно оценивая анализ языка истории, предпринятый Данто, Рикёр справедливо критикует его за невнимание к формальным инструментам организации нарратива — сюжетной линии, интриге, композиции, которые накладывают свой отпечаток на его познавательные ресурсы и свидетельствуют о единстве истории и художественной литературы.

Ключевые слова: нарратив, история, спекулятивная философия истории, лингвистический поворот, герменевтика, аналитическая философия истории.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX — начала XXI века», грант № 17-33-00047.

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета.

gubman@mail.ru

<http://orcid.org/>

Цитирование: Губман Б.Л. (2018) А.К. Данто и П. Рикёр: повествование как способ познания истории // Философские науки. 2018. № 10. С. 143–159.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-143-159

A.C. Danto and P. Ricœur: Narrative as a Tool of Historical Knowledge*

B.L. Gubman

Tver State University, Tver, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-143-159

Original research paper

Summary

The article comparatively analyzes A.C. Danto's and P. Ricœur's theories of historical narration. Ricœur's synthetic assimilation of Danto's views is interpreted as a characteristic phenomenon of the dialogue between hermeneutics and analytical philosophy, and in a broader perspective – of contemporary European continental and Anglo-American philosophical traditions. The version of the analytical philosophy of history developed by Danto is interpreted as being formed in the course of overcoming epistemological program of logical positivism under the impact of a platform of linguistic philosophy, pragmatism and neo-pragmatism as well as F. Nietzsche's perspectivism and the ideas of existentialism. The article examines fundamental conclusions of Danto's "descriptive metaphysics" of history, which influence his understanding of a number of epistemological factors and ontological assumptions specific for the theory of historical narration. At the late stage of the evolution of his philosophy of history, Danto spoke of a radical challenge to his views on the part of T. Kuhn's theory, but he did not give to it a constructive answer. Despite the significant philosophical differences, a number of Danto's historical narration theory's theses became acceptable for Ricœur, especially in the light of the American colleague's final confession that knowledge of the past is dependent on the kind of existential presence in history specific for a human being. Taking M. Heidegger's and H.G. Gadamer's ideas as a basis of his approach to narration problem,

---

*The article was prepared for publication within the framework of the project of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) "The linguistic turn and historical knowledge as a problem of Western philosophy of the second half of the 20th – early 21st century," grant no. 17-33-00047.

Ricœur considered also important the “linguistic turn” initiated by L. Wittgenstein. Offering a positive evaluation of Danto’s analysis of history language, Ricœur simultaneously rightly criticized him for his neglect of the formal instruments of organizing of narrative – plot, intrigue, and composition that should affect the knowledge resources and testify on the unity of narration features in history and fiction as well.

Keywords: narrative, history, speculative philosophy of history, linguistic turn, hermeneutics, analytical philosophy of history.

Boris Gubman – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of the Tver State University.

gubman@mail.ru

<http://orcid.org>

Citation: Gubman B.L. (2018) A.C. Danto and P. Ricœur: Narrative as a Tool of Historical Knowledge. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 143–159.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-143-159

Введение

При всей очевидной полярности философских платформ герменевтики и аналитической философии истории второй половины XX – начала XXI вв., их роднит стойкий интерес к феномену исторического повествования как особым образом организованному способу познания и фиксации свершившихся во времени и значимых для настоящего событий, который отличен от теоретического постижения в синхронии феноменов природной и социокультурной реальности. В перспективе обсуждения проблемы исторического нарратива намечается весьма примечательная тенденция диалога этих направлений современной мысли, пожалуй, наиболее ярко представленная именами А. Данто и П. Рикёра. Хотя Данто прямо никогда не обращался к идеям Рикёра, многие положения его теории повествования оказываются в конечном итоге чреватые герменевтическими выводами, что позволяет Ф. Анкерсмицу говорить о существовании тренда «аналитической герменевтики». Рикёр, напротив, принимает многие положения теории наррации Данто, ссылаясь на нее в своих поздних произведениях, посвященных этой проблематике. Попытаемся проследить в сравнительной перспективе черты сходства и различия, возникающие при разработке Данто и Рикёром проблемы повествования как особого способа постижения истории, укорененного в специфике человеческого существования во времени.

А. Данто о логике повествования о минувшем и истоках его историчности

Проблема исторической наррации была поставлена и решена Данто на платформе аналитической философии истории в радикально новом для этого направления ключе, поскольку он попытался показать зависимость любого предложения о прошлом от целостности конструируемого рассказа об определенном его сегменте, который создается автором в настоящем, открытом будущему. Логико-эпистемологическая задача такого рода несомненно предполагала и выдвижение некоторых критически обосновываемых онтологических допущений о природе воспроизводимых в повествовании исторических событий. Сама по себе постановка проблемы повествования как центральной для понимания природы постижения истории несомненно является плодом «лингвистического поворота» в западной философии, инициированного Л. Витгенштейном [Блауберг 2012, 3–7; Кукарцева 2006, 44]. Свою собственную задачу по созданию философской теории исторического повествования Данто определяет в языке П.Ф. Стросона как построение «дескриптивной метафизики истории» [Danto 2007, XV]. Язык исторического повествования для Данто оказывается ключом к тем реалиям, о которых может говорить историк. Ко времени выхода в свет фундаментального труда Данто «Аналитическая философия истории» (1965), впоследствии ставшего основой другого его крупного произведения на этот сюжет «Наррация и познание» (1985), были опубликованы работы по теории исторического повествования У. Уолша, У. Дрэя, М. Уайта и других философов-аналитиков. Однако именно Данто, как справедливо констатирует Ф. Анкерсмит, первым указал на специфику временной организации наррации как целостности и связи ее с деятельностью автора, что позволяет говорить о родстве его воззрений на этот сюжет с «историей действия» Х.-Г. Гадамера [Ankersmit 2007b, 366].

Подход Данто к разработке теории исторического повествования выглядит как попытка пересмотра видения в качестве главного звена эпистемологии истории проблемы объяснения событий минувшего сквозь призму модели «охватывающих законов», разработанной К. Поппером и К. Гемпелем. Не отбрасывая этой значимой для всей предшествующей аналитической философии истории тематики, Данто инкорпорирует ее в свою нарративистскую концепцию. Вдохновляясь примером философии позднего Витгенштейна и его последователей, он одновременно находится под очевидным влиянием прагматистских

построений Д. Дьюи, К.И. Льюиса, Ч. Бирда [Ануфриева 2018, 146]. На способ его теоретизирования, как признавался он сам, значительное воздействие имели и идеи У. Куайна, в частности, его критики догм эмпиризма, видения языка как целостности и проблемы перевода. Читая сквозь призму аналитической установки европейскую континентальную мысль, Данто не остался равнодушным к перспективизму философии познания Ф. Ницше и платформе экзистенциализма. На позднем витке его творчества он заявлял о непреходящем значении постпозитивистской доктрины Т. Куна, открывшей парадигмальность как основополагающую характеристику научного видения мира.

Подобно К. Попперу, Данто полемизировал с субстанциалистскими концепциями исторического процесса, предполагающими возможность раскрытия единого начала истории, его законосообразности и телеологической «запрограммированности», а также возможность разгадать смысловую направленность социокультурного развития во времени, предрекая будущее в глобальных пророчествах. Дистанцируясь таким образом от классического «историцизма», наиболее ярко представленного в построениях Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, Данто полагал задачей аналитической философии истории раскрытие специфики того способа описания прошлого, который задан самим способом его языковой фиксации.

Собственный эпистемологический подход Данто рассматривал как «реалистический», предполагающий тенденцию исторического познания в конечном итоге рассматривать свершившиеся события как неизменные. Сказанное отнюдь не означает, что он принимал возможность видеть событие минувшего вслед за Л. фон Ранке «как оно действительно случилось». Момент зависимости исторического познания и воплощающих его повествовательных структур от устремлений познающего субъекта, возникающих в настоящем, Данто констатирует со ссылкой на теоретические построения Д. Дьюи и презентистскую трактовку задач истории Ч. Бирда.

Усматривая родство подхода к специфике исторического познания Бирда и других историков-презентистов с перспективизмом Ф. Ницше и воззрениями Б. Кроче, Данто не соглашается с тем, что постижение минувшего несет в себе большую долю субъективистского конструктивизма, игнорирующего объективные эмпирические данные, нежели это происходит в естествознании. «Различие между историей и наукой, — заключает он, — состоит не в том, что история использует, а наука не использует организуемых схем, выходящих за пределы данного. Их использует и та и другая. Различие проявляется в организационных схемах,

используемых каждой из них. История рассказывает истории» [Danto 2007, 111]. Бирд, на взгляд Данто, остается в плену той эмпирико-индуктивистской модели научного знания, которая была предложена Ф. Бэконом и предполагала, что избавление от «призраков», одолеваящих человеческое сознание, способно привести естествоиспытателя к лишенному тенденциозности обобщению фактов. Данто считает такой подход иллюзией, ибо ни ученый, теоретизирующий относительно различных природных феноменов, ни историк, конструирующий повествование о событиях минувшего, не в состоянии уйти от идеализации имеющихся данных, создавая «зеркальное отображение» сути изучаемых событий в их синхронии или диахронии.

Историческое повествование – нарратив всегда организован, как представляется Данто, как некоторая целостность, описывающая избранную историком цепь событий прошлого, соотнесенного с моментом настоящего, в которое погружен автор рассказа. При этом элементарной единицей повествования о прошлом оказывается нарративное предложение, рассказывающее о некотором событии или совокупности таковых. Уже на уровне единичных исторических нарративных предложений, описывающих свершившееся, обнаруживается их парадоксальная отнесенность к прошлому и будущему. Для них характерен не только момент констатации свершившегося события, но и временная форма фиксации осуществления такового. Данто приводит в качестве примера такого рода предложения следующее: «Тридцатилетняя война началась в 1618 г.». В нем не только констатируется дата начала этой войны, но также латентно присутствует знание об итогах и времени завершения таковой.

Данто справедливо полагал одной из центральных тем эпистемологического анализа наррации вопрос о смысле и значении отдельных исторических предложений. Поскольку прошлое актуально не существует и может быть лишь реконструируемо, смысл временных исторических предложений оказывается, с его точки зрения, в целом определяемым их возможной эмпирической подтверждаемостью, тогда как оценка таковых в плане их истинности или ложности может осуществляться в результате верификации на базе свидетельств. В этой связи Данто обращается к идеям прагматизма К.И. Льюиса, утверждавшего, что предложения о прошлых событиях прямо эмпирически не верифицируемы, а проверяются с использованием свидетельств в настоящем и будущем. Льюисом была выдвинута идея временного континуума, объединяющего прошлое, настоящее и будущее, в который включен объект истории. Не принимая трактовки объекта исторического познания Льюиса, Данто не может отрицать корректности его

рассуждений о способе подтверждаемости во времени исторических суждений. Он не приемлет также концепции подтверждаемости исторических предложений в сослагательном наклонении А. Айера, который исходил из возможности потенциального допущения присутствия субъекта опыта во время свершения события. В итоге, следуя за Кантом, Данто говорит о логической продуктивности выделения фактуального содержания и временной формы суждений. Исторические суждения представляются ему верифицируемыми отдельно относительно констатируемых ими событий и временных обстоятельств их свершения.

Особый случай, на взгляд Данто, представляют собой те темпоральные исторические суждения, которые наделены смыслом, но прямо неверифицируемы [Данто 2002, 66]. В качестве примера для иллюстрации своей мысли он избирает предложение: «Восхождение Петрарки на Ванту символизирует начало Возрождения». Его анализ приводит к заключению, что ни само описание восхождения на Ветреную гору близ Авиньона в апреле 1336 г., содержащееся в письме Петрарки к другу, ни свидетельство его брата Джерардо, совершившего с Петраркой этот подъем на вершину, не могут рассматриваться как основания трактовки этого события как начала Ренессанса. Символический смысл этого достоверного события конвенционален и подтверждается лишь его отнесением к более широкому социокультурному контексту. И здесь построения Данто входят в поле тяготения воззрений Витгенштейна и Куайна.

Хотя специфика рассказа о минувшем «высвечивается» уже в индивидуальных исторических предложениях, содержание того или иного целостного нарратива, посвященного раскрытию определенной проблемы, отнюдь не сводится к их совокупности. Поэтому, как верно подмечает Данто, применительно к историописанию столь важными выглядят вопросы соотношения истории и хроники, объяснения рассматриваемых событий, правдивости повествования о них.

Проблема взаимосвязи истории и хроники рассматривается Данто, как и многими его коллегами по аналитической философии истории, отправляясь от трактовки их соотношения Б. Кроче. Последний рассматривал хронику как непредвзятое описание событийного следования, того что произошло в прошлом, тогда как история виделась ему несущей на себе печать современной ситуации, преломленной через разноплановые интересы и познавательную установку историка. Данто вступает в резкую полемику с такого рода воззрениями, последовательно демонстрируя невозможность создания хроники исторических явлений, не затронутой интересами ее автора. Реальный процесс повествования о про-

шлом всегда предполагает отбор запечатлеваемых событий, ибо перечисление всего, что произошло в истории, операционально неосуществимо для человеческих существ обзирающих ее ход сквозь временной горизонт. Идеальной хроники, и в этом можно согласиться с Данто, нельзя сотворить, не обладая универсальной перспективой, доступной по определению лишь Богу.

Создание человеческим существом повествования об определенном отрезке событий истории предполагает набор событий, которые, по мысли Ч.С. Пирса, фиксируются историком как «неотменяемые», но сам момент наррации предполагает указание на последующие события, сопряженные с ними. Череда событий между интересующими нас «неотменяемыми» событиями минувшего дополняется новыми и новыми событиями, поскольку настоящее неминуемо переходит в прошлое и чревато будущим. Хотя Данто и выразил свое несогласие с представлением Льюиса о континуальности исторического объекта от прошлого до настоящего, его собственные выкладки относительно природы исторического повествования заставляют не только сформулировать схожее эпистемологическое заключение о прочтении прошлого через момент настоящего и будущего при освоении новых свидетельств источников, но и, следуя пафосу «дескриптивной метафизики» истории, сделать напрашивающийся онтологический вывод о постоянном «уплотнении» исторического прошлого в связи с «отмиранием» настоящего. По сути такой ход исторического мышления в одинаковой мере диктует работу как по написанию исторического повествования, так и хроники.

Данто солидаризируется с заключением Дьюи относительно инструментального характера знания и полагает возможным рассматривать в этой перспективе и процесс создания исторического повествования. Он заключает, что «исторический инструментализм почти несомненно корректен» [Данто 2002, 82]. Обращение к истории, как не без основания замечает он, связано с тем, что мы не в состоянии описать настоящее, не характеризуя его предикативно в понятиях, предполагающих отнесение к прошлому. Язык при описании ситуаций настоящего в смысловом и референциальном планах адресует нас к событиям минувшего.

Организуя пространство повествования, историк, как верно утверждает Данто, не только выстраивает цепь значимых для него событий, но и объясняет таковые. Модель исторического объяснения К. Поппера – К. Гемпеля позволяет, на его взгляд, понять, как происходит подчас не только развернутое, но и латентное объяснение интересующих историка событий путем подведения их под генерализации «охватывающих законов». Такого рода объяснительная процедура рисуется Данто своеобразной «скре-

пой» сопрягающей события, включенные в рассказ, зачастую оказываясь «за кадром» самого повествования. Хотя трактовка Данто природы «охватывающих законов» как различного рода генерализаций, применимых для объяснения исторических событий, обсуждение их вероятностного характера и соотношения с динамическими номологическими обобщениями и ряд других поднимаемых им вопросов выглядят в высокой степени дискуссионными. Несомненно заслуживает позитивной оценки развиваемая им концепция соподчиненности разнопорядковых объяснительных цепей. Весьма нетривиально звучат и его построения, касающиеся корреляции объясняемого с присущим ему способом описания событий и объясняющих посылок в контексте исторической наррации.

Если отдельные исторические предложения, входящие в состав нарратива и запечатлевающие события прошлого, проверяемы на базе свидетельств источников, то вопрос о достоверности повествования как некоторой целостности выглядит гораздо более сложной проблемой. «Полное описание, – заключает Данто, – таким образом, предполагает, что оно организовано в виде повествования, а подобную организацию описания создаем мы сами. Не только это, но само использование повествовательной организации предполагает непреодолимый субъективный фактор» [Данто 2002, 138]. Действительно, даже высокая степень достоверности присутствующих в нарративе фактуальной канвы и разнообразия объяснения событий не дают гарантии раскрытия произошедшего во всей полноте. Подчас, появление ранее неизвестных свидетельств источников может пролить новый свет на происходящее. Теоретическая интерпретация, ее ценностно-мировоззренческие основания также способны сформировать иной облик повествования.

Идея парадигмальности развития научного знания в ее формулировке Т. Куном, по признанию Данто, произвела огромное влияние на его видение задач эпистемологической рефлексии. Вместе с осознанием парадигмальности развития научного знания очевидным становится, что именно история является своеобразной матрицей понимания его трансформации. После появления работ М. Фуко, предложившего собственный вариант генеалогии как «археологии познания», мир идей предстал, по мысли Данто, как порождение «воли к власти», побуждая к видению науки как «слишком человеческого изобретения». Такое видение, разумеется, предполагает и рассмотрение самого исторического знания как парадигмально оформленного и всецело исторически заданного. «То, что я хочу сказать, – констатирует Данто, – сводится к следующему: поскольку взгляды исторически индексированы,

вследствие чего, иными словами, миры исторических существ проникнуты их историческими локальностями, новая философия истории является по сути новым нашим самопониманием как всецело исторических существ» [Danto 1995, 85]. Сказанное означает, прежде всего, что философия наррации должна обратиться к анализу типов исторического мышления, его парадигм, фиксируемых историографией. Данто много говорил об этом важном моменте, который должен реализоваться в границах историософии нового типа, но в его устах такого рода суждения звучат лишь как прогноз грядущего.

Одновременно заключение Данто о людях как «всецело исторических существах» следует рассматривать как шаг в сторону необходимости осознания экзистенциальных истоков рассказа о минувшем [Ankersmit 2007a, 180]. Недаром он заключает одно из своих интервью прогнозом, что философия истории грядущего, не утратив своей аналитической функции по отношению к историописанию, «будет иметь дело с историей как способом бытия» [Доманска 2010, 266]. Эта мысль Данто может рассматриваться как своеобразная декларация о важности диалога аналитической и герменевтической теорий исторического повествования.

Экзистенциальные основания и структура исторического повествования в герменевтике П. Рикёра

Обращаясь к проблеме исторического повествования, Рикёр рассматривает его изначально в ракурсе герменевтического подхода. По сути его вариант видения этой проблемы исходит из идеи о повествовании как необходимо и неизменно сопровождающем человеческое присутствие в мире, т.е. исходной точкой его интерпретации феномена наррации оказывается именно тот момент, который стал финалом размышлений по этому поводу Данто. Именно онтология существования человека во времени, воспринятая Рикёром в духе ее трактовки М. Хайдеггером, как подчеркивает И.С. Вдовина, оказывается отправным звеном его видения специфики исторического повествования в таких значимых произведениях последнего периода его деятельности, как «Время и рассказ», «Я-сам как другой», «Память, история, забвение», «Справедливое» и др. [Вдовина 2009, 283–287]. Попытка связать подход феноменологической герменевтики к познанию истории с идеями видения этой проблемы, возникшими в аналитической философии, глубинно сопряжены с устремлениями «позднего» Рикёра к обнаружению возможности установления диалогических контактов между континентальной европейской и англо-американской философскими традициями. Они объяс-

нимы, по-видимому, его самоощущением «посла» французской интеллектуальной традиции в американской университетской среде. В ряду других крупных теоретиков англо-американской аналитической философии истории Данто становится для него одним из главных мыслительных партнеров, с которым он ведет диалог о специфике исторического повествования в своих поздних трудах.

Подход Рикёра к вопросу о специфике исторического повествования связан с обнаружением его глубинной онтологической укорененности в существовании человека во времени, в intersубъективных связях, сопрягающих людей и конституирующих различные культурно-исторические миры на базе индивидуальной и коллективной памяти. Характерно, что при постановке вопроса о специфике нарративного дискурса Рикёр полагал необходимым обратиться к стратегии, предложенной в теории языковых игр Витгенштейна: «Если в перспективе использования словаря Витгенштейна повествование является уникальной “языковой игрой” и если языковая игра “являет собою вид деятельности или форму жизни”, то тогда мы должны спросить, с какой формой жизни связан нарративный дискурс как целое» [Ricoeur 1982, 274]. Выяснение функции нарратива изначально рисуется Рикёру как связанное со способом его формальной организации, смысла и референциального значения, отнесенности к реалиям индивидуального и социального существования человека. Одновременно тема «формы жизни», сопутствующей языковой игре, воплощенной в повествовании, заставляет задуматься об обусловленности таковой онтологией существования человека во времени.

В большинстве европейских языков совершенно неслучайно наблюдается полисемия слова «история». Рикёр подмечает, что под историей подразумевается как цепь событий, случившихся во времени, так и рассказ о них. Кроме того, эти два значения слова «история» подразумевают и третье – историчность человеческого существования. «Иными словами, – заключает Рикёр, – форма жизни, к которой относится нарративный дискурс, является самым нашим историческим состоянием» [Ricoeur 1982, 288]. Задача философского анализа исторического дискурса представляется ему как раз и состоящей в том, чтобы показать финальную обусловленность исторической наррации ее укорененностью в онтологии человеческого существования во времени. Рассуждая таким образом, Рикёр приходит к трактовке повествования как особой формы описания констатируемого Хайдеггером состояния «заброшенности» человека в мир. Теория действенно-исторического сознания Х.-Г. Гадамера, на его взгляд, развивает этот тезис как

значимый для понимания специфики постижения прошлого с позиций настоящего [Kearny 2004, 214].

Рикёр полагал, что нарративная артикуляция существования человека во времени происходит при посредстве никогда не завершающейся процедуры мимесиса, запечатлевающего исторический опыт. Им выделяются три взаимодополняющих друг друга фазиса миропонимания, существующих на этой основе. Предпонимание мира действия, его структурных, символических и временных характеристик осуществляется на основании Мимесиса-1, который создает потенциальную возможность постижения смысла событий, запечатлеваемых в историческом или художественном повествовании. Рассуждая об особенностях построения наполненных смыслом и конструируемых рассказчиками исторических и вымышленных художественных миров Рикёр связывает их создание с Мимесисом-2 как особой стадией конфигурации герменевтического опыта. И, наконец, Мимесис-3 являет собой особый фазис рефигурации опыта при освоении потенциальным читателем или слушателем определенного текста. Предпонимание выступает своеобразной опорой, на базе которой, по Рикёру, осуществляется процесс структуризации художественного и исторического повествования, оформление его смыслового и референциального содержания. На последней выделяемой им стадии «срабатывают» интересубъективные связи с читателем. Таким образом, Рикёр конкретизирует тему функционирования действенно-исторического сознания как основы конституирования и постижения истории.

Творчество Данто привлекло внимание Рикёра именно в связи с необходимостью подробной разработки темы конфигурации герменевтического опыта в процессе построения исторического повествования наряду с идеями других представителей аналитической философии истории. Обращаясь к ней, Рикёр подчеркивает, что вариант аналитической философии истории, созданной Данто, сфокусирован на специфике описания прошлого сквозь призму языка, задающего способ не только познавательного отношения к минувшему, но и своеобразной рефлексивной онтологии свершения событий в динамике взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. «Но именно такого типа вопросов, согласно Данто, – замечает Рикёр, – старательно избегает эмпиризм, которому известны только глаголы в настоящем времени, соответствующие высказываниям о восприятии. Лингвистический анализ предполагает, таким образом, метафизическое описание исторического существования» [Рикёр 1998, 166–167]. Речь в этом случае идет о том, что априорной организации описания мира, заданной повествовательными конструкциями, сопутствуют некоторые онтологические проекции видения вершащейся во времени истории.

Развитие концепции аналитической философии истории Данто было, как отмечалось выше, сопряжено с реализацией идей дескриптивной метафизики Стросона, впитавшей многие установки философии Канта. В герменевтической концепции Рикёра также прослеживается идея о существовании априорных правил в границах intersubjectively используемых дискурсивных форм, хотя при этом не исключается экстралингвистическая референция [Рикёр 2008, 48–51]. Возможно, именно поэтому ему достаточно близки построения Данто с их стросонианским пафосом дескриптивной метафизики. Рикёр не без основания полагает, что для такого способа аналитического теоретизирования «анализ наших способов мышления и говорения о мире и дескриптивная метафизика взаимно обратимы» [Рикёр 1998, 290]. В итоге он считает возможным констатировать: «В этом вопросе аналитическая философия больше сближается с герменевтической философией, хотя последняя охотнее следует от объяснения исторического бытия к языку, соответствующему этому историческому бытию» [Рикёр 1998, 290]. Сказанное со всей очевидностью говорит о том, что Рикёр склонен принять в ракурсе герменевтического переосмысления не только способ аналитического рассмотрения исторических предложений в контексте нарратива, но и онтологические обобщения, сопутствующие таковому.

Приветствуя «квазикантианский поворот», осуществленный Данто, Рикёр подчеркивает его значимость для критики субстанциалистской философии истории, притязавшей на видение целостности исторического процесса. Любые философско-исторические конструкции классического типа полагают возможным описывать будущее предикативными средствами, которые сформировались в прошлом, отрицая возможность рождения чего-либо нового и радикально отличного от существующего. Такое видение, и в этом Рикёр абсолютно солидарен с Данто, совершенно лишено логического оправдания. Кроме того, если мы принимаем разработанное Данто истолкование повествовательного предложения, то оказывается, что ни одно из свершившихся событий, пока существует человеческая история как процесс, мы не в состоянии окончательно охарактеризовать. С этим выводом Рикёр также солидаризируется, хотя для него как в своей основе религиозного мыслителя расставание с самим притязанием целостного взгляда на историю выглядит достаточно противоречивым. Ведь тогда мы должны усомниться и в возможности рационально-теологической ее интерпретации как целого.

В принципе Рикёр не выражает какого-либо несогласия с трактовкой Данто индивидуальных исторических предложений как основания нарратива. «Таким образом, — пишет он, характеризуя общую для них платформу подхода к такого рода предложениям, —

в повествовательном предложении подразумеваются три временные позиции: позиция описываемого события, позиция события, по отношению к которому описывается первое событие, позиция нарратора; две первые касаются содержания высказывания, последняя – его формы» [Рикёр 1998, 169]. Исторические суждения, – и в этом Рикёр видит несомненное достижение Данто, – должны быть поняты как содержащие подобного рода двойную референцию и обладающие подвижным смыслом относительно их места в целостной нарративной структуре от лица ведущего рассказ субъекта. Одно и то же событие может быть по-разному отображено в зависимости от позиции автора и избираемой им структурной организации повествования.

Не вызывают возражений Рикёра и те онтологические допущения, которые возникают в процессе формулировки исторических предложений. Он вполне согласен с тем, что «неотменяемость» событий минувшего не означает отсутствия изменения перспективы его видения в связи с постоянным «прирастанием» прошлого за счет включения в него моментов актуально настоящего. Одновременно Рикёр солидаризируется и с консолидированной платформой Пирса – Данто относительно того, что история настоящего не может быть написана до тех пор, пока оно не станет для нас прошлым, «не обрстет» контекстом, ибо нам не дано взглянуть на настоящее из будущего.

Заслуга Данто, по Рикёру, состоит и в том, что в полемике с Кроче он доказал фактическую несостоятельность противопоставления истории и хроники [Рикёр 1998, 171–172]. Рикёр признает вполне сбалансированной и аргументацию Данто относительно того, что историк, организуя свой рассказ, сознательно выбирает определенные причинно-следственные связи, которые кажутся ему значимыми, и может различным образом соподчинять таковые в зависимости от избранной им точки зрения на определенный сюжет. Правда, предлагаемая Данто концепция исторического объяснения как имплицитно представленного в конструировании наррации, взаимосвязи «микро-» и «макронаррации» не вызывает у него особого интереса. Все дело в том, что такого рода анализ кажется Рикёру излишне абстрактным, поскольку не учитывает подчиненности вопроса об экспликации релевантного эмпирического материала изначально заданному сюжетному началу, интриге, сопрягающей личность и действие в событийном контексте, композиции рассказа как целостности.

В целом положительно оценивая творчество Данто, Рикёр отмечает, что излишний акцент на анализе предложений, которыми ведется историческое повествование, порождает в качестве оборотной стороны невнимание к нарративной

целостности и многообразию лингво-семиотических способов его организации. «Вот почему, – заключает Рикёр, – создается впечатление, что логика повествовательного предложения не нуждается в понятии интриги или нарративной структуры, как если бы описание предшествующего события с точки зрения события последующего было уже интригой в миниатюре» [Рикёр 1998, 172]. Понимая нарратив как целостность, выстраиваемую сообразно с проблемой, которая решается его автором и диктует выбор событийной канвы, Данто, по справедливому замечанию Рикёра, не видит того, что сочетание повествовательных предложений само по себе автоматически еще не рождает единства сюжетной канвы, интриги и композиционного строя повествования. Именно эти компоненты важны, на его взгляд, для понимания не только словесно-образной, но и собственно познавательной стороны исторической наррации, ее родства с художественными аналогами, акцентируемого У.Б. Галли, Л.О. Минком, Х. Уайтом, П.-М. Вейном и другими авторами.

При всех серьезных расхождениях с Данто в анализе исторической наррации, Рикёр, подобно ему, настаивает, что исторический нарратив репрезентирует свершившиеся события прошлого. В перспективе декларируемой им эпистемологической установки «критического реализма» историческое познание так или иначе, реконструируя и описывая минувшее при помощи понимаемого в духе Канта продуктивного воображения, сопряжено с трансляцией опыта истории. Конечно, сам характер репрезентируемых событий и процессов прошлого заставляет задуматься об их реальном статусе, о возможности референции наших высказываний о случившемся в минувшем к некоторым реалиям. Несуществование в актуальной форме того, что случилось, побуждает Рикёра к позитивной оценке концепции нарративной субстанции Анкерсмита как некоего мыслительно конструируемого образа (Ренессанс, Реформация, Великая французская революция и т.д.), на который автор исторического повествования проводит нарративные ссылки [Рикёр 2004, 391]. Такой ценой Рикёр спасает провозглашаемую им при разработке теории повествования критико-реалистическую стратегию.

Заключение

Сравнительный анализ концепций исторического повествования Данто и Рикёра при всем несовпадении их философских платформ обнаруживает и серьезное родство их позиций. «Дескриптивная метафизика» истории Данто, сфокусированная на рассмотрении исторических предложений как центрального звена наррации, в

ходе эволюции воззрений этого автора результировала в заключении о парадигмальности историописания и его экзистенциальной обусловленности. Теория исторического повествования Рикёра изначально выстраивается на герменевтической платформе в перспективе ассимиляции идей Хайдеггера и Гадамера. Одновременно Рикёр, воспринявший и переосмысливший идеи «лингвистического поворота», осуществленного Витгенштейном и его последователями, пришел к выводу о значимости аналитических средств изучения исторического повествования. Обратившись к «дескриптивной метафизике» истории Данто, Рикёр воспринял многие из его обобщений, но одновременно указал и на значимость осмысления сходства исторического и художественного повествования с точки зрения их формальной организации, сюжетного единства, интриги и композиции, задающих «рамочные условия» постижения и рассказа о случившемся во времени. Герменевтика Рикёра открывает значимую перспективу единства философского и лингво-семиотического изучения наррации как способа самопознания бытия человека в динамике времени и культурно-исторической традиции.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ануфриева 2017 – *Ануфриева К.В.* А. Данто: наррация и исторические миры // Вестник Тверского госуниверситета. Серия «Философия». 2017. № 2. С. 144–156.

Блауберг 2012 – *Блауберг И.И.* Предисловие // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / под ред. И.И. Блауберг. – М.: ИФ РАН, 2012. С. 3–7.

Вдовина 2009 – *Вдовина И.С.* Феноменология во Франции. – М.: Канон +, 2009.

Данто 2002 – *Данто А.* Аналитическая философия истории. – М.: Идея-Пресс, 2002.

Доманска 2010 – *Доманска Э.* Философия истории после постмодернизма. – М.: Канон +, 2010.

Кукарцева 2006 – *Кукарцева М.А.* Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 44–55.

Рикёр 1998 – *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1. – М.; СПб.: Культурная инициатива; Университетская книга, 1998.

Рикёр 2004 – *Рикёр П.* Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Рикёр 2008 – *Рикёр П.* Я-сам как другой. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.

Ankersmit 2007a – *Ankersmit F.R.* Danto, History, and the Tragedy of Human Existence // *Action, Art, History. Engagements with Arthur C. Danto* / ed. by D. Herwitz and M. Kelly. – N. Y.: Columbia University Press, 2007. P. 175–190.

Ankersmit 2007b – *Ankersmit F. R.* Danto's Philosophy of History in Retrospective // *Danto A. Narration and Knowledge*. – N. Y.: Columbia University Press, 2007. P. 364–393.

Danto 1995 – *Danto A. The Decline and Fall of the Analytical Philosophy of History // A New Philosophy of History / ed. by F. Ankersmit and H. Kellner. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 70–88.*

Danto 2007 – *Danto A. Narration and Knowledge. – N. Y.: Columbia University Press, 2007.*

Kearny 2004 – *Kearny R. Entre soi-même et un autre: herméneutique diacritique de Ricœur // M. Revault d'Allonnes et F. Azouvi (dir.). Paul Ricœur. – Paris: Éditions de l'Herne, 2004. P. 205–218.*

Ricœur 1981 – *Ricœur P. Hermeneutics and the Human Sciences. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.*

REFERENCES

Ankersmit F.R. (2007a) Danto, History, and the Tragedy of Human Existence. In: Herwitz D. & Kelly. M. (Eds.) *Action, Art, History. Engagements with Arthur C. Danto* (pp. 175–190). New York: Columbia University Press.

Ankersmit F. R. (2007b) Danto's Philosophy of History in Retrospective. In: Danto A. *Narration and Knowledge* (pp. 364–393). New York: Columbia University Press.

Anufrieva K. (2018) A. Danto: Narration and Historical Worlds. *Tver State University Vestnik. Philosophy Series*. 2017. No. 2, pp. 144–156 (in Russian).

Blauberger I.I. (2012) Preface. In: Blauberger I.I. (Ed.) *Western Philosophy of the End of the 20th – Beginning 21st Century. Ideas. Problems. Trends* (pp. 3–7). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Danto A.C. (1995) The Decline and Fall of the Analytical Philosophy of History. In: Ankersmit F. & Kellner H. (Eds.) *A New Philosophy of History* (pp. 70–88). Chicago: University of Chicago Press.

Danto A.C. (2002) *Analytical Philosophy of History*. Moscow: Idea-Press (in Russian).

Danto A.C. (2007) *Narration and Knowledge*. New York: Columbia University Press.

Domanska E. (2010) *Philosophy of History after Post-modernism*. Moscow: Kanon+ (in Russian).

Kearny R. (1995) Entre soi-même et un autre: l'herméneutique diacritique de Ricœur. In: Azouvi F. & Revault d'Allonnes M. (Eds.) *Paul Ricœur* (pp. 205–218). Paris: Éditions de l'Herne.

Kukartseva M.A. (2006) The Linguistic Turn in History: Evolution, Essence, and the Main Principles. *Voprosy Filosofii*. 2006. No. 6, pp. 44–55 (in Russian).

Ricœur P. (1981) *Hermeneutics and the Human Sciences*. Cambridge (UK): Cambridge University Press.

Ricœur P. (1998) *Temps et récit*. Vol. I. Moscow, Saint Petersburg: Kulturnaya iniciativa, Universitetskaya Kniga (in Russian).

Ricœur P. (2004) *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Moscow: Izdatelstvo Gumanitarnoy Literatury (in Russian).

Ricœur P. (2008) *Soi-même comme un autre*. Moscow: Izdatelstvo Gumanitarnoy Literatury (in Russian).

Vdovina I.S. (2009) *Phenomenology in France*. Moscow: Kanon+ (in Russian).

CONTENTS

**PROSPECTS FOR MANKIND.
PHILOSOPHY OF HUMANITARIAN
AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT**

**New Technological Paradigm:
Socio-Cultural Foundations ■**

<i>V.E. LEPSKIY</i>	Philosophical-Methodological Basis for the Formation of Third-Order Cybernetics	23
<i>T.A. MEDVEDEVA (Novosibirsk)</i>	Cybernetics and the Russian Intellectual Tradition	37

**PHILOSOPHY AND CULTURE:
THE TEMPORAL CONTEXT**

The Phenomenon of Universality in Morality ■

<i>A.V. SKOMOROKHOV</i>	The Discussion on the Principle of Universalizability in Moral Philosophy of the 1950s and 1960s: An Analysis	47
<i>E.V. LOGINOV</i>	The Discussion on the Principle of Universalizability in Moral Philosophy in the 1970s and 1980s: An Analysis	65
<i>R.S. PLATONOV</i>	The Problem of Universal Judgments in Aristotle's Ethics	81

PHILOSOPHICAL DISCUSSION

Social Philosophy Today: State and Trends ■

<i>A.V. PAVLOV</i>	Images of Modernity in the 21st Century: Automodernism	97
<i>O.S. VOLGIN</i>	Once More about the Concept of Civil Society: A Philosophical Approach	114

FOREIGN PHILOSOPHY. MODERN VIEW

Historical and Philosophical Excursion ■

<i>G.A. ZOLOTKOV</i>	On the Return to Metaphysics in Analytical Philosophy of Mind	130
<i>B.L. GUBMAN (Tver)</i>	A.C. Danto and P. Ricœur: Narrative as a Tool of Historical Knowledge	143

■

Contents	160